

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2021 – № 2 (8)

Ярославль
2021

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР.

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries :
научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. – № 2 (8). – 139 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2021-2-8
2021, № 2 (8). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Полин**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дапэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Ицзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фуци**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ли Сяотао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Разлогов Кирилл Эмильевич**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова; **Шанинская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блиц Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1. Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2021

© Юго-Западный университет КНР, 2021

© Авторы статей, 2021

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky». Southwest University of the People's Republic of China. The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU at the Ministry of Education of the People's Republic of China.

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO, 2021. – № 2 (8). – 139 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2021-2-8 2021, № 2 (8). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Razlogov Kirill Emilievich**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of arts of the Russian Federation, Professor of Gerasimov Institute of Cinematography; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadiyevna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69 (publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2021

© Southwest University of the People's Republic of China, 2021

© Authors of articles, 2021

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ	THE CONTENT
ПОЛИТОЛОГИЯ	POLITICAL SCIENCE
<i>Млечко Т. П.</i> Уникальность коллизий в типичном сценарии: языковая политика Республики Молдова.....5	<i>Mlechko T. P.</i> The uniqueness of collisions in a typical scenario: the language policy of the Republic of Moldova.....6
<i>Пефтиев В. И.</i> Векторы политических перемен в России.....28	<i>Peftiev B. I.</i> Vectors of political change in Russia.....28
<i>Колода С. А.</i> Социально-культурные отношения Украины и Китая: история, современное состояние и перспективы...42	<i>Koloda S. A.</i> Socio-cultural relations of Ukraine and China: history, current situation and prospects42
ФИЛОЛОГИЯ	PHILOLOGY
<i>Семенова А. В.</i> Образ сумрачного богатыря в поэме М. М. Хераскова «Владимир» и сказке А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»64	<i>Semenova A. V.</i> The image of the gloomy warrior in M.M. Kheraskov's poem "Vladimir" and in A.S. Pushkin's fairy tale "Ruslan and Lyudmila"65
<i>Дубаков Л. В., Чжэн Цяньцян</i> Мотив преодоления истории и судьбы и буддийское мировидение в романах А. Л. Иванченко «Монограмма» и Мо Яня «Устал родиться и умирать»75	<i>Dubakov L. V., Zheng Qianqian</i> The motive of overcoming history and fate and the Buddhist worldview in A. L. Ivanchenko's novel "Monogram" and Mo Yan's "Tired of being Born and Dying"76
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	CULTURAL SCIENCE
<i>Ли Сяотао, Янь Цин</i> Российско-китайский культурный диалог: русское передвижничество и китайская живопись XX века.....87	<i>Li Xiaotao, Yan Qing</i> Russian-chinese cultural dialogue: Russian itinerant movement and Chinese painting of the XX century88
<i>Ма Вэйхун</i> Культурные атрибуты русского рока: элитарная или массовая культура?105	<i>Ma Weihong</i> Cultural attributes of Russian rock: elitist or mass culture?106
<i>Нин Шилэй, Ли Сяньшу</i> Медицинский и колониальный дискурсы в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин».....118	<i>Ning Shilei, Li Xianshu</i> Medical and colonial discourses in A. P. Chekhov's book "Sakhalin Island".....119
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....133	INFORMATION ABOUT AUTHORS135
Условия публикации статьи в научном журнале «МИР РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН» и требования к оформлению рукописей137	Conditions of publication of the article in the scientific journal «World of Russian-speaking countries» and requirements for manuscripts139

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327

Т. П. Млечко

<https://orcid.org/0000-0002-4775-6724>

**Уникальность коллизий в типичном сценарии:
языковая политика Республики Молдова**

Для цитирования: Млечко Т. П. Уникальность коллизий в типичном сценарии: языковая политика Республики Молдова // Мир русскоговорящих стран. 2021. №2 (8). С. 5–27. DOI 10.20323/2658-7866-2021-2-8-5-27

Статья посвящена проблеме формирования и эволюции самостоятельной языковой политики в новых суверенных государствах на постсоветском пространстве, в каждом из которых при всей схожести процессов есть своя специфика, обусловленная как внутренними, так и внешними факторами. В центре внимания автора языковая политика Республики Молдова, зафиксированная в языковом законодательстве, а также те неординарные коллизии, которые возникали и возникают при решении языковых вопросов в этой полиэтничной республике на протяжении 30 лет ее независимости. Поскольку специальных комплексных исследований по этой теме в настоящее время нет, то статья представляет собой важную попытку дать аналитический обзор языковой политики в Республике Молдова с актуальными социолингвистическими комментариями по всему блоку документов, формирующих ее правовое поле, а также с учетом специфики таких регионов как непризнанная Приднестровская Молдавская Республика и Автономно-территориальное образование Гагауз Ери. В статье впервые вводятся в научный оборот документы и материалы по языковой политике Молдовы последнего периода. Логика композиционного построения статьи позволяет последовательно и достаточно обстоятельно представить три ключевых направления языковой политики в республике: языковую политику в отношении государственного языка с учетом румынского фактора влияния на нее, политику в отношении русского языка как востребованного средства межнационального общения с достаточным индексом устойчивости и его статуса, а также политику в отношении языков этнических меньшинств, которые издавна компактно и дисперсно проживают в молдавском крае. Статья дает цельное представление не только о документах, но и о мотивах, обстоятельствах и процессах их принятия, а также о последствиях и резонансе каждого нового шага в продвижении языковой политики Республики Молдова.

Ключевые слова: языковая политика, языковое законодательство, статус языка, постсоветское пространство, Республика Молдова.

T. P. Mlechko

**The uniqueness of collisions in a typical scenario:
the language policy of the Republic of Moldova**

The article is devoted to the formation and evolution of an independent language policy in the new post-Soviet sovereign states, each of which, despite similar processes, has its own specifics, due to both internal and external factors. The author focuses on the language policy in the Republic of Moldova, as stated in the language legislation, as well as on the extraordinary collisions that have arisen and are arising in dealing with language issues in this multi-ethnic republic during the 30 years of its independence. Since there are no special comprehensive studies on this topic at present, the article is an important attempt to give an analytical overview of language policy in the Republic of Moldova with relevant sociolinguistic comments on the documents forming its legal sphere, as well as taking into account the specifics of such regions as the unrecognized Transnistrian Moldovan Republic and the Autonomous Territorial Unit of Gagauz-Yeri. The article introduces the latest documents and materials on language policy of Moldova for the first time. The logic of the article structure enables to present the three key directions of language policy in the republic in a consistent and sufficiently detailed manner: language policy regarding the state language, with regard to the Romanian influence on it; policy regarding the Russian language as a popular means of inter-ethnic communication with a sufficient index of sustainability and its status; and policy regarding the languages of ethnic minorities that have long lived in the Moldovan region. The article gives a holistic view not only of the documents, but also of the motives, circumstances and processes of their adoption, as well as the consequences of each new step in the language policy promotion in the Republic of Moldova.

Key words: language policy, language legislation, language status, post-Soviet space, Republic of Moldova.

Под воздействием языковой политики (*далее ЯП*) в Республике Молдова (*далее РМ*) последовательно и кардинально за 30 лет независимости постепенно меняется языковая ситуация в целом и отдельные сегменты коммуникативного пространства, языковая личность носителей разных языков и их речевая практика, характер межнациональных отношений и степень консолидации общества. При

всей схожести направлений и обстоятельств формирования и реализации ЯП в постсоветских государствах в Молдове данный процесс имеет свои отличительные особенности, что как социолингвистический феномен представляет интерес и для академической теории, и в практическом плане – как опыт формирования определенного правового поля, предопределяющего реконструктивные действия по из-

менению социокультурного ландшафта страны с полиэтническим по своему составу населением. Актуальность выбранной нами темы заключается еще и в том, что специальных комплексных аналитических исследований, посвященных итогам проведения ЯП за 30 лет независимости РМ, а также проблемам воздействия ее ЯП на динамику и характер языковых процессов в стране, в последнее десятилетие не существует. В статье акцентируется внимание на материалах и документах по ЯП последних лет, которые впервые вводятся в научный оборот.

Цель данной статьи – охарактеризовать языковую политику суверенной Республики Молдова в период с 1989 по 2020 гг., представив с точки зрения социолингвистики специфику ее правового поля в плане способов и траектории продвижения по обозначенным в ней ключевым направлениям.

Основные линии преобразований языкового пространства РМ типичны и касаются: 1) установления де юре и де факто статусной доминанты государственного языка, 2) снижения роли и места русского языка во всех сферах публичной жизни, 3) выстраивания новых координат применения языков национальных меньшинств. Нетипичными для Молдовы, как и для каждого государства, являются коллизии, возникающие в процессе достижения этих целей при проведении ЯП.

Чем обусловлена уникальность коллизий в молдавской ЯП?

Во-первых, факторами мощного румынского геополитического и этнолингвистического влияния и проевропейским вектором внешней политики РМ; во-вторых, дезинтеграционными для территории республики последствиями первых решений в области ЯП, в частности, формированием непризнанной ПМР и обособлением Гагаузской автономии; в-третьих, исконным этническим многообразием населения Молдовы и его принадлежностью к русскоязычному сообществу.

Для ЯП в РМ характерно то, что, в отличие от большинства государств экс-союза, где она была принята единожды в ходе национально-культурных преобразований в период распада СССР, здесь она с тех пор и на протяжении трех десятилетий остается в центре внимания и острых дебатов на уровне исполнительной власти и общества, политических формирований и законодателей страны. Так, очередной этап политической борьбы и общественной полемики по языковому вопросу развернулся в очередной раз вокруг документов, принимаемых Парламентом РМ, на рубеже 2020–2021 гг.

Определение термина «языковая политика» широко представлено в научной и справочной литературе. Оно дано авторитетными специалистами в области социолингвистики и этнополитики с разницей только в большем или меньшем

расширении отдельными авторами его толкования. обстоятельный обзор дефиниций представлен в самом современном и солидном издании «Язык и общество. Энциклопедия» [Язык и общество... , 2016]. Вычленим из этого обзора лишь одну формулировку: «Языковая политика – система мероприятий и законодательных актов, проводимая властями и/или общественными институтами страны, которые ставят перед собой определенные социально-языковые цели. К последним относятся: изменение или сохранение существующих функционально-языковых норм, а также поддержка языков» [Язык и общество ... , 2016, с. 630]. Отметим, что большое значение для выработки новых подходов и оценок ЯП, уточнения терминологии имеют и авторитетные форумы по социолингвистике, проходившие в последние годы.

Базовой частью всех существующих определений является указание на то, что языковая политика – это сознательное воздействие властных структур на сохранение или изменение языковой ситуации, на распределение функций между языками, сосуществующими в едином государстве или ином административно-территориальном пространстве. В современном мире, в частности в России и в европейском геополитическом пространстве, принята эксплицитная модель языковой политики, то есть той, которая зафиксирована в законодательстве. В рам-

ках настоящей статьи мы проследим эволюцию ЯП РМ именно по тем законодательным актам, которые принимались с целью формирования ее правового поля.

ЯП Республики Молдова – эксплицитная. Именно поэтому статья базируется на основных документах, определивших и определяющих эту политику. Что касается научных работ, то с сожалением можно констатировать, что специальных исследований с глубоким анализом языковой ситуации и языковой политики в РМ практически нет. Чаще всего научные публикации посвящены вопросам ЯП применительно к судьбе отдельного языка в мультилингвальной палитре молдавского коммуникативного пространства и являются составной частью работ на более широкую этническую тематику: русскую, болгарскую, украинскую и т. д. [Остапенко, 2012; Млечко, 1999; Млечко, 2013; Шорников, 2019; Кара, 2017; Проблемы языка, 1993; Степанов, 2007].

Интерес к острым и новым аспектам ЯП был повышенным в последнее десятилетие XX века, что отразилось в ряде комплексных исследований, в том числе с участием зарубежных специалистов. В первые два десятилетия XXI века сложилась практика рассмотрения языковой политики в статьях политологов в СМИ по следам принятия отдельных документов в области ЯП либо в работах, посвященных иным проблемам государственного

значения, например, диссертация Л. Н. Краснова «Этноязыковая политика как источник конфликтогенности в постсоветском пространстве (на примере Молдовы и Украины)», на румынском языке – E. Hlihor «Politica lingvistica si de securitate in societatea contemporana» (В переводе: Языковая политика и политика безопасности в современном обществе), E. Oteanu «Politica lingvistica si constructia statala in Republica Moldova» (в переводе: Е. Отяну «Языковая политика и государственное строительство в Республике Молдова») [Краснов, 2017; Hlihor, 2017; Oteanu, 2003].

Рассмотрим последовательно ключевые моменты трех основных направлений ЯП в РМ.

Языковая политика РМ в отношении государственного языка

Вопрос глотонима для обозначения государственного языка РМ является одной из своеобразных коллизий, которая до сих пор не разрешена однозначно в Республике Молдова.

По этому вопросу есть две противоположные точки зрения. Сторонники одной из них, так называемые статалисты (государственники, молдовенисты), придерживаются мнения об исторической первичности глотонима *молдавский язык* и о праве жителей Молдовы титульной национальности и населения суверенного государства в целом

называть язык своей страны молдавским. Ранее использовался еще аргумент о существенной разнице между молдавским и румынским языком, однако он все реже упоминается, так как разница между языками была предопределена разными и исторически долгими контекстами их бытования, а не системой самого языка. Считается, что языковые различия между румынским и молдавскими языками стали возникать с начала XIX века. Во времена СССР, в первой половине прошлого века, эти различия стали усугубляться. Однако во второй половине XX в. начался обратный процесс сближения молдавской и румынской языковых норм, которые сейчас практически неотличимы, хотя разница в речевой практике заметна и явно чувствуется.

Сторонники другой точки зрения, их называют румынистами и унионистами (выступают за объединение Молдовы с Румынией), убеждены в идентичности языков и этническом единстве молдаван и румын: один народ, один язык и два государства, которые должны объединиться / воссоединиться. В этом ключе дана и формулировка в основном справочнике для «массового потребителя», то есть для всех интересующихся, в Википедии: «*Молдавский язык*» – один из **глотонимов** современного румынского языка, поныне активно используемый в Молдавии.

Именно государственному языку посвящен первый из документов

новой языковой политики *Закон о статусе государственного языка МССР* (1989), которым вносится дополнение в действующую тогда Конституцию, в частности: «Государственным языком Молдавской Советской Социалистической Республики является молдавский язык. Государственный язык действует в политической, экономической, социальной и культурной жизни и функционирует на основе латинской графики» [Закон о статусе ... , 1989].

В этом ключе принята и формулировка в *Конституции РМ* (1994). В соответствии со ст. 13, «государственным языком Республики Молдова является молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики» [Конституция, 1994]. Тем не менее, попытки пересмотреть это положение инициировались неоднократно. Последняя из них по хронологии была предпринята в конце 2013 г. Правительство Молдавии одобрило законопроект о замене в Конституции глотонима для государственного языка с «молдавский язык» на «румынский язык». Основанием для такого решения стал вывод о том, что текст *Декларации о независимости Молдавской республики*, в котором государственным языком назван румынский, превалирует над Конституцией, где указан молдавский. Опираясь на это положение, группа депутатов инициировала рассмотрение законопроекта о внесении поправок в Конституцию, на что

Конституционный суд РМ – Постановление КС № 36 от 05.12. 2013 – дал свое положительное заключение. Однако Парламент не проголосовал и изменения не были приняты, таким образом, по-прежнему на законном основании остается глотоним «молдавский язык».

Однако противоречивость проблемы остается де-факто. Несмотря на изложенные выше положения официальных документов язык в системе образования называется румынским, соответственно учебники тоже по румынскому языку, и учебные заведения называются – с румынским языком обучения. Таким образом, система образования формирует румынскую, а не молдавскую языковую идентичность у нового поколения граждан РМ. Такое положение широко поддерживается СМИ и прорумынским академическим сообществом. – Коллизия или компромисс?

Отметим еще одну характерную особенность ЯП, которая непосредственно связана с проблемой продвижения глотонима *румынский язык*. Это перевод письменности с кириллицы на латиницу, хотя от первых письменных источников до советской литературы на молдавском языке использовалась кириллица. В отличие от других республик бывшего Союза, которые тоже предпочли латиницу, для РМ переход был облегчен наличием румынской параллели многих текстов, словарей и другой литературы. Также возможность заимствования

позволила в Молдове очень быстро утвердиться государственному языку в его официально-деловом регистре: бланки различных документов, бюрократическая и профессиональная терминология не требовали самостоятельной разработки.

Конечно, самая сложная часть разработки и внедрения ЯП в РМ, как и в других постсоветских государствах, касалась перехода во всех сферах на государственный язык делопроизводства и профессиональной коммуникации, поскольку значительная часть граждан республики 36,5 % на момент переписи 1989 г. была русскоязычной. Русский язык был широко и прочно укоренен в практику общения в РМ. Подавляющее большинство молдаван были свободно говорящими на русском языке билингвами.

В целях кардинального изменения этой ситуации в пользу государственного языка на рубеже веков были приняты специальные положения о функционировании языков в ряде законов, регламентирующих отдельные сферы: СМИ, образование, судопроизводство, топонимика страны, реклама, визуальная наглядность в общественных местах, циркулирование петиций, получение патентов и сертификатов на изобретения и т. д.

Тем самым решалась проблема обязательного использования государственного языка и допускалось параллельно или в определенных – меньших – пропорциях функционирование русского языка. Посте-

пенно обязательность государственного языка и необязательность русской параллели привела к отказу от нее в очень важных для рядового гражданина сферах: инструкции к лекарствам, перевод с иностранного языка надписей на потребительских товарах, визуальная наглядность на транспорте и в др. публичных местах. Для русофонов это стало нарушением «благоприятного социального пространства». Именно ее значимость подчеркивают специалисты: «Должна присутствовать «пространственная» поддержка языка. Человек должен быть окружен информацией на родном языке: вывесками, наименованиями, объявлениями, газетами, телевидением, радио. Необходимо создание благоприятного социального пространства общения на родном языке на производстве, в транспорте, общественных местах, что вполне реализуемо. Иными словами, требуется создание языковой среды, язык должен стать средством жизни данного этноса, это основное условие выживаемости языка» [Энциклопедия, 2018, с. 635]. В нашем случае речь не о витальности языка как такового, а о сохранении языка в определенном месте пребывания его носителей.

Издержками такой ЯП стали так называемые политологами этнические чистки, когда основным условием сохранения или получения должности / работы в государственных учреждениях стал языковой ценз, в результате чего своих рабо-

чих мест лишились многие, в том числе высококвалифицированные, русскоязычные специалисты, которые в большинстве своем в дальнейшем эмигрировали из страны.

Вопрос перехода на единый, только государственный, язык коммуникации в стране до сих пор окончательно не решен, хотя молодое поколение русофонов в той или иной степени государственным языком владеет. Последние по хронологии документы, принятые с целью повышения уровня владения румынским языком, следующие:

– «Кодекс об образовании Республики Молдова» [Кодекс об образовании ... , 2014];

– «Национальная программа по улучшению качества изучения румынского языка в общеобразовательных учреждениях с обучением на языках национальных меньшинств (2016–2020 годы)», принятая постановлением Правительства РМ в декабре 2015 года» [Национальная программа ... , 2015];

– «Стратегия укрепления межэтнических отношений в Республике Молдова на 2017–2027», введенная в действие Постановлением Правительства от 30 декабря 2016 года [Стратегия укрепления ... , 2016].

Таким образом, по линии упрощения позиций государственного языка политика последовательно и постоянно преломляется в новых документах, в первую очередь, образовательных и касающихся офи-

циального делопроизводства и госаппарата.

Языковая политика РМ в отношении русского языка

Молдавский край издавна находился в зоне плотного взаимодействия со славянским миром, в православном духовном пространстве. Что касается непосредственно русской составляющей местного социокультурного ландшафта, то она стала интенсивно нарастать в период после 1812 года, когда по результатам русско-турецких войн часть исторической Молдовы между реками Прут и Днестр отошла к России. С разными административными и территориальными модификациями она была сначала в XIX и начале XX вв. Бессарабской губернией в составе Российской империи, а в XX веке, исключая период с 1918 по 1940 гг., в составе СССР.

В нашу задачу не входит подробный исторический обзор, поэтому ограничимся этой базовой констатацией, добавив к ней только то, что русский мир Молдовы в разные времена составляли люди статусных социальных слоев: чиновный люд, военные, купцы, ремесленники, промышленники, специалисты в различных областях, творческая интеллигенция. Система образования на русском языке сформировалась еще в XIX веке, занимала значительную долю (40 %) на момент выхода из СССР, и в настоящее время на русском

языке получают образование около 20 % молодого населения РМ. Молдавско-русский билингвизм высокого уровня владения обоими языками – явление прежде широко распространенное и отчасти сохраняющееся в молодом поколении титульного населения РМ. Таким образом, русский язык в РМ востребован не только носителями языка, но и инофонами разного этнического происхождения. Также сохранена русская языковая среда и вся ее опорная инфраструктура: театры, библиотеки, учебные заведения, церкви, СМИ и др.

По данным переписи населения 1989 г., русский язык был родным или вторым языком, которым свободно владеют, для 68,5 % жителей Молдавии. Русское языковое сообщество даже превосходило по численности сообщество людей, говорящих в МССР на молдавском языке: соответственно 68 % и 67 %. [Тоталуриле реченэмынтулуй ... , 1990].

Страна и сейчас по праву относится к числу так называемых русскоговорящих стран. В связи с этим обращает на себя внимание название *Закона о функционировании языков, на которых говорят на территории Республики Молдова* [Закон о функционировании ... , 2020].

Изданный в 2020 году «*Индекс положения русского языка в мире: Индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), Индекс устойчивости в странах постсо-*

ветского пространства (УС-Индекс)» фиксирует по РМ *сравнительно высокие показатели устойчивости русского языка в различных сферах*: в государственно-общественной сфере – 2 по шкале от 0 до 3; в сфере образования (2018-2019 гг.) – 192 среди показателей по постсоветскому ареалу от 5,1 до 600; в научной коммуникации (2019) – комплексный индекс 3,84 при разбросе данных от 0,19 до 12,75. Наконец, в рейтинге, отражающем общий комплексный индекс устойчивости русского языка в странах, находящихся на территории бывшего СССР, Республика находится на четвертом месте с показателем 7,14 при показателях по другим странам от 3,03 до 25 [Индекс положения ... , 2020].

Именно прочные позиции русского языка в МССР и его повсеместное использование стало в канун и в период распада Союза острой проблемой при реализации основной цели новой ЯП, которая предполагала форсированный переход на государственный, то есть на молдавский язык повсеместной и всеобщей коммуникации. Суть проблемы в том, что практически все жители республики знали в достаточной степени русский язык, но треть населения, так называемые русскоязычные, не владела языком титульного населения страны проживания. Ситуация вполне типичная для новых независимых республик постсоветского ареала, но у каждой из них своя особая колли-

зия. В РМ она связана в первую очередь со статусом русского языка.

В лимитированных рамках данной статьи остановимся только на этом аспекте, поскольку именно в этом состоит характерная для Молдовы коллизия в типичном для государств экс-Союза сценарии ЯП.

Символична ситуация относительно статуса русского языка в новой РМ – в плане ее восприятия общественным сознанием того периода – обозначил П. М. Шорников, историк и депутат первого и нескольких последующих созывов Парламента РМ, в заголовке своей монографии «Покушение на статус» – на фактический статус русского языка. До сих пор вопрос его статуса – один из актуальных для ЯП РМ [Шорников, 1997].

Для двух регионов страны он был решен окончательно еще в начале 90-х гг. путем их административно-территориального обособления в жестком противоборстве с вершителями национально-языковой политики в структурах центральной власти.

Острые разногласия по вопросу статуса русского языка и стоящего за этим масштаба его функционирования, а также сопротивление намерениям унионистов объединить Молдову с Румынией стали причиной дезинтеграции республики и обособления ее восточных районов, находящихся на левом берегу Днестра, где проживало и работало на больших предприятиях общесоюзного значения в основном

русскоязычное население. С 1991 года эта территория присутствует в геополитическом пространстве региона в качестве непризнанной Приднестровской молдавской республики (*далее ПМР*) со столицей в городе Тирасполе.

ЯП непризнанной ПМР базируется на равноправии проживающих там этносов и их примерно равновеликих пропорциях в составе населения. Поэтому **статус официальных языков** ПМР имеют соответственно молдавский, русский, украинский языки.

«Ст. 3. Правовой статус языков. На территории Приднестровской Молдавской Республики все языки наделены равным правовым статусом и обеспечиваются одинаковой защитой и поддержкой государства.

Статус официального языка на равных началах придается молдавскому, русскому и украинскому языкам» [Закон ПМР ... , 2019].

Подробно об этом в диссертации и монографии Е. А. Погореловой «Языковая ситуация и языковая политика: Русский язык в Приднестровье» [Погорелова, 2003].

Второй регион, который добился своей относительной самостоятельности в 1994 году – это Гагаузская автономия или официально – Автономно-территориальное образование Гагауз Ери в составе Республики Молдова. Это южный регион страны, где компактно проживают гагаузы: православное русско-

язычное население тюркского этнического происхождения.

В рамках собственной ЯП в Гагаузии **статус официальных языков** был сразу присвоен тоже трем языкам: гагаузскому, молдавскому и русскому и в дальнейшем закреплен еще в одном документе в Уложении Гагаузии [Уложение Гагаузии ...].

Решенный таким образом вопрос статуса русского языка в данных русскоязычных регионах — важный знак для тех, кто посредством языковой политики намерен способствовать интеграционным процессам в обществе.

Что касается основного статуса русского языка в РМ, то изначально в одном из первых и главных документов, определяющих ЯП для новой Молдовы, в *Зако́не о функционировании языков на территории МССР*, который был принят еще до обретения ею независимости — 1 сентября 1989 г. вслед за принятым 31 августа 1989 г. *Законом о государственном языке*, — был установлен **статус языка межнационального общения**, который, согласно ст. 3 «выполняет эту роль наряду с государственным молдавским языком» [Закон о функционировании ... , 1989].

По тому, какой широкий спектр функционирования предписывался русскому языку положениями данного закона, этот статус вполне соответствовал статусу второго государственного или официального языка, функционирующего почти

параллельно с государственным. За одним важным исключением: владение молдавским языком было сформулировано как обязательная для всех и главная задача, чего не требовалось для русского языка как языка межнационального общения.

Оценивая реализацию этого Закона сейчас с позиций относительной временной дистанции, можно констатировать тот главный факт, что многие положения Закона не исполнялись по отношению не только к русскому языку даже тогда, когда в 1994 г. этот органический закон получил статус конституционного. Однако он был очень важным и стал определенным тормозом для принятия решений, ограничивающих права русскоязычных граждан РМ. Многократно, на волне жесткого политического противостояния по языковому вопросу, предпринимались попытки пересмотреть данный Закон.

Хотя он продолжал оставаться в числе действующих, однако попытки урезать роль и место русского языка иными Законами предпринимались постоянно. Примером могут служить поправки к *Закону об удостоверяющих личность документах*, принятые в 2013 г., которые лишили русских людей и не только отчество, то есть обязательного компонента имени собственного при записи в паспорте. Борьба за их восстановление продолжается [Постановление правительства ... , 2013; Справка к пятому ... , 2019].

Другой пример – принятие нового *Кодекса об образовании*, отдельные положения которого позволили принять решение об отмене обязательного изучения русского языка в среднем звене учебных заведений с государственным языком образования [Кодекс об образовании, 2014]. Таким образом, русскому языку предписан в системе образования РМ статус второго иностранного языка по выбору учащихся.

Судьба Закона о функционировании языков на территории РМ была решена Конституционным судом РМ в июне 2018 года, когда его просто отменили как устаревший [Решение Конституционного ... , 2018]. Таким образом был в одночасье упразднен единственный документ, где определялся статус русского языка в РМ вообще – статус его как языка межнационального общения, что де факто давало возможность определенным образом использовать его в объективно востребованном и значительно большем диапазоне, чем языки других национальных меньшинств РМ.

Неожиданным по смелости поворотом в этой истории стало то, что сформировавшееся в конце 2020 года большинство в Парламенте РМ под давлением общественности и в соответствии со своими политическими установками вернулось к этому закону в его обновленном варианте. В новой версии закон был принят Парламентом РМ 16 декабря 2020 г. [Закон о функционировании ... , 2020].

Русскому языку был возвращен утраченный статус. Закон, в частности, предусматривал, что жители Молдовы могут обращаться в органы государственной власти, государственные учреждения, предприятия и организации на государственном или русском языке. В свою очередь, госслужащих могут обязать по запросу граждан предоставлять перевод документов на русский язык, принимать заявления на русском и давать информацию на том языке, на котором написано заявление. Отдельные положения касались и переводов на русский язык инструкций к лекарствам и справочной информации на потребительские товары. Однако это стало основанием для опротестования закона в Конституционном суде РМ.

Председатель Конституционного суда объяснила, почему КС принял решение признать неконституционным *Закон о функционировании языков, на которых говорят на территории Республики Молдова*, принятый Парламентом РМ 16 декабря 2020 года. Суд постановил, что «возведение русского языка на один уровень с румынским, который является государственным, противоречит Конституции». Глава КС напомнила: ст. 13 Конституции гласит, что государственным языком Республики Молдова является молдавский язык, а во второй части статьи сказано, что государство признает и охраняет право на сохранение, развитие и функционирование русского языка и других

языков, используемых на территории страны. «Русский тут указан как пример, он не наделяется приоритетом. Закон (Конституция) не дает русскому языку особый статус, по сравнению с другими языками, на которых говорят в Молдове: украинскому, болгарскому, гагаузскому, романи и так далее», – разъяснила председатель КС [Конституция не предусматривает ... , 2021].

За всем этим вполне объяснимое нежелание носителей титульного языка считать для себя обязательным изучение и использование русского языка как социально значимого для них. За таким пунктом ЯП в РМ стоит и убежденность в том, что «использование одного языка на всей территории страны может способствовать ликвидации дискриминации граждан» [Конституция не предусматривает ... , 2021]. Кроме того, для определенных политических сил прорумынского и проевропейского толка русский язык не угоден как фактор связи с Россией и СНГ.

Завершая тему статуса русского языка в контексте ЯП РМ, необходимо отметить, что узаконенный государством проевропейский вектор внешней политики РМ так или иначе ориентирует Молдову на решение отдельных вопросов, в том числе национально-языковых, по европейскому образцу. В этой связи неоднократно вплоть до 2012 года на разных уровнях в РМ с участием многочисленных экспертов обстоятельно обсуждались пригодные для

РМ варианты *Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств*. Хартию РМ подписала в 2002 году, но так и не ратифицировала. Одна из важных причин, что весьма показательна, – отсутствие в ней статуса, адекватного положению и роли русского языка в Республике Молдова.

Языковая политика в отношении этнических меньшинств

Во все времена всеми авторами-исследователями, путешественниками, писателями – при описании Молдавии отмечалась этническая пестрота населения этого края, что отражается и в статистических данных по населению Молдовы в разные периоды. В республике на ее небольшой территории, с некогда самой высокой плотностью населения в СССР, тесно соприкасаются и пересекаются три цивилизационные составляющие: романская (молдаване, румыны), славянская (украинцы, русские, болгары, белорусы, поляки) и тюркская (гагаузы, азербайджанцы). Кроме того, край входил в черту оседлости евреев и на рубеже XIX–XX вв. почти половину населения Кишинева составляли евреи. Еще раньше здесь обосновались греки, бежавшие из Османской империи; в южные земли Бессарабии селились немецкие колонисты-переселенцы. Здесь традиционно проживают цыгане (ромы). В период выхода из СССР в МССР доля жителей нетитульной национальности, по данным пере-

писи 1989 года, составляла 35,5 % от всего населения. Как правило, все они, за исключением цыган, сохраняя этнические корни, использовали в социальном общении русский язык и составляли вместе с этническими русскими так называемое русскоязычное население республики.

По данным последней переписи населения 2014 г., пропорции эти изменились. Помимо молдаван и румын (75,1% + 7 %), наибольшими по численности этническими сообществами в РМ являются украинцы (6,6 %), гагаузы (4,6 %), русские (4,1 %), болгары (1,9 %). Свои официально зарегистрированные в РМ этнокультурные организации есть у представителей 20 национальностей. Из тех, кто в ходе Переписи 2014 года пожелал указать свой родной язык, молдавский назвали 56,7 %, румынский – 23,5 %, русский – 9,7 %, гагаузский – 4,2 %, украинский – 3,9 %, болгарский – 1,5 % [Перепись населения ... , 2014].

ЯП относительно национальных меньшинств стала сразу формироваться в общем контексте новой национально-языковой политики РМ, что подтверждает один из упоминавшихся выше *Закон о функционировании языков на территории МССР* (1989 г.). В его положениях акцент был сделан на сохранении и развитии культурных традиций, а также изучении и использовании языков меньшинств в зонах их компактного проживания.

Это было важно для представителей нетитульного населения РМ, так как на волне этнической мобилизации и мощного национально-культурного движения того периода они активно и сплоченно добивались прав на сохранение и выражение своей национальной самобытности. За этим законом последовал ряд указов Президента РМ и постановлений правительства РМ по мерам конкретной поддержки каждому из национально-культурных сообществ, в том числе фигурировали обязательные положения о сохранении и изучении их родных этнических языков.

Отметим, что такое внимание новой национально-языковой политики, всецело нацеленной на всемерное укрепление государственного языка, по отношению к лингвокультурным потребностям и проблемам меньшинств как раз и объясняется именно этим ее «титულным» приоритетом. Суть в том, что размежеванием интересов национальных меньшинств достигалась разобщенность русскоязычного сегмента, ослаблялись позиции русского языка. В качестве альтернативы нетитульным гражданам предлагалось изучать свои языки и государственный язык страны проживания.

Несмотря на декларируемую расположенность государства к национальным меньшинствам закон об их правах очень долго не принимался, хотя в разных вариантах обсуждался в Парламенте РМ

нескольких созывов. Он был принят даже позже, чем страна присоединилась в 1996 году к международному европейскому документу – *Рамочной конвенции по защите прав национальных меньшинств*. – Закон о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций был принят только в 2001 году.

Основная коллизия, связанная с этим законом, порождена противоречием между положениями *Закона о функционировании языков на территории МССР* (1989 г.) и языковой ст. 13. *Конституцией РМ*, принятой в 1994 году, что стало причиной и других многочисленных коллизий, связанных с дальнейшим регламентированием использования языков в других законодательных актах. Суть в том, что все законодательные акты, разработанные с опорой на действующий *Закон о функционировании языков* 1989 г., опротестовываются в Конституционном суде, который при принятии решения опирается на положения действующей Конституции 1994 года, которая особого статуса для русского языка напрямую не предусматривает. Особенно ярко эти противоречия проявились в период после принятия Парламентом РМ в 2001 году *Закона «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций»*. Целый ряд статей, которые по сути повторяли положения *Закона о функ-*

ционировании языков, в части, касающейся использования русского языка, были признаны неконституционными, несмотря на то, что пункт ст.13 Конституции РМ отсылает нас к органическому закону.

«Статья 13. Государственный язык, функционирование других языков (1) Государственным языком Республики Молдова является молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики. (2) Государство признает и охраняет право на сохранение, развитие и функционирование русского языка и других языков, используемых на территории страны. (3) Государство содействует изучению языков международного общения. (4) Порядок функционирования языков на территории Республики Молдова устанавливается органическим законом» [Конституция РМ, 1994].

Поскольку Закон 1989 г. и выше упоминаемая его новая версия 2020 г. выведены из правового поля Конституционным судом РМ, то в настоящее время ЯП по отношению к языкам национальных меньшинств РМ регламентируется *Законом о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций* и отдельными положениями *Рамочной конвенции по защите прав национальных меньшинств*. Регулярно, согласно процедурным требованиям ее имплементации, государства, присоединившиеся к *Конвенции*, проводят мониторинг и готовят отчет.

Республика Молдова в 2019 г. представила в Совет Европы уже пятый отчет.

Как уже упоминалось, в 2002 г. Молдова подписала Европейскую Хартию региональных языков и языков меньшинств, но не ратифицировала ее, хотя работа и на национальном уровне и с участием международных экспертов проводилась регулярно вплоть до 2012 года. Важно упомянуть перечень языков, актуальных, с точки зрения разработчиков и экспертов, для государственной поддержки в РМ. В проекте зафиксирован следующий список языков: *болгарский, гагаузский, немецкий, польский, русский и украинский*, а также *романи и идиш*, которые относятся к нетерриториальным языкам и охватываются Частью II Хартии.

В настоящее время, несмотря на возможности, которые в рамках ЯП существуют для языков национальных меньшинств, все, за исключением русского, используются в очень ограниченном диапазоне по целому ряду причин. Стабильно только наличие в системе образования преподавание/изучение языков меньшинств в учебных заведениях и изучение ими курса «История, культура и традиции /такого-то/ народа».

Более всех в деле продвижения своего языка преуспели гагаузы. В 2010 году в изданной ЮНЕСКО при поддержке правительства Норвегии последней по хронологии версии «Атласа языков мира, нахо-

дящихся под угрозой исчезновения» [Атлас языков ... , 2010] гагаузский язык был назван в числе исчезающих. В АТО Гагауз Ери сделали очень многое, чтобы «спасти» свой язык от такого статуса.

До конца XIX века гагаузский язык оставался бесписьменным. В 1957 году была создана гагаузская письменность на основе кириллицы. В 1994 году гагаузский язык специальным законом был переведен на латинскую графику.

ЯП для этого региона зафиксирована в трех главных документах. Это Закон об особом правовом статусе Гагауз Ери (1994), Уложение Гагауз Ери (1998), в котором языковая статья изложена следующим образом:

- (1) Официальными языками в Гагаузии являются гагаузский, молдавский и русский языки.
- (2) Гагаузский язык функционирует на основе латинской графики и является основой национального самосознания гагаузского народа. Возрождение, сохранение, развитие и расширение сферы употребления гагаузского языка являются приоритетными задачами органов публичной власти Гагаузии.
- (3) Каждый гражданин, проживающий на территории Гагаузии, вправе указывать в удостоверениях личности фамилию, имя, отчество, правописание которых определяется орфографическими нормами гагаузского языка.

(4) Гагаузия признает и гарантирует равные права на сохранение и развитие языков и культур всех национальностей, проживающих на ее территории, создает возможности для их свободного развития [Уложение Гагаузии ... , 1998].

В развитие поддержки гагаузскому языку в 2018 году Народным собранием АТО Гагаузии принимается *Закон о расширении сферы применения гагаузского языка* [Закон о расширении... 2018]. Он вступил в силу в Гагаузии с начала 2019 года. Документ касается разных аспектов ЯП и управления языковой средой. В нем предусмотрены такие конкретные механизмы реализации ЯП как выплата специальных надбавок к зарплате учителям гагаузского языка, а также преподавателям факультета национальной культуры Комратского госуниверситета, финансовая поддержка писателям и поэтам, пишущим на этом языке и др.

В направлении расширения и насыщения коммуникативного поля гагаузского языка в Гагаузии появилось Евангелие на родном языке. Книга была переведена более 100 лет назад протоиереем Михаилом Чакиром и до сих пор была раритетом. Также открылась онлайн библиотека гагаузских произведений, созданы электронные двуязычные словари, компания Google

добавила поддержку гагаузского языка в электронной клавиатуре на устройствах, функционирующих на базе Android. В июне 2019 г. начало действовать Гагаузское общественное телерадиовещание – Телерадио Гагаузии (гаг. Gagauziya Radio Televizionu kulesi – GRT), ведущее свои программы на трех языках: гагаузском, русском и молдавском.

Оценивая ЯП в РМ в общепринятых категориях современной социолингвистики, воспользуемся классификацией известного ученого В. М. Алпатова. Он выделяет 4 модели ЯП и языковой ситуации. «Первая – это один господствующий на всей территории государственный язык и отсутствие государственной поддержки языков меньшинств. Вторая – равноправное официальное многоязычие. Третья модель – один доминирующий язык (обычно со статусом общегосударственного) при признании и господдержке других языков. И четвертая – это модель языкового плюрализма без доминирующего языка или языка бывшей колониальной метрополии» [Алпатов, 2018, с. 24]. На основании нашего аналитического обзора можно констатировать, что ЯП в РМ принадлежит к третьей модели по классификации В. М. Алпатова, но тяготеет к первой, как и большинство стран экс-Союза.

Библиографический список

1. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире. – Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве // Международная конференция (Москва 14-17.11.2018): доклады и сообщения / отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. Москва : Языки народов мира. С. 24–33.
2. Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения. URL: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/en/atlasmap.html>. (Дата обращения: 11.06.2021).
3. Закон о функционировании языков на территории МССР, №3465 от 01.09.1989.
4. Закон о статусе государственного языка Республики Молдова. N 3464-XI от 31.08.89 (в силу 30.09.1989). Вести N 9/216 от 1989.
5. Закон о возврате молдавскому языку латинской графики. Опубликовано: 01-09-1989 в Vestile R.s.s.m № 9, статья № 214.
6. Закон о функционировании языков, на которых говорят на территории Республики Молдова №234 от 22-12-2020. Официальный вестник No. 353-357, арт. 274.
7. Закон о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций. №382 от 19.07. 2001. Monitorul Oficial № 107 статья № 819 – 04.09.2001.
7. Закон Приднестровской Молдавской Республики «О языках в Приднестровской Молдавской Республике» (в редакции на 14.03.2019.).
9. Постановление Правительства РМ об утверждении Положения о выдаче документов, удостоверяющих личность, и об учете граждан Республики Молдова Опубликовано : 22-02-2013 в Monitorul Oficial № 36-40 статья № 171.
10. Индекс положения русского языка в мире: Индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), Индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс) / под ред. М.А. Осадчего. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. 42 с.
11. Кара Н. Язык болгар Молдовы: история и современность : сборник статей / Надежда Кара ; Институт культурного наследия Академии Наук Молдовы, Научное общество болгаристов Республики Молдова. Кишинев : Lexon-Prim, 2017. 210 с.
12. Кодекс об образовании Республики Молдова № 152 от 17. 07. 2014.
13. Конституция Республики Молдова. Опубликовано: 18.08.1994 в Monitorul Oficial Nr. 1 статья № : 1. Дата вступления в силу : 27.08.1994.
12. «Конституция не предусматривает привилегий». Почему КС. Отклонил закон о функционировании языков. URL: <https://newsmaker.md/rus/novosti/konstitutsiya-ne-predusmatrivaet-privilegiy-dlya-russkogo-yazyka-pochemu-ks-otklonil-zakon-o-funktsionirovanii-yazykov/>. (Дата обращения: 21.01.2021).
15. Краснов Л. Н. Этноязыковая политика как источник конфликтогенности в постсоветском пространстве (на примере Молдовы и Украины) : дисс. канд. полит. н. Москва : РУДН, 2017. 164 с.

16. Млечко Т. П. Русский язык в системе образования Республики Молдова. Кишинев, 1999. 312 с.
17. Млечко Т. П. Русская языковая личность ближнего зарубежья. Кишинев : Слав. ун-тет РМ, Valinex, 2013. 437 с.
18. Население и демографические процессы. НБС, Кишинев, 2013. URL: www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=263&id=2198. (Дата обращения: 21.01.2021).
19. Национальная программа по улучшению качества изучения румынского языка в общеобразовательных учреждениях с обучением на языках национальных меньшинств (2016-2020 годы). Постановление Правительства № 904 от 31.12. 2015.
20. Остапаенко Л. В. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... (Этносоциологическое исследование) / Л. В. Остапаенко, И. А. Субботина, С. Л. Нестерова. Москва : ИАЭ РАН, 2012. 403 с.
21. Погорелова Е. А. Языковая ситуация и языковая политика: Русский язык в Приднестровье : дисс. д.фил.н. Москва, 2003. 444 с.
22. Перепись населения и жилищ в Республике Молдова 2014. URL: [Statistica.md www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=479](http://www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=479). (Дата обращения: 21.01.2021).
23. Решение Конституционного суда РМ о признании устаревшим Закона №3465 от 01.09.1989 «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» 04.06.2018.
24. Справка к пятому периодическому докладу Республики Молдова по Рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств. URL: <https://ksrs.md/2019/02/14/%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0-%D0%BA-%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%BC%D1%83-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D1%83-%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB/>. (Дата обращения: 21.01.2021).
25. Степанов В. П. Украинцы Республики Молдова. Кишинев : Ин-т культурного наследия Академии наук Молдовы, 2007. 710 с.
26. Стратегия укрепления межэтнических отношений в Республике Молдова на 2017-2027 годы. Постановление Правительства № 1464 от 30.12. 2016. URL: lex.justice.md/UserFiles/File/2017/mo60-66ru/strategia_1464.docx. (Дата обращения: 21.01.2021).
27. Тоталуриле реченсэмынтулуй унионал ал популяцией дин РСС Молдова дин anul 1989. Кулежера де дате статистиче. Вол.1. Кишинэу. 1990. П. 207-208.
28. Уложение Гагаузии (Гагауз Ери) №28-XXX/I от 05.06.1998 г. URL: <https://halktoplushu.md/index.php/ulozhenie-gagauzii>. (Дата обращения: 21.01.2021).
29. Шорников П. М. Покушение на статус: Этнополитические процессы в годы кризиса. 1988-1996. Кишинев : НПО «Инесса», 1997. 236 с.
30. Шорников П. М. Вопрос о статусе русского языка в Молдавии // Шорников П. М. Общинное дело : Материалы к истории русского этнокультурного движения в Молдавии. Тирасполь : [Б. и.], 2019. С. 12–21.
31. Язык и общество. Энциклопедия. Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2016. 872 с.

32. Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и Украине // Сб. ст. Института культурного наследия Академии Наук. Кишинев : Штиинца, 1993. С. 7–12.
33. Языковая политика в контексте современных языковых процессов / под. ред. А. Н. Биткеевой. Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2015. 472 с.
34. Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред. С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова, 2017. Москва : ИЭА РАН. 272 с.
35. Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве : Международная конференция (Москва, 14-17 ноября 2018): доклады и сообщения / отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева, 2018. Москва : Языки народов мира. 750 с.
34. Hlihor E. Politica lingvistica si de securitate in societatea contemporana. URL: <https://www.academia.edu>. (Дата обращения: 21.01.2021).
35. Oteanu E. Politica lingvistica si constructia statala in Republica Moldova. URL: <https://vdocuments.mx/politica-lingvistica-si-constructia-statala-in-republica-moldova.html>. (Дата обращения: 21.01.2021).

Reference list

1. Alpatov V. M. Jazykovaja politika v sovremennom mire. – Jazykovoe edinstvo i jazykovoe raznoobrazie v polijetnicheskom gosudarstve = Language policy in the modern world. – Linguistic unity and linguistic diversity in a multi-ethnic state // Mezhdunarodnaja konferencija (Moskva 14-17.11.2018): doklady i soobshhenija / отв. red. A. N. Bitkeeva, M. A. Gorjacheva. Moskva : Jazyki narodov mira. S. 24–33.
2. Atlas jazykov mira, nahodjashhihsja pod ugrozoi ischeznovenija. = Atlas of the world's endangered languages. URL: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/en/atlasmap.html>. (Дата обращения: 11.06.2021).
3. Zakon o funkcionirovanii jazykov na territorii MSSR = Law about the functioning of languages on the territory of the MSSR, №3465 ot 01.09.1989.
4. Zakon o statute gosudarstvennogo jazyka Respubliki Moldova = Law on the status of the state language in the Republic of Moldova. N 3464-XI ot 31.08.89 (v silu 30.09.1989). Vesti N 9/216 ot 1989.
5. Zakon o vozvrate moldavskomu jazyku latinskoj grafiki = Law on the return of the Latin script to the Moldovan language. Opublikovan: 01-09-1989 v Vestile R.s.s.m № 9, stat'ja № 214.
6. Zakon o funkcionirovanii jazykov, na kotoryh govoryat na territorii Respubliki Moldova = Law on the functioning of languages spoken on the territory of the Republic of Moldova №234 ot 22-12-2020. Oficial'nyj vestnik No. 353-357, art. 274.
7. Zakon o pravah lic, prinadlezhashhih k nacional'nyim men'shinstvam, i pravovom statute ih organizacij = Law on the rights of national minorities and the legal status of their organizations. №382 ot 19.07. 2001. Monitorul Oficial № 107 stat'ja № 819 – 04.09.2001.
7. Zakon Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki «O jazykah v Pridnestrovskoj Moldavskoj Respublike» = Law of the Transnistrian Moldovan Republic “On languages in the Transnistrian Moldovan Republic” (v redakcii na 14.03.2019).

9. Postanovlenie Pravitel'stva RM ob utverzhdenii Polozhenija o vydache dokumentov, udostoverjajushhijh lichnost', i ob uchte grazhdan Respubliki Moldova = Resolution of the Government of the RM on the Regulation of issuing identity documents and registration of citizens of the Republic of Moldova. Opublikovan : 22-02-2013 v Monitorul Oficial № 36-40 stat'ja № 171.

10. Indeks polozhenija russkogo jazyka v mire: Indeks global'noj konkurentosposobnosti (GK-Indeks), Indeks ustojchivosti v stranah postsovetskogo prostranstva (US-Indeks) = The Index of the Russian language status in the world: Global Competitiveness Index (GC-Index), Sustainability Index in Post-Soviet Countries / pod red. M. A. Osadchego. Moskva : Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2020. 42 s.

11. Kara N. Jazyk bolgar Moldovy: istorija i sovremennost' : sbornik statej = The Bulgarians' language in Moldova: history and modern time : collection of articles / Nadezhda Kara ; Institut kul'turnogo nasledija Akademii Nauk Moldovy, Nauchnoe obshhestvo bolgaristov Respubliki Moldova. Kishinev : Lexon-Prim, 2017. 210 s.

12. Kodeks ob obrazovanii Respubliki Moldova = Education code of the Republic of Moldova № 152 ot 17. 07. 2014.

13. Konstitucija Respubliki Moldova = Constitution of the Republic of Moldova. Opublikovan: 18.08.1994 v Monitorul Oficial Nr. 1 stat'ja № : 1. Data vstuplenija v silu : 27.08.1994.

12. «Konstitucija ne predusmatrivaet privilegij». Pochemu KS. Otklonil zakon o funkcionirovanii jazykov. = “The Constitution does not provide for privilege”. Why the CC rejected the law on the functioning of languages. URL: <https://newsmaker.md/rus/novosti/konstitutsiya-ne-predusmatrivaet-privilegii-dlya-russkogo-jazyka-pochemu-ks-otklonil-zakon-o-funktsionirovanii-jazykov/>. (Data obrashhenija: 21.01.2021).

15. Krasnov L. N. Jetnojazykovaja politika kak istochnik konfliktogennosti v postsovetskom prostranstve (na primere Moldovy i Ukrainy) = Ethnic language policy as a source of conflict in the post-Soviet space (the case of Moldova and Ukraine) : diss. kand. polit. n. Moskva : RUDN, 2017. 164 s.

16. Mlečko T. P. Russkij jazyk v sisteme obrazovanija Respubliki Moldova = The Russian language in the education system of the Republic of Moldova. Kishinev, 1999. 312 s.

17. Mlečko T. P. Russkaja jazykovaja lichnost' blizhnego zarubezh'ja = Russian linguistic personality of the Russia's neighboring countries. Kishinev : Slav. un-tet RM, Valinex, 2013. 437 s.

18. Naselenie i demograficheskie processy. = Population and demographic processes. Kishinev : NBS, 2013. URL: www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=263&id=2198. (Data obrashhenija: 21.01.2021).

19. Nacional'naja programma po uluchsheniju kachestva izuchenija rumynskogo jazyka v obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenijah s obucheniem na jazykah nacional'nyh men'shinstv (2016-2020 gody). Postanovlenie Pravitel'stva = National program to improve the quality of Romanian language learning in general education institutions with teaching in the national minority languages (2016-2020). Government Resolution № 904 ot 31.12.2015.

20. Ostapaenko L. V. Russkie v Moldavii. Dvadcat' let spustja... (Jetosociologicheskoe issledovanie) = Russians in Moldova. Twenty years later... (Ethno-sociological study) / L. V. Ostapaenko, I. A. Subbotina, S. L. Nesterova. Moskva : IAJe RAN, 2012. 403 s.
21. Pogorelova E. A. Jazykovaja situacija i jazykovaja politika: Russkij jazyk v Pridnestrov'e = Language situation and language policy: The Russian language in Transnistria : diss d.fil.n. Moskva, 2003. 444 s.
22. Perepis' naselenija i zhilishh v Respublike Moldova 2014. = Population and housing census in the Republic of Moldova 2014. URL: Statistica.md www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=479. (Data obrashhenija: 21.01.2021).
23. Reshenie Konstitucionnogo suda RM o priznanii ustarevshim Zakona №3465 ot 01.09.1989 «O funkcionirovanii jazykov na territorii Moldavskoj SSR» = Moldovan Constitutional Court decision to recognize as outdated the Law №3465 of 01.09.1989 "On the functioning of languages on the territory of the Moldovan SSR". 04.06.2018.
24. Spravka k pjatomu periodicheskomu dokladu Respubliki Moldova po Ramochnoj Konvencii o zashhite nacional'nyh men'shinstv. = Reference to the fifth periodic report of the Republic of Moldova on the Framework Convention on national minorities protection URL: <https://ksrs.md/2019/02/14/%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0-%D0%BA-%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%BC%D1%83-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D1%83-%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB/>. (Data obrashhenija: 21.01.2021).
25. Stepanov V. P. Ukraincy Respubliki Moldova. = Ukrainians in the Republic of Moldova. Kishenev : In-t kul'turnogo nasledija Akademii nauk Moldovy, 2007. 710 s.
26. Strategija ukreplenija mezhjetnicheskikh otnoshenij v Respublike Moldova na 2017-2027 gody. Postanovlenie Pravitel'stva = Strategy for strengthening inter-ethnic relations in the Republic of Moldova for 2017-2027. Government Resolution № 1464 ot 30.12. 2016. URL: lex.justice.md/UserFiles/File/2017/mo60-66ru/strategia_1464.docx. (Data obrashhenija: 21.01.2021).
27. Totalurile rechensjemyntuluj unional al populaciej din RSS Moldova din anul 1989. Kulezhere de date statistice. Vol.1. Kishinjeu. 1990. P. 207-208.
28. Ulozhenie Gagauzii (Gagauz Eri) = The Code of Gagauzia (Gagauz Eri) №28-XXX/I ot 05.06.1998 g. URL: <https://halktoplushu.md/index.php/ulozhenie-gagauzii>. (Data obrashhenija: 21.01.2021).
29. Shornikov P. M. Pokushenie na status: Jetnopoliticheskie processy v gody krizisa. 1988-1996. = An attempt on the status: ethnic-political processes in the years of crisis. 1988-1996. Kishinev : NPO «Inessa», 1997. 236 s.
30. Shornikov P. M. Vopros o statuse russkogo jazyka v Moldavii = The issue of the Russian language status in Moldova // Shornikov P. M. Obshhinnoe delo : Materialy k istorii russkogo jetnokul'turnogo dvizhenija v Moldavii. Tiraspol' : [B. i.], 2019. S. 12–21.
31. Jazyk i obshhestvo. Jenciklopedija. = Language and society. Encyclopedia. Moskva : Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2016. 872 s.
32. Problemy jazyka, istorii i kul'tury bolgarskoj diaspory v Moldove i Ukraine = Problems of language, history, and culture of the Bulgarian diaspora in Moldova and

Ukraine // Sb. st. Instituta kul'turnogo nasledija Akademii Nauk. Kishinev : Shtiinca, 1993. S. 7–12.

33. Jazykovaja politika v kontekste sovremennyh jazykovyh processov = Language policy in the context of contemporary linguistic processes / pod. red. A. N. Bitkeevoj. Moskva : Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2015. 472 s.

34. Jazykovaja politika, konflikty i soglasie = Language policy, conflict and consensus / otv. red. S. V. Sokolovskij, E. I. Filippova, 2017. Moskva : IJeA RAN. 272 s.

35. Jazykovoe edinstvo i jazykovoe raznoobrazie v polijetnicheskom gosudarstve : Mezhdunarodnaja konferencija (Moskva, 14-17 nojabrja 2018): doklady i soobshhenija = Linguistic unity and linguistic diversity in a multi-ethnic state : International conference (Moscow, November 14-17, 2018): reports and talks / otv. red. A. N. Bitkeeva, M. A. Gorjacheva, 2018. Moskva : Jazyki narodov mira. 750 s.

34. Hlihor E. Politica lingvistica si de securitate in societatea contemporana. URL: <https://www.academia.edu>. (Data obrashhenija: 21.01.2021).

35. Oteanu E. Politica lingvistica si constructia statala in Republica Moldova. URL: <https://vdocuments.mx/politica-lingvistica-si-constructia-statala-in-republica-moldova.html>. (Data obrashhenija: 21.01.2021).

УДК 327

В. И. Пефтиев

<https://orcid.org/000-0001-62-8267>

Векторы политических перемен в России

Для цитирования: Пефтиев В. И. Векторы политических перемен в России // Мир русскоговорящих стран. 2021. №2 (8). С. 28–41. DOI 10.20323/2658-7866-2021-2-8-28-41

Статья посвящена презентации и анализу политических перемен, заявленных и ожидаемых к середине 20-х годов XXI века. Систематизированы основные факторы, закрепившие общественный запрос на перемены. Обоснован вывод о том, что национальные проекты знаменуют собой третий этап эволюции матриц стратегического управления после а) адресных заданий (советские пятилетки) и б) контрольных цифр (индикативное планирование и таргеты эпохи глобализации). Показано, что квинтэссенция конституционной реформы заключена в соразмерном и согласованном участии Президента и Государственной Думы РФ в формировании федерального правительства, ключевого звена исполнительной власти в России. Высказана гипотеза о движении политических партий России к центризму, согласительной практике. Констатирован дисбаланс *de jure* и *de facto* в реализации прав граждан на труд и образование. Россия добивается оптимизации суверенитета с вызовами глобализации, активно выполняет роль посредника в урегулировании международных конфликтов (Сирия, Иран, КНДР, Украина). Высказана рекомендация о желательности легитимизации приватизационных сделок 90-х годов прошлого века. Автор руководствуется предостережением античных мыслителей *kairos*: «Политические преобразования надо делать не слишком рано, но и не слишком поздно».

Ключевые слова: Россия, национальные проекты, политический центризм, рекомбинация суверенитета, глобализация.

B. I. Peftiev

Vectors of political change in Russia

The article presents and analyzes the political changes announced and anticipated by the mid-20s of the XXI century. The main factors shaping the public demand for change have been systematized. The author substantiates the conclusion that national projects mark the third stage in the evolution of strategic management matrices after a) targeted assignments (Soviet five-year plans) and b) target figures (indicative planning and targets of the globalization era). It is shown that the quintessence of the constitutional reform lies in the proportionate and coordinated participation of the President and the State Duma in forming the federal government, the key link in the executive power in

Russia. The assumption is made that political parties in Russia are moving toward centrism and consensual practice. There is a de jure and de facto imbalance in the realization of the civil rights to work and education. Russia seeks to balance sovereignty with the challenges of globalization, being an active mediator in resolving international conflicts (Syria, Iran, North Korea, Ukraine). It is recommended that the privatization transactions of the 1990s should be legitimized. The author is guided by the warning of the ancient thinkers *kairos*: “Political transformations should be done not too early, but not too late”.

Key words: Russia, national projects, political centrism, recombination of sovereignty, globalization.

Введение

Послание Президента Федеральному собранию РФ (15 января 2020 г.) всколыхнуло общественно-политическую жизнь страны. Программа перемен, объявленная В. В. Путиным, отличается от предыдущих масштабностью и неожиданностью нововведений. Она опередила самые потаенные ожидания оппозиции; в этой связи ей (оппозиции) было бы саморазоблачением открыто и «с порога» их блокировать идейно-политическим неприятием. Не в счет маргинальные движения, группы и их «лидеры», профессиональные скептики и пессимисты. Великий почин Президента РФ вышел за узкие пределы пакета поправок, обсуждавшихся с осени 2018 г. (25-летие Конституции 1993 года. Завершается эпоха «просвещенного авторитаризма» (два десятилетия) со своими достижениями и заблуждениями. Россия начнет поиски алгоритмов ответственной демократии: президент вместе с

парламентом осуществляет чувствительные реформы.

Послание Путина нации (2020 годы) – государственный документ регулярный и вместе с тем экстраординарный. Его уникальность вызывается среднесрочными событиями (датами), которые нельзя отменить: выборы депутатов ГД (2021) и Президента (2024, последний срок президентства В. В. Путина). Но подталкивают к радикальным переменам и системные факторы, императивы, не терпящие дальнейших отсрочек. Они должны быть названы и хотя бы кратко представлены.

Первый в порядке очередности – *турбулентная глобализация*. О кризисе глобализации (с 2009 г.) знаем многое, но не все. В политологии чаще всего вовлекают в научный оборот концепты системный кризис, хаос, общество риска (повышенных рисков), неизвестность будущего и др. На устах и эмоциональные метафоры типа «мир в клочьях», «Великая трансформация», «Вселенская катастрофа» и др. [Бек, 2007; Власть и политика, 2012]. Не покушаясь на обоснован-

ность приведенных формулировок, полагаем, однако, что недостаточно изучен критерий кризиса – сила и скорость глобальных изменений (со знаками плюс и минус). Может быть, стоит апробировать концепт турбулентности, знакомый издавна физикам и химикам. Турбулентность применительно к глобализации означала бы резкие колебания, бурные течения, завихрения в политической хронике стран, систем, мега-регионов. Турбулентность может предвещать крутые виражи поколенческих и вековых трендов. К бифуркациям вселенского масштаба относят изменения климата. Эффект «созидательного разрушения» (*Й. Шумпетер*) вторгается и в сферу взаимодействия экологии и экономики. Международные обязательства России по Парижскому соглашению (2015) весомые, но опережающие и купирующие неблагоприятные сценарии и последствия изменения климата до середины XXI века. Аналитики прогнозировали, а статистики констатировали (пусть и с запозданием) замедление мировой экономики, не исключая Россию и Китай. Угроза Великой рецессии трактовалась как а) зазор (пауза) между фазами цикла Кондратьева (50–60 лет), так и б) «новая норма» Т. Пикетти [Пикетти, 2016]. Глобальная рецессия и пандемия добавили новые загадки для власти и мирового бизнеса такие как отрицательные процентные ставки, денежные вливания («программы количественного смягчения, QE) без

инфляции, приток сбережений без инвестиционной отдачи и др. Видимо, мировой кризис 2020 года вызван и внешнеэкономическими (инклюзивными) факторами. Чаще всего называются доверие (недоверие) к власти, деловой климат, изъяны политических институтов.

Стратегия национальных проектов (*далее НП*), обнародованная Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г., – новаторский замысел с акцентом на ускорение социально-экономического развития, повышение благосостояния граждан, укрепление международных позиций России. НП знаменуют собой третий этап эволюции матриц управления, вобравший в себя достижения предшественников: а) адресных заданий (директивное планирование Советского Союза, довоенные пятилетки в особенности); б) контрольные цифры (индикативное планирование послевоенной Франции и таргеты эпохи глобализации). Проектный метод становится общенациональным ориентиром для всех ветвей власти, сегментов бизнеса и гражданского общества (а не только для фирмы, отрасли, территории) после тщательного отбора приоритетов и вариантов инвестирования. Пандемия вызвала падение ВВП России до 3,1 %, Китай добился восстановительного роста более 2,3 %. Новое федеральное правительство (*М. Мишустин*) приступило к устранению обнаруженных ошибок, препятствий, опозданий в реа-

лизации отдельных национальных проектов. Напрашивается и безотлагательная коррекция ассигнований, инвестиций, заданий в соответствии с Посланием президента. Прорывной статус НП, на наш взгляд, недооценен и/или искажен не всегда конструктивными дискуссиями в научно-политическом сообществе России. Расхождения в приоритетах пока не поддаются компромиссам.

Новая стратегия России (июль 2020 г.) определяет национальные цели и приоритеты на текущее десятилетие, вытекает из назревших и ожидаемых реформ в экономике и политике России на текущее десятилетие. Перечень назревших и ожидаемых реформ впечатляет; и каждая – судьбоносная, с множеством субъектов и акторов, с выигравшими и проигравшими, со своим алгоритмом (матрицей).

1. Завершение *пенсионной реформы*. Острые дискуссионные пункты: а) коэффициент замещения, то есть отношение среднего размера пенсии к среднему доходу (соблюдение рекомендации Международной организации труда – МОТ); б) размеры взносов в Пенсионный фонд (ПФ) работодателей и лиц наемного труда (ЛНТ); в) софинансирование государства; г) устранение неравенств в пенсионном обеспечении («бедные пенсионеры»).

2. *Налоговая реформа*. Плоская шкала НДФЛ (подходного налога) не справедлива, но она обеспечивает высокую собираемость поступ-

лений в бюджеты. Надежды на прогрессивный подходный налог избыточны из-за неизбежного ухода части налогоплательщиков в «тень». Один реформированный налог не покончит с бедностью; пересмотру подлежат администрирование и ставки по ряду позиций Налогового кодекса (НК).

3. *Административная реформа*. Ее назначение состоит не в привычном сокращении численности аппарата управления министерств, ведомств, служб, а в оптимизации функционалов, полномочий и процедур координации. Ее «дорожная карта» уточняется по ходу ее реализации (ad hoc).

4. *Реформы оплаты труда*. Зарплата и надбавки к ней – наиболее критикуемый бюджетниками аспект российской действительности. Неприемлемые разрывы в доходах по категориям персонала. Недостаточный учет особенностей отраслей, комплексов, профессий. Руководство России понимает остроту ситуации в медицине и образовании.

Названные реформы – в отдельности и вместе – чувствительны для семьи и общества в целом. Здесь важно прислушаться к предостережению античных мыслителей – *kaïros*, то есть проводить преобразования не слишком *рано* и не слишком *поздно*. Доверимся политической интуиции президента и правительства.

Векторы политических перемен

Политический ландшафт России нельзя культивировать по канонам западной политологии. Неосмотрительно забывать печальные уроки Смуты, случавшейся не единожды в истории России. Еще не зарубцевалась «рана» (травма), причиненная распадом Советского Союза. Население запредельно устает от издержек рыночной экономики, одиозных проявлений периода первоначального накопления капитала. Тяготы трансформации экономики и общества падают, прежде всего, на плечи «новых бедных». И тем не менее общественный запрос и на политические изменения в сторону народовластия (российской модели демократии) приобрел зримые очертания, подтверждаемые социологами [Петухов, 2018].

Принципиальные поправки в текст Конституции РФ

Конституционное развитие постсоветской России знало драматические эпизоды с неясным финалом. Заговор сторонников монополизма КПСС (ГКЧП, август 1991 г.). Противостояние президента Б. Н. Ельцина и Верховного Совета (так называемого «двоевластия», октябрь 1993 г.). Конституция 1993 года, одобренная на общероссийском референдуме, закрепила основы президентской республики. Россия отразила вооруженные атаки сепаратистов на Кавказе. Преодолена Смута 90-х годов XX в.;

восстановлена вертикаль власти. Она (Конституция) выдержала испытание временем. Закреплены универсальные права и свободы человека и гражданина. Президент России как глава государства наделен особыми полномочиями и несет наивысшую ответственность перед нацией. Провозглашено верховенство права. Названа ориентация социально-экономического развития – социальное государство [Лапин, 2019]. Легитимно функционирует оппозиция... Отменена государственная идеология.

Конституция РФ – это «живая» политико-правовая конструкция; ее дух и буква обязаны адекватно отражать веяния эпохи и отвечать чаяниям граждан. Ее совершенствование назрело. В эпоху конфронтации, отчуждения и эгоизма конституции велено быть *интегратором* российского общества, проводником *справедливости* [Зорькин, 2018, 2019]. До президентских инициатив правоведы обсуждали возможность *нетекстуального* изменения Конституции – через судебные решения (КС, ВС) и правоприменительную практику. Президент настоял на доступности поправок всех площадках публичной политики.

Первоначальный вариант поправок включал три сферы конституционного ведения: 1) соразмерное участие Президента и ГД в формировании федерального правительства; 2) дополнительные требования к кандидатам на выборах Пре-

зидента, а также к правящей элите (запрет на двойное гражданство); 3) расширение отдельных прерогатив Совета Федерации (СФ), Государственного Совета (ГС) и Конституционного Суда (КС). В ходе обсуждения (профессионального и любительского) замечания к тексту Конституции касались глав 2–8.

Ядро конституционных изменений, на наш взгляд, находится в новой формуле взаимодействия триады президент – федеральное правительство – российский парламент. Несовпадение интересов ключевых институтов федеральной власти, видимо, на начальном этапе координации деятельности будет сопровождаться конфликтами, трениями, шероховатостями. Политологам совместно с правоведами предстоит уже сейчас продумывать процедуры поиска компромиссов и привлекать к ним гражданское общество, российские неправительственные организации (НПО).

Эволюция политических партий в России

В XXI веке редко какая страна избежала испытания на устойчивость. Евросоюз обратился к центризму, согласительной практике. Эта политическая доктрина дистанцируется от радикализма *маргиналов* и консерватизма традиционных партий; она воспринимается как помеха и реакции (реставрации), и революции. Центризм в Европе чаще всего привязан не к идеологии, а к *ситуации*. Он реализуется в больших и ма-

лых коалициях в парламентах [Мурашева, 2010].

В России другая политическая история и культура. И центризм еще не имеет прочных корней, но он неизбежен тогда, когда промедление с переменами опасно и разрушительно. Ожидаем, что и в России оппозиция под влиянием конституционной реформы смягчит тональность своей риторики, а правящая партия «ЕР» начнет политические контакты с центристами (в своих рядах и среди оппонентов). К центризму могут тяготеть «Справедливая Россия» (СР) и профсоюзы. Не исключена комбинация системной оппозиции, а также появление мини-партий по мере приближения парламентских и президентских выборов.

КПРФ находится на перепутье, перед рубежом бифуркации. Варианты ее судьбы далеки от оптимизма: а) медленное сползание в маргинальную партию; б) смена руководства и движение к партии социал-демократического типа с паузами и зигзагами; в) тактические альянсы со «Справедливой Россией».

СР и ЛДПР, несмотря на популярность риторики и несхожесть партийных лидеров, логикой эволюции тяготеют к центризму, являя собой правое крыло. Эти партии – каждая в отдельности – найдут, полагаем, линии соприкосновения и мотивы для компромиссов с ЕР в большом и малом.

ЕР должна решиться на обновление своей программы действий

(«дорожные карты» по аналогии с указом Президента от 7 мая 2018 г. ЕР предстоят регулярная ротация и омоложение кадров, от высшего звена до территориальных организаций). Она должна овладеть цифровыми и медийными технологиями общения с избирателями и разными слоями общества. ЕР могла бы налаживать устойчивые контакты с национальными делегациями и близкими партийными фракциями в Европарламенте с перспективой на совместные действия. Следует незамедлительно освобождать партию от недостойных членов, невзирая на занимаемые должности.

Политика – это всегда общение с согласными и несогласными, даже протестующими. В единоборстве с государством протестующая личность чаще всего терпела поражение. Но акции протеста, ставшие массовыми, целенаправленными и организованными (лидерами и через социальные сети), – это реальное противодействие монополии государства. Граждане – это налогоплательщики, члены партий и общественных организаций. Не будем умалять роль «молчаливого большинства», а также тех, кто *вне* выборов и партий. Шаткость равновесия в любом обществе вызывается, с одной стороны, необходимостью *перемен* и заботой о *стабильности* – с другой. Поляризация сторонников перемен и стабильности завершается либо достижением национального компромисса, либо конфронтацией с тяжкими послед-

ствиями, потерями для экономики и благосостояния.

Личность и государство: политический прагматизм

Конституция РФ – выверенный свод взаимных прав и обязанностей гражданина (личности, семьи и государства). Раз понадобилась конституционная реформа, значит, где-то и в чем-то равновесие *de facto* нарушено. Политология не рассматривает судебные прецеденты по нарушению (ущемлению) свобод личности *или* иски государства к физическим и юридическим лицам. В поле нашего внимания *политический* прагматизм взаимодействия человека и государства *по вызовам* современности, которые вызывают *дисбаланс* между *de facto* и *de jure* [Рансьер, 2018; Талапина, 2019].

Право на труд. Роботы и «цифра» – это продукты высоких (инновационных, прорывных) технологий. Но они создают *спрос* на одни трудовые профессии и сокращают на другие. Структура занятости в мире и России кардинально изменится в ближайшие десятилетия. Что делать трудящемуся, работодателю и власти? Набор ретроактивных инструментов ограничен: создание новых рабочих мест; профориентация и переквалификация, достаточный базовый доход всем и каждому. Имеются значимые ограничения на радикальное сокращение рабочего дня и рабочей недели (исключения – дистанционный труд в сфере услуг). Не спасает от

массовой безработицы и трудовая мобильность, ибо завязывается новый узел противоречий между а) привычкой к *оседлости* и б) принуждением к «кочевничеству» (различные виды миграции). Сказываются и различия в транспортной доступности между регионами и странами. Неэластичность рынка труда, вытекающая из сингулярности человека как члена социума, подталкивает трудящихся на экстравагантные меры предотвращения неконтролируемой безработицы, такие как защита рабочих мест (кордоны профсоюзов), налогообложения использования роботов и манипуляторов, длительные общенациональные забастовки на истощение. Ждать ли какой-то версии луддитов в XXI веке?

Право на образование. Образование – это право человека, общественное достояние и обязанность государства. Рыночные начала активно вторгаются в некогда бесплатную сферу: конкурентоспособность вуза; модель университета 3.0 (образование, наука, коммерческий результат); дифференциация вузов (престижные, перспективные и остальные). К неравенству по доходам присоединяется новая разделительная линия для молодежи – доступность и качество образования (от детского сада до университета и далее) продвигается медленно и в острых дискуссиях. На специальном заседании Гос. совета одобрены экстренные меры, как-то: ежегодное увеличение бюджетных

мест в вузах; гибкость образовательных стандартов; сеть учреждений дополнительного образования; научно-образовательные центры (один из них в Ярославской области); субсидии и инвестиции из региональных бюджетов и др.

Своевременная и полная уплата налогов (сборов) – *конституциональная обязанность* работающих и бизнеса. Налоговая дисциплина еще не в чести; ею манкируют и даже оправдывают. Очевидно, что без регулярного поступления налогов и обязательных платежей в бюджеты разных уровней Россия беднеет, лишается финансовых и иных ресурсов для величия и процветания.

Конституционная реформа 2020 года – это инициатива на опережение, прорыв, креативное взаимодействие личности и власти.

Рекомбинация суверенитета и глобализации

Заглавный феномен – сложный с разноректорными трендами. Глобализация, хотя и в кризисе, толкает на расширение сферы международного сотрудничества и, следовательно, на активизацию участия в международных организациях. Однако совокупность внешних и внутренних угроз вынуждает национальные власти прибегать к диверсификации и интенсификации государственно-частного партнерства.

Конституции Европы давным-давно допускают передачу части суверенных прав под юрисдикцию наднациональных органов. Такая

норма зафиксирована и в Конституции РФ 1993 года (ст. 79) с важной оговоркой: «если это не влечет ограничение прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации». Редакция оговорки уточнена в 2020 году. Конституционный суд (КС) России не единожды прибегал к этому условию, если акты международных инстанций нарушали права и интересы граждан, фирм, государственных органов РФ. Аналогичная передача суверенных полномочий предусмотрены в документах Евразийского экономического союза (ЕАЭС, 2014).

Юристы-конституционалисты категорически настаивают на презумпции верховенства суверенитета: передача полномочий не есть лишение суверенитета. Суверенное государство может отозвать свое согласие на участие в международной организации. Политологи, видя коллизии между суверенитетом государства и статусом *de facto*, призывают обстоятельно разобратся в том, добровольно или под давлением внешних сил конкретная страна уступила свои полномочия международной организации.

Каждое суверенное государство опирается в международных делах на *ресурсы*. Ресурс выступает как инструмент влияния и престижа, то есть источник *силы* – «жесткой» или «мягкой» в зависимости от контекста. Таковыми для современной России являются: а) экс-

порт энергоносителей (в том числе и в Китай); б) поставки вооружений и военной техники и в) «гибридные» ресурсы (территория, население, история, золотовалютные ресурсы (ЗВР)). Последние приближаются к цифре в 600 млрд \$.

И еще одна миссия выпала на долю российского государства в атмосфере конфронтации и русофобии – защита русского языка от вульгаризации (собственная беда и вина) и дискриминации на Украине, в странах Балтии, *Польше* (внешние угрозы). Русский язык – это атрибут суверенитета, гарант единства нации и свидетельство идентичности цивилизации. Русский язык и за рубежом (русский мир) – это демонстрация «мягкой силы» России, ее престижа и солидарности.

Истекшее десятилетие (2010-е годы) запомнится как время кровавых и затяжных международных конфликтов (Сирия, Ирак, Ливия, Йемен, Донбасс, Судан, Африка южнее Сахары и др.). Часть этих регионов относится к дальним подступам борьбы с международным терроризмом, включена в сферу стратегических интересов России. Дезэскалация кровотока протiwостояний амбиций, эгоизмов, религий открыла России исторический шанс быть эффективным и надежным посредником в политическом урегулировании, зачастую опережая инициативы США, *Евросоюза*, НАТО.

Однако не все так радужно во взаимодействии глобализации и суверенитета. Сценарии множатся. Евросоюз допустил перекося в деятельности наднациональных органов (особо – экономической комиссии), что вызвало отторжение ряда интеграционных начинаний и в конечном счете выход Великобритании (Brexit) [Гуласарян, 2019; Холодковский, 2019]. Суверенитету нации – государства противостоят такие агенты глобализации, как транснациональные корпорации (ТНК) и международные неправительственные организации. Попытки движения к суверенитету (вплоть до автаркии) немыслимы в эпоху межгосударственных альянсов [Пефтиев, 2019]. Напрашивается паллиатив в международных отношениях – *ситуативное сотрудничество*.

Альтернативные оценки и ожидания

Отклики на Послания *Путина* и поправки к Конституции последовали незамедлительно: сначала журналисты, публицисты, оппоненты, потом – отдельные представители научного сообщества. Экспресс – контент, естественно, не заменит полнокровную дискуссию, но и без него двигаться дальше невозможно.

Политолог *А. Мигранян* (ИМЭМО) воспользовался трибуной еженедельника «Эксперт» для изложения своей позиции. Резюме его заметок сведем к сжатым тезисам. Период становления прези-

дентской республики завершен. Нельзя в формуле власти оставлять институты торможения перемен (печальный пример распада СССР). Республика должна быть чисто президентской республикой: никаких «полу», «между» (трудности Франции 70-х годов XX в. и современной Армении). Множество сдержек и противовесов приводит к дисфункциям во власти (отдельные эпизоды из истории США). Не допускать появления внеинституциональных центров принятия решений. Пресекать борьбу лидеров – претендентов друг с другом. До 2024 года разработать и одобрить новую Конституцию, иначе неотвратимая гибель России как великой державы [Мигранян, 2020].

В рамках дискуссии к юбилею Конституции 1993 года *Э. В. Талалина* (Институт государства и права РАН) поделилась своими сомнениями относительно универсальности (естественности) прав человека. Вне сомнения, права и свободы человека и гражданина являются ценностями для западной правовой культуры. Их универсальность – в соблюдении минимальных стандартов поведения власти. Но они *видоизменяются* в других правовых традициях. Точная их формулировка и реализация зависят от гармонизации международного и национального права. Россия держится ближе к европейской модели, но сохраняет возможность политического вмешательства по соображениям безопасности (доступ

к Интернету, ФЗ 2019 года) [Талапина, 2019].

Межгосударственные объединения – наглядная примета глобализации. Их успешное функционирование предопределяется ответами на дилеммы. 1) Что развивать быстрее: экономическую интеграцию и/или политическое сотрудничество (политический альянс, конфедерация, союзное государство, федерация)? 2) Чем и как заменить устаревающий принцип *наднациональности* и ограничения *суверенитета*? Эта коллизия рассматривается в статье *И. В. Болговой и Ю. А. Никитиной* (МГИМО) на материале Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [Болгова, 2019]. Оптимальные развязки таких противоречий еще не найдены (Россия–Беларусь, энергетика).

Из лидеров оппозиционных партий первым обосновал свою позицию на социальную политику и конституционные перемены *С. М. Миронов* от «Справедливой России» (СР). Зачин статьи лидера «СР» обоснован: чего хочет народ? Конечно, социальной справедливости, преодоления бедности. Общественный запрос на справедливость. Население устало от падения доходов, страха за возможный отказ от бесплатной медицинской помощи. Народ «переварил» внешнеполитические успехи России. Новая редакция Конституции должна закрепить ежегодную индексацию пенсий, минимального размера оплаты труда (МРОТ) и

прожиточного минимума (ПМ). Последний подлежит разработке и утверждению по научно-обоснованным стандартам. Ключевые приоритеты – здравоохранение, образование, культура. К профессионализму правительства следует добавить социальное мышление и чуткую реакцию на запросы народа [Миронов, 2020].

Правоведы избегают, как правило, избыточной политизации своих интерпретаций по Конституции РФ. Дискуссии ведутся корректно, доказательно, с различением устоев (базовых принципов) и текущего законодательства (неотложные новации). Однако, сказываются расхождения *и* по миссии конституционного права.

Непримиримая оппозиция (особо среди интеллектуалов) будоражит общественное мнение лукавыми вопросами. Зачем торопимся? Ведь не прояснена концепция государственной власти. Поправки не затрагивают статус президентской республики; выбор сделан в 1993 году. Нынешний президент В. В. Путин получил самую высокую степень доверия народа накануне масштабных изменений. В повестке дня не стоит вопрос о перманентном пребывании главы государства во власти; будут альтернативные кандидаты. Кризиса легитимности нет и, надеюсь, не будет.

Послесловие

Политические новации заложены в поправки в текст Конституции РФ 1993 года. Статус президентской республики сохранен и укреплен. Одновременно расширены и уточнены полномочия Государственной Думы (ГД), Совета Федерации (СФ), Конституционного Суда (КС), других федеральных образований. Найдена формула соразмерного и согласованного участия Президента и ГД в утверждении персонального состава Федерального правительства, ключевого звена исполнительной власти России.

Конституционная реформа дает шансы политическим партиям, общественным движениям, активным гражданам самоутвердиться в качестве конструктивных акторов политической жизни. Конфронтационная риторика должна уступить место в политических дебатах согласительной практике по конкретной повестке дня. Ожидаем поворота в сторону центризма, новой политической доктрины, избегающей и популизма, радикализма. Нынеш-

ние конституционные поправки, надеемся, обретут долголетие и дадут старт будущим преобразованиям на благо России.

Целиком и полностью поддерживаем «регуляторную гильотину», то есть очищение правового массива (корпуса) от нормативных актов советской эпохи, устаревших и недееспособных. Аналогичная операция должна быть осуществлена и в отношении текущих десятилетий. Полагаем, что за истечением срока давности целесообразно приступить к легитимизации приватизационных сделок 90-х годов прошлого века. Разумеется, после возвращения владельцев зарубежных активов под юрисдикцию России и прохождения всех процедур «налоговой амнистии». Подобное «помилование», считаем, политически оправданным.

Наступило время сложных, но стратегически важных решений. В их концептуальном сопровождении должны принять посильное участие и российские политологи, профессионалы смежных наук.

Библиографический список

1. Бек Ульрих Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. Москва : Прогресс – Традиция будущего, 2007. 464 с.
2. Болгова И. В. Евразийский экономический союз между интеграцией и суверенитетом / И. В. Болгова, Ю. А. Никитина // Современная Европа. 2019. № 5. С. 13–22.
3. Власть и политика: исторические вызовы XXI века. Москва : РОССПЭН, 2012. 446 с.
4. Гуласарян А. С. Государство и международные организации: переосмысление суверенитета // Государство и право. 2019. № 8. С. 101–107.

5. Зорькин В. Д. Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. 2018. № 12. С. 5–17.
6. Зорькин В. Д. Справедливость – императив цивилизации права // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 5–14.
7. Лапин Н. И. Социальное государство как конституционный принцип // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 5–10.
8. Мигранян А. Записки политолога // Эксперт. 2020. 3.–9.02. № 6. С. 56–60.
9. Миронов С. М. Вектор грядущих перемен // Независимая газета. 2020, 4.02. С. 7.
10. Мурашева Е. В. Центризм как общественно-политическое явление. Москва : РОССПЭН, 2010. 311 с.
11. Петухов В. В. Динамика социальных настроений и формирование спроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40–55.
12. Пефтиев В. И. Глобальная политэкономия: история и современность / В. И. Пефтиев, В. Е. Гульятеев, Л. А. Титова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. 184 с.
13. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / пер. с англ. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
14. Рансьер Жак. Народ или множество? // Неприкосновенный запас. 2018. № 6. С. 12–19.
15. Талапина Э. В. Об универсальности прав человека // Государство и право. 2019. № 12 (декабрь). С. 57–66.
16. Холодковский К. Г. Глобализация vs национальное государство: попятное движение? // МЭ и МО. 2019. № 12. С. 5–14.

Reference list

1. Bek Ul'rih Vlast' i ejo opponenty v jepohu globalizacii. Novaja vseмирno-politicheskaja jekonomija = Power and its opponents at the time of globalization. New global political economy / per. s nem. Moskva : Progress – Tradicija budushhego, 2007. 464 s.
2. Bolgova I. V. Evrazijskij jekonomicheskij sojuz mezhdu integraciej i suverenitetom = Eurasian economic union between integration and sovereignty / I. V. Bolgova, Ju. A. Nikitina // Sovremennaja Evropa. 2019. № 5. S. 13–22.
3. Vlast' i politika: istoricheskie vyzovy XXI veka. = Power and politics: historical challenges of the XXI century. Moskva : ROSSPJeN, 2012. 446 s.
4. Gulasarjan A. S. Gosudarstvo i mezhdunarodnye organizacii: pereosmyslenie suvereniteta = The state and international organizations: redefining sovereignty // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 8. S. 101–107.
5. Zor'kin V. D. Konstitucija RF – pravovaja osnova integracii rossijskogo obshhestva = The Constitution of the RF as a legal basis for the integration of Russian society // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 12. S. 5–17.
6. Zor'kin V. D. Spravedlivost' – imperativ civilizacii prava = Justice as an imperative of civilizing the law // Voprosy filosofii. 2019. № 1. S. 5–14.
7. Lapin N. I. Social'noe gosudarstvo kak konstitucionnyj princip = The welfare state as a constitutional principle // Voprosy filosofii. 2019. № 10. S. 5–10.

8. Migranjan A. Zapiski politologa = A political scientist's notes // Jekspert. 2020. 3.–9.02. № 6. S. 56–60.
9. Mironov S. M. Vektor grjadushhih peremen = Vector of the coming changes // Nezavisimaja gazeta. 2020, 4.02. S. 7.
10. Murasheva E. V. Centrizm kak obshhestvenno-politicheskoe javlenie = Centrism as a socio-political phenomenon. Moskva : ROSSPJeN, 2010. 311 s.
11. Petuhov V. V. Dinamika social'nyh nastroyenij i formirovanie sprosa na peremeny = The dynamics of social attitudes and the formation of demand for change // Socis. 2018. № 11. S. 40–55.
12. Peftiev V. I. Global'naja politjekonomija: istorija i sovremennost' = Global political economy: history and the present / V. I. Peftiev, V. E. Gul'tjaev, L. A. Titova. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. 184 s.
13. Piketti T. Kapital v XXI veke = Capital in the XXI century / per. s angl. Moskva : Ad Marginem Press, 2016. 592 s.
14. Rans'er Zhak. Narod ili mnozhestvo? = The people or the multitude? // Neprikosnovennyj zapas. 2018. № 6. S. 12–19.
15. Talapina Je. V. Ob universal'nosti prav cheloveka = On universal human rights // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 12 (dekabr'). S. 57–66.
16. Holodkovskij K. G. Globalizacija vs nacional'noe gosudarstvo: popjatnoe dvizhenie? = Globalization vs. the nation state: a backward movement? // MJe i MO. 2019. № 12. S. 5–14.

УДК 304.2

С. А. Колода

<http://orcid.org/0000-0001-8482-1524>

**Социально-культурные отношения Украины и Китая:
история, современное состояние и перспективы**

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран
Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Колода С. А. Социально-культурные отношения Украины и Китая: история, современное состояние и перспективы // Мир русскоговорящих стран. 2021. №2 (8). С. 42–63. DOI 10.20323/2658-7866-2021-2-8-42-63

Социально-культурные связи Украины и Китая зародились за долго до обретения Украиной независимости и за долго до установления дипломатических связей между КНР и Украиной в 1992 г. Первые украинцы приезжают на территорию Цинской империи в составе Русской духовной миссии еще в XVIII в. Затем в период борьбы против японских захватчиков украинцы продемонстрировали мужество и отвагу в боях и стали народными героями Китая. В период расцвета китайско-советских отношений украинские вузы и предприятия приняли большое количество студентов и стажеров, что позволило дать толчок как для развития китайской промышленности и сельского хозяйства, так и для формирования науки и образования в КНР. Современное состояние украино-китайских отношений характеризуется достаточной степенью устойчивости и развитости в сфере образования, науки, туризма. Однако остается целый ряд проблем и противоречий, не дающих возможности говорить, что социально-культурные отношений между двумя странами являются эффективными. Среди ведущих проблем можно отметить: пассивность существующих структур и организаций, низкий уровень поддержки инициативы «снизу» со стороны государственных органов, отсутствие взвешенной и целенаправленной политики правительства Украины по отношению к решению сложных и противоречивых вопросов украино-китайских отношений.

Ключевые слова: Украина, КНР, украинско-китайские гуманитарные связи, Русская Духовная Миссия, украинское сообщество в Манчжурии, Украинский дом в Харбине, Антияпонская война, высшее образование, туризм, культурный обмен.

S. A. Koloda

**Socio-cultural relations of Ukraine and China:
history, current situation and prospects**

Socio-cultural ties between Ukraine and China began long before Ukraine's independence and long before the establishment of diplomatic relations between the

PRC and Ukraine in 1992. The first Ukrainians came to the territory of the Qing Empire as part of the Russian Spiritual Mission back in the 18th century. Then, during the struggle against the Japanese invaders, Ukrainians demonstrated courage and bravery in battle and became national heroes of China. In the heyday of Chinese-Soviet relations, a large number of students and trainees were admitted to Ukrainian universities and enterprises, which gave an impetus both to the development of Chinese industry and agriculture and to the formation of science and education in the PRC. The current state of Ukrainian-Chinese relations is characterized by a sufficient degree of stability and development in the sphere of education, science and tourism. However, there remain a number of problems and contradictions that do not allow to say that social and cultural relations between the two countries are effective. Among the major problems are the following: the passivity of existing structures and organizations, the low level of support for the grassroots initiative on the part of authorities, the lack of a balanced and purposeful policy of the Ukrainian government in relation to solving the complex and controversial issues of Ukrainian-Chinese relations.

Key words: Ukraine, China, Ukrainian-Chinese humanitarian ties, Russian Spiritual Mission, Ukrainian community in Manchuria, Ukrainian House in Harbin, Anti-Japanese War, higher education, tourism, cultural exchange.

Украина — государство в Восточной Европе, не имеющее общих границ с Китайской Народной Республикой. Однако благодаря ее географическому положению и особым историческим условиям взаимодействия с Россией, прежде всего в составе Российской империи, а затем СССР, контакты между украинским и китайским народами начались довольно давно. Именно русско-китайские (советско-китайские) отношения стали залогом дальнейших благоприятных отношений между Украиной и Китаем в настоящее время. Советская армия при участии украинских летчиков-добровольцев воевала в Антияпонской войне на юго-западе Китая. После создания Нового Китая Украина, как часть СССР, сделала значительный вклад в развитие таких отраслей промышленно-

сти как металлургия, машиностроение, легкая промышленность. Китайская молодежь получала высшее образование в крупнейших вузах Киева, Харькова, Сталино (Донецк), а затем успешно применяла полученные знания у себя на родине. С современной Украиной КНР установила дипломатические отношения 4 января 1992 г. Как отмечает Ли Янь, за прошедшие почти 30 лет обе страны не имели конфликта интересов или каких-нибудь серьезных политических или экономических противоречий [Ли Янь, 2018].

Целью настоящего исследования является анализ особенностей двусторонних отношений Украины и Китая в социальной и культурной сферах, а также рассмотрение ключевых вопросов и перспектив сотрудничества Украины и Китая в

образовании, туризме, культурном обмене. Следует также рассмотреть исторические аспекты развития отношений двух стран.

Дипломатические отношения между Украиной и многими странами в разных регионах мира начинаются еще в период ее нахождения в составе Российской империи. Отметим, что ведущую роль в установлении первых официальных отношений между Россией и странами Дальнего и Ближнего Востока сыграла православная церковь. В истории Российского государства было несколько случаев, когда православная церковь фактически представляла его интересы на территории других стран, с которыми у России не были установлены дипломатические отношения, в то время как деятельность Русской православной церкви была там разрешена. «В 1715 г. по согласованию с императором Канси русский царь Петр Великий отправляет в Китай первую миссию. Всего до 1956 г. было отправлено 20 миссий. Состав Духовной миссии менялся один раз в 10 лет. Как правило, в нее входили 10–12 человек, в том числе и студенты-ученики (4–6) для изучения восточных языков, которые включались в миссию с 1727 по 1864 г.» [Феклова, 2020, с. 152]. «Первый период миссии – с 1712 по 1860 г. – характеризуется исключительно преследованием дипломатических, политических и коммерческих целей. Несмотря на то, что во главе миссии стояли духовные

лица, они были лишены возможности заниматься христианской проповедью. Главной их обязанностью было изучение языка и наблюдение за правильным изучением китайского и маньчжурского языков студентами миссии» [Векшина, 2018, с. 32–33]. Долгие годы РДМ в Пекине представляла государственные интересы России и была своеобразным дипломатическим и культурным корпусом [Скачков, 1977].

Среди руководителей и студентов этой миссии было много украинцев. Первым главой миссии был архимандрит Илларион (Лежайский), вторым (с 1729 г.) – архимандрит Андрей (Платковский), третьим (с 1735 г.) – архимандрит Илларион (Трусов), четвертым (с 1743 г.) – архимандрит Геврасий (Ленцовский), также как и первый глава Русской Духовной миссии – выпускник Киево-Могилянской академии, седьмым (с 1768 г.) – архимандрит Николай (Цвет), восьмым (с 1794 г.) – архимандрит Софроний (Грабовский), которого многие исследователи считают первым российским исследователем Китая, одиннадцатым (с 1830 г.) – архимандрит Вениамин (Морачевич).

Дипломатические связи Китая и России привлекли внимание украинцев к Китаю. Особый вклад в изучение Китая внес украинский историк и археолог Николай Бантыш-Каменский (1737–1814). Он является автором «Сборника дел между российским и китайским дворами», а также «Дипломатиче-

ское собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 гг.». Именно этот труд является важным историческим материалом для изучения ранних китайско-русских отношений. Еще одним примечательным исследователем Китая является уроженец Полтавской губернии Иван Яковлевич Коростовец (1862–1933). И. Я. Коростовец – украинский и российский дипломат, посол Российской империи в Пекине, автор исследования «Китайцы и их цивилизация», вышедшего в 1896 г. С 1819 по 1832 г. в Пекине работал украинский врач, выпускник Киево-Могилянской академии – Иосиф Войцеховский. Во время своей работы он успешно боролся с эпидемией холеры и другими опасными заболеваниями, охватившими Пекин [Лю Сянжун, 2018].

Важным историческим этапом взаимодействия украинцев с китайцами становится эмиграция подданных Российской Империи в Северо-Восточные районы Китая в конце XIX – начале XX вв., начавшаяся с момента строительства Китайско-восточной железной дороги (далее КВЖД). Характерной особенностью дальневосточной эмиграции является то, что она формировалась на основе многонациональной колонии российских граждан, живших в Маньчжурии с начала XX в. Хорошие заработки и возможность быстрого обогащения привлекали на КВЖД представителей всех национальностей России.

В полосе отчуждения КВЖД сформировалось уникальное общество, представлявшее конгломерат нескольких культур и конфессий. В Харбине возникли большие общины евреев, поляков, украинцев, белорусов, армян, грузин, татар, латышей и др. В городе проживали представители 35 различных национальностей. Примерно такая же ситуация сложилась в Шанхае, втором крупном центре российской эмиграции [Аблова, 2005б]. Наиболее значительной, с исторической и культурной точек зрения, была деятельность украинской общины в Харбине. На карте старого Харбина можно увидеть большое количество улиц, имеющих украинскую топонимику: Киевская, Малая Киевская, Харьковская, Житомирская, Львовская, Шевченко, Гоголя. Почти все они позже были переименованы, кроме улицы Гоголя, но здесь, скорее всего, значение все же было отдано факту русской культуры.

Украинское сообщество в Маньчжурии с 1890-х по 1950-х гг. имело много отличительных черт. Значительная часть этнических украинцев переехала в Китай с Дальнего Востока из населенного пункта Зеленый Клин, который заселялся украинцами с 1883 г. До 1905 г. они, вместе с жителями Южно-Уссурийского округа, составляли общину так называемых дальневосточных украинцев. В 1903 г. в Харбине была проведена первая перепись населения. По данным переписи в городе жили 15 579 рус-

ских, 28 338 китайцев, 462 японца и 200 представителей других национальностей. Общая численность населения Харбина составляла 44 576 человек. В конце 1905 г. в Харбине жили 40 000 переселенцев из Российской империи разных национальностей. «Накануне Первой мировой войны количество бывших поданных Российские империи составляло 64,5 % от общего количества жителей города» [Аблова, 2005а, с. 66]. До 1920 г., по разным данным, украинские эмигранты составляли от 2 000 до 20 000 тыс. человек. «В 1940-х гг. в украинском эмигрантском районе Харбина проживало 2 000 человек, в т. ч. дети» [Аблова, 2005а, с. 96].

Феномен многонационального Харбина позволил создать уникальный конгломерат нескольких культур и конфессий, где изначально существовал дух национальной и религиозной терпимости. Украинцы, наряду с представителями других как славянских, так и неславянских этносов, оставили глубокий след в политической, экономической культурной жизни Харбина. Как мы уже отмечали, украинцы начинают пребывать в Северо-Восточный Китай с территории Российской империи для строительства КВЖД. Работа на строительстве железной дороги обеспечивала занятость и хороший заработок, что было очень актуально для украинских крестьян того времени. После окончания строительства немало украинцев из числа

строителей остались в Харбине для дальнейшего обслуживания железной дороги.

Интересным нам представляется такой культурный феномен жителей Харбина как национальный язык. Как общались между собой представители разных этносов, на каком языке они вступали в коммуникацию с китайцами? Билингвизм стал распространенным явлением в многонациональном Харбине. Но если русские изучали китайский, а китайцы – русский, то украинцы становились функционально двуязычными в связке русский – китайский языки. Русскоподданные украинцы, белорусы, евреи, поляки, армяне, грузины и представители других национальностей использовали родной язык – язык этноса – в его обиходно-разговорном варианте при семейном, бытовом и другом неофициальном общении внутри этнических групп. В официальном общении – в торгово-производственной и деловой сферах, в сфере образования, судопроизводстве нерусские, но поданные Российской империи, использовали русский язык. Оставаясь гражданами России и находясь на государственной службе, они владели русским языком, который продолжал и вне метрополии, в Китае, выполнять важные государственные функции: был языком государственного управления и судопроизводства для российских граждан независимо от их национальности. «Известно также о существовании в

Харбине таких сфер жизнедеятельности этнических сообществ, в которых должны были употребляться литературные формы национальных языков: это образование и печать» [Оглезнева, 2016, с. 95–96]. Но при этом основным языком обучения в украинской школе, открытой в 1916 г. становится русский (только ряд предметов преподается на украинском). Но в семейном общении и общении внутри своей этнической группы украинцы все же предпочитают родной язык [Сірко, 1992].

Украинцы проводили в Харбине активную культурно-образовательную деятельность, стремились сохранить национальную самобытность, организовывали благотворительные акции, предоставляли жителям города разнообразную правовую помощь. Этому способствовал тот факт, что среди украинцев было много учителей, юристов, профессоров, предпринимателей, известных артистов. «Главой украинской колонии стал известный в то время профессор Харбинского политехнического университета Виктор Аркадьевич Кулебяко-Корецкий» [Шевченко, 2017, с. 135]. Украинская община в Харбине приносила в жизнь города свой яркий колорит. Активно развивалось национальное искусство, работала украинская драматическая и оперная труппа, хор. Драматическая труппа ставила известные оперы и пьесы украинских авторов «Запорожец за Дунаем», «Наталка-Полтавка», «Май-

ская ночь», «Ночь на Ивана Купала» и др. Проходили гастроли профессиональных театров, среди которых самыми значимыми были гастроли первой профессиональной украинской труппы под руководством выдающегося театрального деятеля и драматурга М. Кропивницкого. Гастроли труппы проходили на российском Дальнем Востоке и в Манчжурии, включая Харбин и Порт-Артур. Первой музыкальной школой в Харбине была школа выпускницы Киевской консерватории Р. Р. Барановой-Поповой. В Харбине еще в 1907 г. было создано украинское издательское товарищество, учредителем которого являлся В. С. Опадчий, уроженец Черниговской губернии. Он же в 1907 г. основал и первый украинский клуб; участвовал в строительстве Свято-Покровской церкви в Харбине, которая с 1920 г. располагалась в Украинском доме, а в 1930 г. была перенесена в специально построенное для нее здание.

Эту разрозненную культурно-просветительскую деятельность в последствие объединил Украинский клуб – первая в Манчжурии официальная украинская организация. Поскольку устройство российской администрации вдоль зоны отчуждения КВЖД было более либеральным, чем на иных территориях Дальнего Востока, национальные группы украинцев, евреев смогли создать и официально зарегистрировать свои организации. Справедливо ради надо отметить, что после

захвата Манчжурии японцами, эти либеральные свободы закончились и деятельность многих национальных организаций была запрещена.

20 января 1908 г., после утверждения статуса клуба администрацией КВЖД, прошло его торжественное открытие. Это был первый подобный Украинский клуб, второй был открыт значительно позже в Санкт-Петербурге, и лишь третий – в Киеве. С открытием Украинского клуба украинская национальная жизнь приобрела более организованную форму и регулярный характер. На начальном этапе своей деятельности клуб объединял около 300 членов и участников. Самым важным направлением деятельности клуба в этот период становится обеспечение функционирования и развития украинской школы и строительство для нее отдельного помещения. Торжественное открытие первой на Дальнем Востоке украинской школы состоялось 2 октября 1916 г. «В школу было принято 100 детей, в два раза больше, чем планировало Правление Украинского клуба. Преподавание велось на русском языке, кроме уроков украинского языка и украиноведения» [Шевченко, 2017, с. 136–137]. Здание школы сохранилось и находится сейчас на улице Гоголя.

Следующим этапом развития жизни украинской диаспоры в Харбине стало строительство Украинского дома. На его строительство деньги также собирались через бла-

готворительные взносы. Строительство Дома было завершено в 1920 г. Это было красивое трехэтажное строение с флигелями и дополнительными зданиями во дворе. Здесь разместились Покровская церковь (с 1922 г.), начальная украинская школа, Первая украинская смешанная гимназия (с 1920 г.), библиотека, театр. В Украинском доме регулярно проходили заседания, на которых делали доклады по истории Украины. Активными деятелями украинской национальной колонии были П. Я. Лисуненко, Ф. Ф. Даниленко, Г. И. Нестеренко. В Государственном архиве Хабаровского края, где хранятся личные дела многих жителей Харбина, сохранилось личное дело Ф. Ф. Даниленко, в котором записано, что он «по своим убеждениям является сторонником полного политического сотрудничества между Украиной и Россией, не одобряет сепаратистических стремлений некоторой части украинской колонии» [Хисамутдинов, 2002, с. 282].

Еще один значительный исторический памятник Харбина, связанный с украинцами, сохранившийся до сих пор – Свято-Покровский храм. Православные украинцы обратились к власти города с просьбой выделить землю под строительство храма, в 1928 г. началось его строительство. С момента своего открытия эта церковь оставалась центром общественной жизни для старшего поколения харбинских

украинцев, бывших активных членов Украинского клуба. Сегодня Храм Покрова Пресвятой Богородицы (哈尔滨圣母帡幪教堂) – единственный действующий православный храм в Харбине, относящийся к юрисдикции Китайской православной церкви.

Несмотря на сложные условия, в которых функционировал Украинский клуб, в течение 20 лет он был «сердцем» украинской общественной жизни не только в Харбине, но и во всей Маньчжурии. Проводя активную национальную культурно-просветительскую деятельность, он способствовал сохранению национальных традиций, языка, культуры, развитию национального самосознания, объединения украинского населения Харбина в самобытную этническую громаду со своими национально-культурными интересами. Известно также о периодике на украинском языке в Китае в XX в. Так, «официальным органом украинской национальной колонии был журнал «Вестник», выходила и украинская националистическая газета «Зов Украины», «Маньчжурский висник» (на украинском языке) [Хисамутдинов, 2002, с. 283].

Украинская национальная жизнь в Маньчжурии развивалась неравномерно. До 1917 г. она имела исключительно культурно-просветительскую направленность и концентрировалась в Украинском клубе в Харбине, в драматических кружках, которые возникали в украинском поселениях, располо-

женных вдоль железной дороги. В 1917–1921 гг. культурно-просветительская деятельность расширилась. Открытие украинской начальной школы, украинской гимназии, украинского православного прихода, строительство украинского национального дома сочеталась с политической деятельностью: создание и деятельность Маньчжурского окружного совета и украинского консульства в Харбине налаживание контактов с Киевом, участие в дальневосточных украинских съездах. После установления в Киеве в 9 января 1918 г. Украинской Народной Республики (УНР) и провозглашения государственной независимости, руководством новой республики было принято решение об открытии украинского консульства в Харбине. Украинское консульство в Харбине возглавлял П. Твардовский, который весной 1918 года, как командир украинских военных частей, прибыл из Харбина в Киев, а осенью того же года вернулся, получив от украинского Министерства иностранных дел полномочия представлять интересы Украины в Маньчжурии. Эти полномочия признал народный комиссар иностранных дел большевистской России Г. Чичерин [Світ]. Прибывший посол обещал выдавать документы и гражданство УНР всем, кто считал себя причастным к Украине или считал себя украинцем. Деятельность украинского консула на Дальнем Востоке осложнялась тем, что Временное

Сибирское правительство адмирала Колчака не признало УНР. В апреле 1918 г. УНР была ликвидирована в результате государственного переворота гетмана П. П. Скоропадского, поддержанного австро-немецкими войсками. Вместе с этим прекращается деятельность украинского консульства в Харбине.

В 1920-х гг. количество украинцев в Харбине увеличилось за счет политических эмигрантов с Украины, Сибири и Дальнего Востока, которые стремились войти в контакт с украинцами, которые уже проживали в Манчжурии, чтобы совместно работать в рамках уже созданных там организаций. Но под влиянием успехов большевиков, поражения УНР и ЗУНР (Западно-Украинской Народной Республики), а также распада сибирской власти большинство деятелей украинского общества охладело к общественному труду. «Часть украинцев, чтобы сохранить рабочие места на железной дороге, оформила свои паспорта через советское консульство в Харбине, некоторые приняли китайское гражданство» [Саган, 2018, с. 45]. Следующим относительно значимым официальным органом украинской диаспоры стала Украинская национальная колония в Манчжурии – единственный украинский национальный центр на Дальнем Востоке в 1935–1945 гг. [Посівнич, 2010]. В 1935 г. украинская и русская община в Манчжурии переживает резкий спад. После продажи КВЖД новым российским

правительством Японии, большинство украинцев и русских вернулись в СССР. Во время Антияпонской войны советские граждане продолжают возвращаться в СССР, а часть эмигрантов выезжает в другие страны. По некоторым данным русская и украинская община в Манчжурии насчитывала 54 000 человек. Из них половина проживала в Харбине [Guins, 1943]. Организованная украинская жизнь в Манчжурии перестала существовать в 1945 году. Помимо Манчжурии в 1920–1940-х гг. украинские общины в Китае были в Шанхае, Тяньцзине и Циндао. Эмиграция прогрессивных украинцев в Шанхай начинается в 1900-х годах, но в 1930–1940-х она значительно увеличивается (как и миграция украинцев в Сибирь и на Дальний Восток). С середины 40-х годов Харбин уступает место Шанхаю как центру национальной диаспоры. Украинцы, все еще остававшиеся в Манчжурии, более тяготеют к Шанхаю. Уже из Шанхая в конце Второй мировой войны они массово переезжают в Латинскую Америку и США, в том числе за счет американской финансовой помощи для этнических украинцев. К 1960 г. украинская община Шанхая сокращается до минимума. Большая часть ее переселена за границу в украинские диаспоры в США, Канаде и Латинской Америке. Не большая часть переехала в Австралию и на Гавайи [Сірко, 1992].

Что оставили после себя украинцы в Манчжурии? Можно сделать вывод, что они способствовали закладке основ для диверсификации сельского хозяйства, созданию и развитию новых для китайцев способов обработки продуктов питания, индустриализации и культурного разнообразия Северо-востока Китая. Осталась также украинская кухня, востребованная и сегодня, и украинская православная церковь Богородицы в Харбине, которая на сегодня не только является единственной действующей православной церковью в Китае, но и объединяет всех православных прихожан региона (русских, белорусов, украинцев, поляков, китайцев из смешанных семей). Все это свидетельствует о значимом украинском культурном наследии, не утратившим свою актуальность и сегодня.

Еще одним важным историческим событием, повлиявшим на становление нового имиджа советского человека в глазах простых китайцев, стало участие советских летчиков-добровольцев в Антияпонской войне. Среди их них были выходцы из Украины. Хотя в тот период все они, летчики-добровольцы, военные советники, и русские, и грузины, и украинцы, воспринимались как единый народ. Но при этом современные исследователи обращают также внимание на место их рождения и отдают дань памяти малой родине этих героев.

Среди советских воинов-добровольцев, воевавших в Китае в 1938 г., своей боевой активностью и мужеством выделялись Губенко, Кравченко, Супрун, Шустер – все выходцы из Украины. Их имена были очень популярны среди советских добровольцев, а их летный «почерк» стал образцом для многих. Это были, безусловно, талантливые воздушные асы, которые объединяли исключительную смелость с боевым мастерством [Шевченко, 2018]. Одним из таких героев был Григорий Акимович Кулишенко. Родившийся в 1908-м в селе Черепин, Корсунь-Шевченковского района Черкасской (а тогда Киевской) области, Григорий Акимович всегда мечтал быть летчиком. В 1938 г. он в составе советской группы летчиков-добровольцев прибыл в Китай. Он готовил китайских летчиков, обучал их авиационной технике. 14 октября 1939 г. самолет Кулишенко был атакован группой японских истребителей над городом Ухань. В тяжелом бою машина получила серьезные повреждения, Кулишенко пришлось сажать самолет на воду, в ходе маневра летчик погиб. Но ему удалось отвести падающий самолет от населенного пункта не далеко от Чунцина и спасти жизни простых китайцев. За этим драматическим событием наблюдали многие жители и в их памяти навечно сохранился образ мужественного летчика. Подвиг выдающегося сына украинского народа в боях за

освобождение Китая стал легендой, а сам он – народным героем, которого китайцы называют «Кули-шен» [Шевченко, 2018]. После окончания войны в парк Сишань (район Чунцина) были перенесены останки Григория Акимовича Кулишенко и воздвигнут в его честь памятник [Чэнь Вейцю, 2017, с. 335]. В 1955 г. в Москве дочь Григория Кулишенко, Инна, узнала от студента из Китая легенду о своем пропавшем без вести отце. Через три года по приглашению правительства КНР она вместе с матерью посетила могилу отца в Чунцине. Женщины были потрясены с какой заботой и любовью местные жители ухаживали за могилой и приняли решение не переносить останки Григория Акимовича на родину. 10 сентября 2009 г. правительство КНР внесло в список «100 образцовых героев, которые внесли неоценимый вклад в создание Нового Китая» летчика Григория Кулишенко. В 2015 г. вышла в прокат кинокартина киностудии Байи, Чунцин про деятельность и героическую смерть летчика во время японо-китайской войны. «Вместе с Кулишенко» (кит. 相伴库里申科) – литературно-художественный фильм, выпущенный в 2015 г. режиссером Шен Дуном, с Сон Чунли и Дай Цзяоцян в главных ролях. В фильме рассказывается история 12-летней Тан Сяохуэй (прототип Тан Чжунхуэй), ставшей свидетелем героической жертвы советского капитана Кулишенко на берегу реки

во время Войны сопротивления против Японии. В течение следующих полувека она и ее сын ухаживали за могилой летчика-героя.

В первые дни становления Китайской Народной Республики большое количество китайских студентов направились в СССР для получения высшего образования. Высшее образование в Украинской Советской Социалистической Республике (УССР) было хорошо развито, отличалось как высокой степенью академичности, так и хорошей практической базой. Особенно ценными были технические специальности, подготовка кадров для медицины и сельского хозяйства. В вузах Киева, Харькова, Одессы, Донецка, Днепропетровска было подготовлено много китайских экспертов для разных отраслей промышленности, сельского хозяйства, медицины, образования и науки. Например, в 1951 г. из 375 аспирантов и студентов, отправленных на учебу из Китая, 13 работали в Киеве. В 1954 г. на учебу в Донецкий технологический университет было отправлено 25 человек. Многие министры правительства КНР получили высшее образование в украинских университетах в 50–60-е гг. XX в. (Министр машиностроения Хе Гуан'юань, Министр науки и техники Чжу Лилан, Министр геологии и минеральных ресурсов Лю Цзянфен). В то время большое количество стажеров было отправлено на предприятия Украины: на Запорожском алюминиевом заводе

работали 21 человек, 25 – на Дзержинском металлургическом комбинате, 15 – на Днепропетровском электродном заводе, 19 – на заводе по производству азота в Донецкой области, 37 – на Донбассом горном участке СССР, 2 – на шахтах Донбасса. «Три члена Китайской Академии наук, четыре члена Китайской инженерной Академии также учились на Украине» [Лю Сянчжун, 2018, с. 65]. Много выдающихся ученых и преподавателей вузов Китая также были выпускниками университетов СССР.

Современный этап взаимоотношений между Украиной и Китаем начинается с установления дипломатических отношений между двумя странами в 1992 г. Украинско-китайские отношения в гуманитарной сфере развиваются уже более 20 лет, но в наиболее активную фазу они вошли после визита в Украину Председателя КНР Ху Цзиньтао в июне 2011 г. Во время своего визита Ху Цзиньтао отметил, что Китай готов по случаю 20-летия установления дипломатических отношений с Украиной и дальше продвигать дружественные контакты в образовании и культуре, между молодежью и общественными организациями двух стран, непрерывно упрочивать социальную основу китайско-украинских отношений стратегического партнерства [Ху Цзиньтао встретился ...]. Социально-культурная сфера этих отношений охватывает такие области как образование и наука, культурные

обмены, туризм. Рассмотрим их подробнее.

Сотрудничество между Украиной и Китаем в сфере высшего образования развивается по нескольким направлениям:

- создание необходимой для совместной работы правовой базы;
- проведение совместных мероприятий (выставки, форумы, конференции);
- реализация программ академических обменов;
- обучение граждан КНР в украинских вузах.

В украинских вузах ведется активная подготовка научных кадров и специалистов для Китая. Ведущими вузами, которые все эти 30 лет принимают на учебу китайских студентов и аспирантов, Киевский национальный университет им. Т. Г. Шевченко, Киевский политехнический университет, Национальный педагогический университет им. П. Драгоманова, Киевская консерватория, Одесский национальный университет, Харьковский авиационный институт, Донецкий национальный университет и мн. др. В 1998 г. был подписан межправительственный Договор между Правительством Украины и Правительством КНР о взаимном признании дипломов о высшем образовании, что способствовало расширению возможностей как для получения дипломов о высшем образовании и научных степеней, так и для успешного трудоустройства китайцев, получивших образование на

Украине, у себя на родине. В 2012 г. был подписан обновленный межправительственный Договор о сотрудничестве в сфере образования, соответственно с которым количество государственных стипендий с обеих сторон было увеличено в два раза (с 25 до 100, начиная с 2013 г.). В соответствии с Соглашением, Стороны взяли на себя такие взаимные обязательства:

- «обмен образцами учебников, пособий, учебных программ, аудио- и видеоматериалами, учебными текстами;
- изучение истории, языка и литературы, географии и фольклора обеих стран;
- обмен студентами, аспирантами, докторантами, стажерами и преподавателями;
- обмен научными и научно-педагогическими работниками для проведения совместных научных исследований» [Ши Янцзюнь, 2018, с. 114].

В рамках межправительственного сотрудничества функционирует Подкомиссия по вопросам взаимодействия в сфере образования. 28 марта 2012 г. в г. Санья (КНР) состоялось первое заседание украинско-китайской Подкомиссии по вопросам сотрудничества в сфере образования. «Подписан Протокол заседания и План первоочередных мероприятий по изучению китайского языка и культуры, а также предоставления благоприятных условий для изучения языка, литературы, географии и истории Китая

украинских вузах» [Ши Янцзюнь, 2018, с. 115].

Министерство образования и науки Украины не ведет учет вузов, в которых реализуется изучение китайского языка как основной или дополнительной специальности. Но можно выделить несколько университетов, выпускники которых показывают высокий уровень владения китайским языком и на практике доказывают значительный интерес украинской молодежи к развитию долговременных и плодотворных связей с КНР. Это Киевский национальный университет им Т. Шевченко, Киевский национальный лингвистический университет, Национальный педагогический университет им П. Драгоманова, Харьковский национальный педагогический университет им Г. Сковороды, Южноукраинский педагогический университет им К. Ушинского, Луганский национальный педагогический университет, Краматорский экономико-гуманитарный институт. В 6 украинских университетах преподавание и изучение китайского языка реализуется при участии Института Конфуция.

Некоторые университеты и научно-исследовательские организации основали совместные научные центры: Чжэцзянский педагогический университет, Уханьский университет, Даляньский университет иностранных языков, Шанхайский университет иностранных языков. Ряд вузов начали совместную подготовку специалистов, например, Хенанский

институт науки и технологий и Национальная аграрная академия Украины, Национальный аэрокосмический университет (г. Харьков) и Нанкинский университет авиации и астронавтики, Киевский национальный университет дизайна и технологий и Технологический университет Цилу, Винницкий политехнический университет и Технологический университет г. Ланчжоу.

Постоянное расширение и укрепления научно-технических, гуманитарных, экономических, торговых и культурных обменов между Украиной и Китаем приводят к постепенному росту потребности в качественных специалистах по китайскому языку, в том числе переводчиках. Текущие и будущие требования к развитию взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами выдвигают перед украинскими специалистами необходимость разработки национальной системы стандартизации и сертификации для определения и оценки компетенции переводчиков китайского языка. Активное участие в этом процессе принимает Украинская ассоциация китаеведов во главе с доктором исторических наук, известным синологом Виктором Киктенко. Институт Конфуция готов выступить научно-образовательной платформой для развития и реализации проектов между китайско-украинскими университетами-партнерами. Таким образом, мы можем говорить о значительном потенциале для развития

обменов, совместных проектах в области науки и образования между Украиной и Китаем.

Перспективным направлением для развития гуманитарных связей между Украиной и Китаем является туризм. В течение последних 5 лет показатели туристических потоков между двумя странами активно развиваются. По данным ССА (Китайской торговой Ассоциации) только с 2015 по 2017 гг. количество граждан КНР, посетивших Украину, увеличилось с 12 699 чел. до 29 530 чел. Также увеличился турпоток из Украины в Китай – с 8 603 чел. до 23 107 чел. [Шаповалова, 2018]. Одним из главных достижений 2018 г. стало введение украинским правительством электронных виз, действие которых распространяется также и на граждан КНР. Несмотря на высокий уровень конкуренции на международном туристическом рынке, Украина остается регионом, привлекающим туристов из Китая. Это связано как с интересной и разнообразной историей страны, так и разнообразным природным ландшафтом, и богатыми культурными традициями страны. Туристы могут здесь найти и горы, и море, известные исторические памятники, традиционную украинскую кухню, красивые народные традиции. Основной проблемой развития туризма в Украине для граждан КНР остаются определенные банковские ограничения при снятии национальной валюты в банках Украины и отсутствие целенаправленной политики при-

влечения именно туристов из КНР. При этом сохраняется главная проблема международного туристического бизнеса – отсутствие достаточно комфортной среды для пребывания китайских туристов.

По мнению ведущих представителей украинского туристического бизнеса, для того, чтобы увеличить турпоток из Китая хотя бы в два раза (сейчас он составляет 0,02 % общемирового выездного туризма КНР), необходимо активно задействовать новые инфраструктурные и сервисные объекты, экскурсионные бюро, транспортные кампании, музейные объекты, развлекательные комплексы, торговые, банковские организации, ивент-проекты. «Для большей эффективности этих действий должен быть задействован не только частный бизнес, но и государственные организации, но самым важным фактором развития туризма является определенные шаги в этом направлении государственных органов Украины» [Шапалова, 2018, с. 122–123].

Для установления прочных связей в туристической сфере необходимо также обратить внимание на развитие и организацию мероприятий так называемой «народной дипломатии»: проведение академических, культурных, деловых, спортивных обменов между Украиной и Китаем, совместные проекты, например, в области традиционной китайской медицины, оздоровление детей из промышленных регионов Китая в детских комплексах и лаге-

рях отдыха на Украине, в которых имеется богатый опыт в этом направлении. Все это, хотя и не принесет прибыли в ближайшее время, будет служить укреплению взаимного доверия между двумя странами и повышению конкурентоспособности украинского туристического рынка.

После обретения независимости Украина, как самая большая европейская страна, привлекла внимание китайских ученых, которые начали изучать, переводить научные труды с точки зрения самой Украины. По неполным данным, предоставленным заведующим отделом истории Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР Лю Санчжунем, за последние несколько лет вышли такие работы по истории Украины: перевод «История Украины» Пола Роберта Магочи (Издательство Китайской энциклопедии, 2009 г.); «Славянская культура» под редакцией Лю Зуси (Народное издательство «Чжецзян», 1993 г.) содержит отдельную главу об Украине; Чжао Юнжун «Украина: трудный исторический путь» (изд-во педагогического университета Хуадунга, 1993 г.); Шен Лихуа «Исследования о взаимосвязи между Россией и Украиной после распада Советского Союза» (изд-во Хэйлуцянского университета, 2017 г.); Жень Фэй «Украинская история и современная политэкономия» (изд-во «Экономическая наука», 2017 г.) и мн. др. Несмотря

на то, что были достигнуты большие успехи для многих людей в Китае, Украина все еще остается загадочной страной. И именно расширение социально-гуманитарных связей позволит раскрыть и заново познакомить китайцев с Украиной.

Подводя итог отметим, что между Украиной и Китаем есть ряд проблем, которые, в определенной степени, мешают полноценному сотрудничеству и раскрытию потенциала для взаимовыгодных связей двух стран. Среди них наиболее важными можно отметить следующие:

- отсутствие базовых знаний об особенностях современного развития двух стран, устаревшие стереотипы по отношению к обеим странам, отсутствие информации о современной жизни и культуре Украины и Китая. Украина присутствует в информационном поле Китая в значительной степени в тематике внутреннего гражданского военного конфликта. Китай в информационном пространстве Украины – не более, чем торговый партнер. Сфера культуры освещается крайне редко, даже в профильных изданиях. В отличие, например, от средств массовой информации в Российской Федерации, где новостям из Китая уделяется много внимания. Китайские публикации об Украине ограничены по тематике (большинство статей научной направленности об украинской культуре посвящены украинскому музыкальному образованию и украинской литера-

туре конца XIX в.). Украинским публикациям о Китае часто не достает профессионализма;

- разобщенность усилий. Как на Украине, так и в Китае присутствуют организации, которые активно стремятся установить культурные контакты, продвигают инициативы культурной дипломатии за рубежом. Однако их деятельность не имеет координации, связь между этими организациями слабая или вообще отсутствует. Это особенно касается работы государственных органов власти, которые часто игнорируют инициативы общественного и частотного секторов;

- пассивность существующих структур и организаций. На Украине сегодня работает 6 Институтов Конфуция, где многие годы работают курсы китайского языка, но их деятельность ограничена узким кругом слушателей и студентов-китаистов, то есть тех людей, кто уже и так изучает китайский язык и культуру. Этот мощный инструмент «мягкой силы» Китая используется недостаточно, его потенциал раскрыт не полностью. С другой стороны, на Украине не существует подобной организации, которая бы популяризировала культуру страны за рубежом. Даже деятельность украинского Министерства иностранных дел не преследует практически ни в одной стране за рубежом цели распространения национальной культуры. Также слабо используется потенциал в культурной сфере городов-побратимов, кото-

рый мог бы стать эффективным инструментом установления связей между людьми;

– отсутствие значимости местных культурных мероприятий для других людей, кроме их участников. Украинско-китайские культурные проекты часто остаются незаметными для СМИ. Организаторы таких мероприятий часто выбирают очень узкую целевую аудиторию, что не позволяет принять в них участие широкой публике. О важности подобных событий для развития культурного диалога между Украиной и Китаем говорят только специалисты и узкий круг людей, заинтересованных в улучшении взаимодействия между двумя странами. При том, что экономическое «присутствие» Китая на Украине одно из самых весомых на всем пост-советском пространстве. Государственная таможенная служба Украины в своем официальном аккаунте 12 января 2021 г. опубликовала ключевые данные о товарообороте Украины в 2020 году. Китай остается для Украины как крупнейшим импортером, так и крупнейшим рынком сбыта. Экспорт украинской продукции в Китай составил – 7,1 млрд долл., импорт – 8,3 млрд долл.;

– низкий уровень профессионализма отдельных организаций, призванных расширять культурный диалог между странами. В последние несколько лет на Украине вышли из печати несколько книг, которые позиционировались как про-

фессиональные переводы с китайского языка (с вэньянь и древнекитайского), но по факту это оказались переводы с других языков – русского, английского. Подобные действия издателей, вызванные желанием экономии денег и времени, негативно влияют на качество презентации культурного наследия Китая среди украинцев [Гобова, 2018].

– низкий уровень поддержки инициативы «снизу» со стороны государственных органов и организаций, которые часто не обращают внимание на идеи и предложения общественного сектора;

– отсутствие взвешенной и целенаправленной политики правительства Украины по отношению к решению сложных и противоречивых вопросов украино-китайских отношений. При этом руководство КНР прилагает максимум усилий для установления партнерских и честных отношений с Украиной.

С учетом представленных выше проблем можно определить ряд заданий, решение которых станет важным шагом для построения культурной дипломатии между Украиной и Китаем:

– совместная работа государственного и частного секторов для улучшения отношений между странами;

– установление прямых связей между институтами и организациями, заинтересованными в культурном диалоге;

– заимствование организационного опыта других стран;

- расширение сфер взаимодействия;
- совместное планирование сотрудничества на разных уровнях – министерства, ведомства, регионы и отдельные организации;
- формирование и разработка новых сфер совместных интересов;
- взаимодействие экспертных сообществ.

Культурное сотрудничество Украины и Китая является большим

полем для плодотворной деятельности двух стран. Для Украины оно означает выход на масштабный рынок крупнейшей экономики мира, новую многомиллионную аудиторию. Для Китая это новое направление расширения своего культурного влияния, популяризация своей страны, создание положительного имиджа и расширение приверженцев Китая в других странах.

Библиографический список

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина 20 века) : автореф. доктора исторических наук / Аблова Надежда Евгеньевна. Москва, 2005. 44 с.
2. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина 20 века). Москва : Русская панорама, 2005. 430 с.
3. Векшина Н. М. Религия, политика и наука в истории Российской духовной миссии в Пекине // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 32–36.
4. Гобова Є. В. Культурна співпраця між Україною та Китаєм: проблеми та перспективи // Україна - Китай. 2018. № 13. С. 132–134.
5. Кіктенко В. О. Україна в проєкті «Один пояс, один шлях»: регіональний та глобальний вимір // Україна - Китай. 2018. № 13. С. 112–114.
6. Лі Янь. Китайсько-українське співробітництво в рамках ініціативи «Один пояс, один шлях»: сучасний стан та перспективи // Україна - Китай. 2018. № 13. С. 32–40.
7. Лю Сянчжун. Соціально-культурний обмін між Китаєм та Україною: історія та сучасність // Україна - Китай. 2018. № 13. С. 62–72.
8. Николай (Адоратский П.С.) Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования: опыт церк.-истор. исслед. по арх. док. Вып. 1–2. Казань : типография Императорского Университета, 1887. 165 с.
9. Оглезнева Е. А. Славянское языковое присутствие в Китае в первой половине XX в. (на материале Харбина – центра Русского Восточного зарубежья) // Русич. 2016. № 3 (45). С. 90–106.
10. Пономаренко Дмитро (10.05.2019). У Шанхаї вшанували загиблих у Другій світовій війні та згадали про українця – героя Китаю. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-diaspora/2697326-u-sanhai-vsanuvati-pamat-zagiblih-u-drugij-svitovij-vijni-ta-zgadali-pro-geroaukrainca.html>. (Дата обращения: 12.01.2021).

11. Посівнич М. Українська національна колонія в Манджурії у 1920–1945 рр. Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Історичні науки. 2010. Вип. 15. С. 43–54.
12. Саган Г. Українська діаспора в Китаї: історія та сучасні тенденції становлення // Київські історичні студії. 2018. № 1 (6). С. 43–51.
13. Світ І. Український Національний Дім в м. Харбіні: Півтора року життя УНД. 14.11.1933 – 14.6.1935. Харбін : Українська Видавнича Спілка, 1936. 84 с.
14. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. Москва : Наука, 1977. 505 с.
15. Сунь Юйхуа. Освіта у співпраці між Китаєм і Україною // Україна – Китай. 2018. № 13. С. 106–110.
16. Феклова Т. Ю. Деятельность Русской духовной миссии в Пекине в первой половине XIX в. по сбору информации политического и экономического характера // Вестник СПбГУ. 2020. Сер. 17. 2020. Вып. I. 2016. С. 151–157.
17. Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Библиографический словарь. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 384 с.
18. Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток : Дальневост. гос. ун-т, 2002. 360 с.
19. Ху Цзиньтао встретился с премьер-министром Украины Н. Азаровым. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/hzxcxjlt/t832759.shtml> (2011/06/21). (Дата обращения: 21.03.2021).
20. Чэнь Вейцзюй Историческая память и советская военная помощь Китаю (1937–1943 гг.) / Чэнь Вейцзюй, Ли Сяотао // Ярославский педагогический вестник, № 6, 2017. С. 332–336.
21. Чуприна М. В. Эмиграция гражданского населения из России в Китай и ее последствия (1917–1945 гг.): к итогам исследования. URL: https://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/articles/Chuprina_Emigration-Russia-China.pdf. (Дата обращения: 26.01.2021).
22. Шаповалова О. О. Прогресивне збільшення туристичного потоку з Китаю. Чи готовий український туристичний ринок? // Україна – Китай. 2018. № 13. С. 122–126.
23. Шаповалова О.О. Туризм між Китаєм та Україною: сталий розвиток на перспективу // Україна – Китай. 2019. № 1 (15). С. 72–74.
24. Шевченко О. М. Український Харбін // Україна – Китай. 2017. № 3 (9). С. 134–146.
29. Шевченко О. Українські соколи в небі Китаю // Україна – Китай. 2018. № 12. С. 112–115.
25. Ши Яцзюнь. Співробітництво України та Китаю в сфері вищої освіти // Україна - Китай . 2017. № 3 (9) С. 114–116.
26. Ши Янцзюнь, Янь Ченьцзюань. Роздуми щодо створення системи кваліфікації та сертифікації українських фахівців з китайської мови // Україна – Китай. 2018. № 3. С. 120–122.
27. Cipko S. Ukrainians in Manchuria // Past Imperfect. 1992. № 1. P 55–73.
28. Guins George. Russians in Manchuria // The Russian Review. 1943. 2:2. P. 81–87.

29. 肖玉秋 试论俄国东正教驻北京 传教士团文化与外交活动.

30. 相伴库里申科. URL: <https://baike.baidu.com/item/相伴库里申科>. (Дата обращения: 11.02.2021).

31. 周尚文、李鹏、郝宇青编著:《新中国初期“留苏潮”实录与思考》,华东师范大学出版社,2012年,第33-34页.

Reference list

1. Ablova N. E. KVZhD i rossijskaja jemigracija v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaja polovina 20 veka) = The China Eastern Railway and Russian emigration in China: international and political aspects of history (first half of the 20th century): avtoref. doktora istoricheskikh nauk / Ablova Nadezhda Evgen'evna. Moskva, 2005. 44 s.

2. Ablova N. E. KVZhD i rossijskaja jemigracija v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaja polovina 20 veka) = The China Eastern Railway and Russian emigration in China: international and political aspects of history (first half of the 20th century). Moskva : Russkaja panorama, 2005. 430 s.

3. Vekshina N. M. Religija, politika i nauka v istorii Rossijskoj duhovnoj missii v Pekine = Religion, politics, and science in the history of the Russian spiritual mission in Beijing // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 1. S. 32–36.

4. Gobova E. V. Kul'turna spivpracija mizh Ukraïnoju ta Kitaem: problemi ta perspektivi // Ukraïna - Kitaj. 2018. № 13. S. 132–134.

5. Kiktenko V. O. Ukraïna v proekti «Odin pojas, odin shljah»: regional'nij ta global'nij vimir // Ukraïna - Kitaj. 2018. № 13. S. 112–114.

6. Li Jan'. Kitajs'ko-ukraïns'ke spivrobotnictvo v ramkah iniciativi «Odin pojas, odin shljah»: suchasnij stan ta perspektivi // Ukraïna - Kitaj. 2018. № 13. S. 32–40.

7. Lju Sjan'zhun. Social'no-kul'turnij obmin mizh Kitaem ta Ukraïnoju: istorija ta suchasnist' // Ukraïna - Kitaj. 2018. № 13. S. 62–72.

8. Nikolaj (Adoratskij P.S.) Pravoslavna missija v Kitae za 200 let ee sushhestvovaniya: opyt cerk.-istor. issled. po arh. Dok = The Orthodox mission in China for its 200 years of existence: the experience of church historical research of archive documents. Vyp. 1–2. Kazan' : tipografija Imperatorskogo Universiteta, 1887. 165 s.

9. Oglezneva E. A. Slavjanskoe jazykovoe prisutstvie v Kitae v pervoj polovne XX v. (na materiale Harbina – centra Russkogo Vostochnogo zarubezh'ja) = The Slavic linguistic presence in China in the first half of the XX c. (on case study of Harbin – the center of the Russian Eastern diaspora) // Rusich. 2016. № 3 (45). S. 90–106.

10. Ponomarenko Dmitro (10.05.2019). U Shanhaï vsanuvati zagiblih u Drugij svitovij vijni ta zgdali pro ukraïncja – geroja Kitaju. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-diaspora/2697326-u-sanhai-vsanuvati-pamat-zagiblih-u-drugij-svitovij-vijni-ta-zgdali-pro-geroaukrainca.html>. (Data obrashhenija: 12.01.2021).

11. Posivnich M. Ukraïns'ka nacional'na kolonija v Mandzhurii u 1920–1945 gg. Naukovi zapiski Nacional'nogo universitetu «Ostroz'ka akademija». Istorichni nauki. 2010. Vip. 15. S. 43–54.

12. Sagan G. Ukraïns'ka diaspora v Kitaï: istorija ta suchasni tendencii stanovlennja // Kiiivs'ki istorichni studii. 2018. № 1 (6). S. 43–51.
13. Svit I. Ukraïns'kij Nacional'nij Dim v m. Harbini: Pivtora roku zhittja UND. 14.11.1933 – 14.6.1935. Harbin : Ukraïns'ka Vidavnicha Spilka, 1936. 84 s.
14. Skachkov P. E. Ocherki istorii russkogo kitaevedenija. Moskva : Nauka, 1977. 505 s.
15. Sun' Jujhua. Osvita u spivpraci mizh Kitaem i Ukraïnoju // Ukraïna – Kitaj. 2018. № 13. S. 106–110.
16. Feklova T. Ju. Dejatel'nost' Russkoj duhovnoj missii v Pekine v pervoj polovine XIX v. po sboru informacii politicheskogo i jekonomicheskogo harakte-ra = Work of the Russian spiritual mission in Beijing in the first half of the 19th century to collect information of political and economic nature // Vestnik SPbGU. 2020. Ser.17.2020. Vyp. I. 2016. S. 151–157.
17. Hisamutdinov A. A. Rossijskaja jemigracija v Aziatsko-Tihookeanskom regione:= Russian emigration in the Asia-Pacific region: Biobibliograficheskij slo-var'. Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2000. 384 s.
18. Hisamutdinov A. A. Rossijskaja jemigracija v Kitae: opyt jenciklopedii. = Russian emigration in China: an encyclopedia experience. Vladivostok : Dal'nevost. gos. un-t, 2002. 360 s.
19. Hu Czin'tao vstretilsja s prem'er-ministrom Ukrainy N. Azarovym. = Hu Jintao met Ukrainian Prime Minister Mykola Azarov. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/hzxcxjlt/t832759.shtml> (2011/06/21). (Data obrashhenija: 21.03.2021).
20. Chjen' Vejcuju Istoricheskaja pamjat' i sovetskaja voennaja pomoshh' Kitaju (1937–1943 gg.) = Historical memory and Soviet military aid to China (1937-1943) / Chjen' Vejcuju, Li Sjaotao // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik, № 6, 2017. S. 332–336.
21. Chuprina M. V. Jemigracija grazhdanskogo naselenija iz Rossii v Kitaj i ee posledstvija (1917–1945 gg.): k itogam issledovanija = Emigration of the civil population from Russia to China and its consequences (1917-1945): to the results of the study. URL: https://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/articles/Chuprina_Emigration-Russia-China.pdf. (Data obrashhenija: 26.01.2021).
22. Shapovalova O. O. Progresivne zbil'shennja turistichnogo potoku z Kitaju. Chi gotovij ukraïns'kij turistichnij rinok? // Ukraïna – Kitaj. 2018. № 13. S. 122– 126.
23. Shapovalova O.O. Turizm mizh Kitaem ta Ukraïnoju: stalij rozvitok na perspektivu // Ukraïna – Kitaj. 2019. № 1 (15). S. 72–74.
24. Shevchenko O. M. Ukraïns'kij Harbin // Ukraïna – Kitaj. 2017. № 3 (9). S. 134–146.
29. Shevchenko O. Ukraïns'ki sokoli v nebi Kitaju //Ukraïna – Kitaj. 2018. № 12. S. 112–115.
25. Shi Jaczjun'. Spivrobotnictvo Ukraïni ta Kitaju v sferi vishhoï osviti // Ukraïna - Kitaj . 2017. № 3 (9) S. 114–116.
26. Shi Jancjun', Jan' Chen'czjuan'. Rozdumi shhodo stvorennja sistemi kvalifikacii ta sertifikacii ukraïns'kih fahivciv z kitajs'koï movi // Ukraïna – Kitaj. 2018. № 3. S. 120–122.

27. Cipko S. Ukrainians in Manchuria // Past Imperfect. 1992. № 1. P 55–73.
28. Guins George. Russiansin Manchuria //TheRussianReview. 1943. 2:2. R. 81–87.
29. 肖玉秋. 试论俄国东正教驻北京 传教士团文化与外交活动.
30. 相伴库里申科. URL: <https://baike.baidu.com/item/相伴库里申科>. (Data ob-rashhenija: 11.02.2021).
31. 周尚文、李鹏、郝宇青编著: 《新中国初期“留苏潮”实录与思考》, 华东师范大学出版社, 2012年, 第33-34页.

УДК 821.161.1

А. В. Семенова

<https://orcid.org/0000-0003-2715-3982>

**Образ сумрачного богатыря в поэме М. М. Хераскова «Владимир»
и сказке А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»**

Для цитирования: Семенова А. В. Образ сумрачного богатыря в поэме М. М. Хераскова «Владимир» и сказке А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Мир русскоговорящих стран. 2021. №2 (8). С. 64–74. DOI 10.20323/2658-7866-2021-2-8-64-74

В статье посредством сравнительного анализа текстов поэмы «Владимир» и сказки «Руслан и Людмила» устанавливается ряд параллелей, связанных с образом богатыря Рогдая. Ранее данный аспект произведений подробно не рассматривался исследователями. Персонаж имеет условно исторический прототип – богатырь Рогдай упоминается в «Ядре российской истории» А. И. Манкиева, и лаконичная характеристика в источнике задает тип персонажа у Хераскова и Пушкина. Рогдай в обоих произведениях занимает видное положение при дворе киевского князя Владимира, отличается силой и буйным нравом. В поэме Хераскова акцентирована безнравственность персонажа, что обусловлено дидактическим посылом «Владимира» и необходимостью дискредитировать богатыря – противника христианства, Пушкин же опускает этические моменты. С развитием сюжета относительно нейтральный персонаж становится антагонистом главного героя – Владимира у Хераскова и Руслана у Пушкина – и в определенный момент вступает с ним в единоборство, следствием чего становится бесславная смерть воителя. Сопоставление «Владимира» и «Руслана и Людмилы» показывает, что, помимо имени, Рогдай в произведениях Хераскова и Пушкина имеет аналогичные характеристики, образ создается по модели былинного богатыря, омраченного отрицательными чертами. В текстах прослеживаются общие мотивы – гнев, обида и мстительность героя, тлетворное влияние злого духа и его посредников, странствие Рогдая по пустынным местам, гибель от руки противника. Сходство одноименных персонажей у Хераскова и Пушкина позволяет сделать вывод о заимствовании образа сумрачного богатыря из поэмы «Владимир» в «Руслана и Людмилу».

Ключевые слова: Рогдай, «Владимир», «Руслан и Людмила», А. С. Пушкин, М. М. Херасков, поэма.

A. V. Semenova

The image of the gloomy warrior in M. M. Kheraskov's poem "Vladimir" and in A. S. Pushkin's fairy tale "Ruslan and Lyudmila"

The article uses a comparative text analysis of the poem "Vladimir" and the fairy tale "Ruslan and Lyudmila" to reveal a number of parallels associated with the image of the warrior Rogdai. Previously, researchers have not considered this aspect of the works in detail. The character has a conventionally historical prototype – the epic hero Rogdai is mentioned in the "Core of Russian History" by A. I. Mankiev, and his laconic description in the source sets the type of character in Kheraskov's and Pushkin's poems. In both works Rogdai occupies a prominent position at the court of Prince Vladimir of Kiev, and is distinguished by his strength and violent temper. Kheraskov's poem emphasizes the immorality of the character, which is due to the didactic message of "Vladimir" and the need to discredit the warrior who is an opponent of Christianity, while Pushkin omits the ethical points. As the plot develops, the relatively neutral character becomes the antagonist of the main hero – Kheraskov's Vladimir and Pushkin's Ruslan – and at a certain point fights with them, which results in the warrior's dishonorable death. The comparison of "Vladimir" and "Ruslan and Lyudmila" shows that, in addition to the name, Rogdai has similar characteristics in the works of Kheraskov and Pushkin; the image is created according to the model of the epic hero, overshadowed by negative traits. The texts show common motifs - the anger, resentment and vindictiveness of the hero, the corrupting influence of the evil spirit and its helpers, Rogdai's wandering through the desert places, his death at the hands of the enemy. The similarity between Kheraskov's and Pushkin's characters of the same name leads to the conclusion that the image of the gloomy warrior from the poem "Vladimir" was borrowed into Ruslan and Lyudmila.

Key words: Rogdai, "Vladimir", "Ruslan and Lyudmila", A. S. Pushkin, M. M. Kheraskov, poem.

Сказочная поэма А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820) сочетает в себе эпическое и романтическое начала и зиждется на фольклорных, былинно-сказочных мотивах, оригинально обыгранных поэтом [Ахметшин, 1999; Акимова, 2011; Галиева, 2015; Райхлина, 2019]. В русской литературе у поэмы Пушкина есть «предшественницы», в частности богатырская

сказка М. М. Хераскова «Бахариана», однако возможно обнаружить и менее явное пересечение «Руслана и Людмилы» с другим известным произведением Хераскова – «Владимиром» (В первом издании (1785) – «Владимир возрожденный», начиная со второго издания – просто «Владимир» [Сахаров, 2003; Ивинский, 2018; Ивинский, 2018; Гранцева, 2012, 2013; Благой, 1955;

Западов, 1961]. Поэма цитируется по наиболее полной третьей редакции (XVIII песней), представленной в «Творениях» Хераскова (1797), цитаты в тексте даны в упрощенной орфографии) [Херасков, 1797]. В обеих поэмах появляется второстепенный персонаж – сумрачный богатырь Рогдай, чей образ при детальном рассмотрении, кажется, перекочевавшим из эпоса XVIII века в сказку.

И у Хераскова, и у Пушкина Рогдай предстает былинным богатырем, наделенным типологическими чертами: недюжинной силой, отвагой, воинственностью. Однако, как и в случае с Добрыней Никитичем и Ильей Муромцем, можно отыскать сведения о Рогдае в источниках исторических, соответственно, персонаж обеих поэм имеет условно реальный прототип. Упоминание о богатыре как сподвижнике князя Владимира содержится в «Ядре российской истории» А. И. Манкиева: «...многие милые храбрые и славные богатыри были у великаго Князя Владимира. Илия Муромец, котораго тело даже донныне в пещерах Киевских лежит нетленно, Рогдай, который на 300 неприятелей один вооружен напущал. Александр Попович, Андриян Доблянков, Добрыня и прочие» [Манкиев, 1770, с. 53]. Данный труд относится к числу наиболее вероятных исторических источников поэмы «Владимир», предположительно, Херасков взял краткое свидетельство о Рогдае за основу

образа героя, а Пушкин, в свою очередь, опирался на Хераскова. Об этом свидетельствуют схожие характеристики, данные Рогдаю в обеих поэмах:

*Рогдай прославился во подвиге
геройском:*

*Он в бранях управлял Владими-
ровым войском;*

*Он славою во всей подсолнечной
гремел,*

*Но качеств нравственных по-
хвальных не имел*

[Херасков, 1797, с. 176].

У Пушкина находим практически то же, но без акцента на безнравственности Рогдая – этот момент принципиально важен для Хераскова, дискредитирующего богатыря, который выступает в поэме противником христиан. Пушкин же ограничивается указанием на выдающиеся воинские качества персонажа:

*Один – Рогдай, воитель смелый,
Мечом раздвинувший пределы
Богатых киевских полей*

[Пушкин, 1950, с. 14].

В поэмах Пушкина и Хераскова Рогдай одинаково входит в ближний круг киевского князя и является прославленным воеводой. Еще одна отличительная черта героя – неукротимый нрав, заставляющий его совершать неблагоприятные поступки: у Хераскова Рогдай, будучи патриотом, все-таки идет против Владимира: намеревается использовать волшебный рог, добытый в долине

Суесвятства, чтобы отнять у князя власть; в сказке Пушкина Рогдаю уделено значительно меньше внимания, но ревнивый витязь бросается в погоню за Русланом и, не рассуждая, нападает на соперника, вместо того чтобы спасти Людмилу, то есть также, как Рогдай Хераскова, поддается гневу и противится воле князя. В поэмах Пушкина и Хераскова, таким образом, наблюдаем схожие мотивы: Рогдаем движут обида и уязвленная гордость; персонаж, изначально нейтральный, становится антагонистом главного героя. У Хераскова Рогдай оскорблен тем, что Владимир становится на сторону новообращенного христианина, ставшего отшельником, – Стенара, по сути, Рогдай уязвлен тем, что князь ставит кого-то выше него:

*Рогдаев дерзкий меч Владимир
отвращает,*

*Он грозный бросив взгляд,
Рогдаю так вещает:*

*Преступник! Царь твой здесь,
обратно меч вложи!*

*Чем виновен пред тобой пустынь-
ник сей, скажи?*

*Не тем ли, что познал тщету и
тленность мира?*

*Знай, рубище его почтенней, чем
порфира:*

*И если б в мире сем не цар-
ством я владел,*

*Я сам бы в сем лесу Стенаром
быть хотел...*

[Херасков, 1797, с. 196]

У Пушкина богатырь также не смирился с тем, что ему предпочли другого жениха:

*Рогдай угрюм, молчит – ни сло-
ва...*

Страшась неведомой судьбы

И мучась ревностью напрасной,

Всех больше беспокоен он,

И часто взор его ужасный

На князя мрачно устремлен

[Пушкин, 1950, с. 18].

Отрицательные, мрачные аспекты усиливаются в образе Рогдая по мере развития сюжета обеих поэм. Общим местом у Хераскова и Пушкина становится вмешательство в судьбу персонажа нечистого духа или его посредника, усугубляющего желание поквитаться с виновниками его унижения и тем самым окончательно перетягивающего Рогдая на сторону зла. Во «Владимире» представителем князя тьмы оказывается чародей Зломир, разжигающий обиду Рогдая и соблазняющий его лестью и перспективой отомстить обидчику:

*Лукавый оный волхв, который в
сердце мутном*

*Страданье ощущал в злодей-
стве всеминутном;*

*Боялся Бога он, но Бога не лю-
бил,*

*Геенной управлял, рабом геенны
был;*

*К Рогдаю близясь, вскричал: о
храбрый воин!*

*Ты славой нарецишься полных
стран достоин...*

[Херасков, 1797, с. 197]

И ниже:

*Куда идти, сказал Рогдай волхву
со гневом;*

*Стараться не хочу о благе я царе-
вом;*

*Обидел он меня жесточе, чем
богов;*

*Когда Стенару мстить, так я
сей час готов,*

*Я мицением дышу и яростью
сгораю...*

[Херасков, 1797, с. 198]

В «Руслане и Людмиле» упоминается сам злой дух в метафорическом смысле, а его материальным «эmissаром» частично с теми же функциями, что берет на себя Зломир Хераскова, выступает коварная чародейка Наина, которая непосредственно указывает Рогдаю дорогу к Руслану, то есть гибели:

*В глубоко думу погруженный –
Злой дух тревожил и смущал
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шептал:
Убью!., преграды все разрушу...
Руслан!., узнаешь ты меня...
Теперь-то девица поплачет...
И вдруг, поворотив коня,
Во весь опор назад он скачет*

[Пушкин, 1950, с. 29–30].

И ниже:

*Тогда он встретил под горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсем седую.
Она дорожною клюкой
Ему на север указала.
Ты там найдешь его, – сказала.
Рогдай весельем закипел
И к верной смерти полетел*

[Пушкин, 1950, с. 31].

В обеих поэмах Рогдай отправляется в дорогу со спутниками, но позже покидает их. Кроме того, в произведениях прослеживается мотив странствия богатыря по уединенным местам. Во «Владимире» Рогдай перемещается в фантастическое пространство – Черную долину, где, оставив спутников, отправляется в храм Суесвятства:

*Густая рыцарей крылами скры-
ла тьма;*

*Поспешествует их побегу ночь
сама.*

*Четыре рыцаря последуют
Рогдаю...*

[Херасков, 1797, с. 203]

У Хераскова путешествие Рогдая описано достаточно подробно, Черная долина обрисована в красках, чего нет у Пушкина:

*Высоких цепью гор отвсюду
окруженно,*

*И зрится гор среди как в бездну
погружено;*

*Подобный облаку лежит над
ним туман,*

*Который движется как бурный
окиан.*

*Там корень заключен натуры по-
врежденья;*

*Во мраке царствуют мечты и
привиденья,*

*Там бурей слышан свист, там
ветр шумит, ревет;*

Долиной Черною урочище слывет

[Херасков, 1797, с. 259].

В «Руслане и Людмиле» речь идет просто о ненаселенных краях:

*Когда Рогдай неукротимый,
Глухим предчувствием томимый,
Оставляя спутников своих,
Пустился в край уединенный
И ехал меж пустынь лесных...*
[Пушкин, 1950, с. 29]

Относительно общим мотивом у Пушкина и Хераскова является бесславная гибель Рогдая, predetermined выбором самого богатыря. В поэме Хераскова проступки Рогдая тяжелы и наказание соответствующее: он безуспешно искушает Владимира в Херсоне, пытается трубить в волшебный рог, бросается на князя (этот момент у Пушкина и Хераскова совпадает) и в итоге низвергается в ад, сраженный мечом Владимира:

*Рогдай, возрев на то, неверность доказал;
Он вретница свои во гневе растерзал;
Имея огонь в очах, покрытый мраком ночи,
Стремится пальмовой бежать в средину роуи.
Там древо твердое из корня извертев,
На кроткаго Царя изшел как ярый лев,
И древом пальмовым разить Царя дерзает;
Но Царь исторгнув меч, Рогдаю в грудь вонзает,
Низверг врага во ад громовый сей удар;
И то исполнилось, что предвещил Стенар*
[Херасков, 1797, с. 354].

Бросившись в погоню за соперником, желая смерти Руслану, Рогдай Пушкина, как и у Хераскова, находит свою, хотя Пушкин смягчает краски, оставляя Рогдаю печальное посмертное существование и даже любовь молодой русалки. Это несколько перекликается с историей Зельяра во «Владимире», чья тень в наказание за жестокость и тщеславие обречена вечно бродить по волшебной долине, куда попадает Всеволод, и искушать путников:

*Ты догадался, мой читатель,
С кем бился доблестный Руслан:
То был кровавых битв искатель,
Рогдай, надежда киевлян,
Людмилы мрачный обожатель.
Он вдоль днепровских берегов
Искал соперника следов;
Нашел, настиг, но прежняя сила
Питомцу битвы изменила,
И Руси древний удалец
В пустыне свой нашел конец.
И слышно было, что Рогдая
Тех вод русалка молодая
На хладны перси приняла
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смехом увлекла,
И долго после, ночью темной
Бродя близ тихих берегов,
Богатыря призрак огромный
Пугал пустынных рыбаков*
[Пушкин, 1950, с. 44].

Образ сумрачного богатыря в поэме Хераскова и сказке Пушкина создается по модели былинного

героя, но с более (у Хераскова) или менее (у Пушкина) выраженной отрицательностью. Предположительно, первоисточником образа послужило историческое сочинение А. И. Манкиева, откуда Херасков мог почерпнуть сведения о Рогдае, дополнив их затем чертами фольклорного воителя, выступающего в роли антагониста главного героя. Сопоставление «Руслана и Людмилы» с «Владимиром» показывает, что Пушкин достаточно хорошо был знаком с поэмой Хераскова и опирался на ее текст при создании образа Рогдая в своей сказке, не ограничиваясь заимствованием имени персонажа. Об этом свиде-

тельствует совпадение характеристик Рогдая у обоих поэтов, а также общность нескольких мотивов – гнев, обида и мстительность героя, тлетворное влияние злого духа и его посредников – Зломира и Наины, странствие героя по пустынным местам, закономерная гибель от руки противника, на чьей стороне правда, – непосредственно с ним связанных. Образы Рогдая, созданные Херасковым и Пушкиным, не укладываются полностью в тип былинного воителя ввиду мрачного флера, но в то же время схожи друг с другом, что позволяет говорить об аналогичном персонаже в двух поэмах.

Библиографический список

1. Акимова Т. И. Поэма А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» и волшебносказочные поэмы к. XVIII – н. XIX века // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. № 23. Пенза. 2011. С. 106–115.
2. Ахметшин Б. Г. Сказочные и эпические мотивы поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Вестник Челябинского государственного университета. Т. 2. № 2. Челябинск, 1999. С. 60–67.
3. Благой Д. Д. Диалектика литературной преемственности // Вопросы литературы. 1962. № 2. С. 91–112.
4. Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. Москва : Уч. Пед. Гиз, 1955. 568 с.
5. Блок М. Н. Фольклорная традиция в прологе поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» / М. Н. Блок, И. В. Яновская // Сб. трудов конференции «Наука и молодежь: новые идеи и решения». Волгоград, 2016. С. 71–72.
6. Воейков А. Ф. Разбор поэмы «Руслан и Людмила», сочин. Александра Пушкина. Москва : Директ-Медиа, 2012. 63 с.
7. Галиева М. А. «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина: фольклористический комментарий. Необъяснимое в русской литературе: песнь первая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. 1. С. 46–50.

8. Гранцева Н. А. Незабвенный Херасков // Нева. 2013. № 11. С. 224–243.
9. Гранцева Н. А. Сказанья русского Гомера. Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 2012. 223 с.
10. Западов А. В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения / вступ. ст., подг. текста и прим. А. В. Западова. Ленинград : Советский писатель, 1961. С. 5–56.
11. Ивинский Д. П. М. М. Херасков и русская литература XVIII – начала XIX веков. Москва : Р. Валент, 2018. 216 с.
12. Ивинский Д. П. Тургенев, Херасков, Пушкин (из комментария к повести Пунин и Бабурин) // Литературоведческий журнал. 2018. № 44. С. 41–58.
13. Коровин В. Л. К вопросу о литературных источниках поэмы Пушкина «Медный всадник» («Потоп» С. Геснера и Е. В. Херасковой) // Сб. статей конф. Болдинские чтения 2016. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2016. С. 117–140.
14. Коровин В. Л. Херасков и Милтон: «Вселенная» и «Потерянный рай» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. №6. С. 48–54.
15. Лотман Ю. М. Пушкин: очерк творчества // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: комментарий. Санкт-Петербург : Искусство СПб., 1995. С. 187–211.
16. <Манкиев А. И.> Ядро российской истории, сочиненное <...> А.Я. Хилковым. Москва : Тип. М. ун-та, 1770. 392 с.
17. Мейлах Б. С. Пушкин и русская поэзия // Б. Мейлах. Вопросы литературы и эстетики. Сборник статей. Ленинград : Советский писатель, 1958. С. 225–251.
18. Назарова Л. Н. К истории создания поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 216–221.
19. Петрунина Н. Н. Из истории первого собрания стихотворений Пушкина // РЛ. 1990. № 3. С. 137–146.
20. Пушкин А.С. Руслан и Людмила // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 4 / сост. и примеч. Б. В. Томашевский, Л. Б. Модзалевский. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. С. 6–102.
21. Райхлина Е. Л. Мотивы народных сказок в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» / Е. Л. Райхлина, Е. В. Лобанова // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2019. № 2 (63). С. 136–145.
22. Сахаров В. И. Встреча в начале пути: молодой Пушкин и М. М. Херасков // Мир романтизма. № 8(32). 2003. С. 63–69.
23. Слонимский А. Л. Первая поэма Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937. Вып. 3. С. 183–202.
24. Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. Санкт-Петербург : Наука, 1995. 350 с.

25. Томашевский Б. В. Пушкин / отв. ред. В.Г. Базанов. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. Кн. 1. (1813–1824). 743 с.
26. Тынянов Ю. Н. Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. Москва : Наука, 1969. С. 122–165.
27. Херасков М. М. Владимир, поэма эпическая // Херасков М.М. Творения, вновь [В 12 ч.]. Ч. 2. Москва : Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. 361 с.

Reference list

1. Akimova T. I. Pojema A. S. Pushkina «Ruslan i Ljudmila» i volshebno-skazochnye pojemy k. XVIII – n. XIX veka = Pushkin's poem “Ruslan and Lyudmila” and the fairy-tale poems of the XVIII–XIX centuries // Izvestija PGPU im. V. G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki. № 23. Penza. 2011. S. 106–115.
2. Ahmetshin B. G. Skazochnye i jepicheskie motivy pojemy A. S. Pushkina «Ruslan i Ljudmila» = Fairytale and epic motifs of Alexander Pushkin's poem “Ruslan and Lyudmila” // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 2. № 2. Cheljabinsk, 1999. S. 60–67.
3. Blagoj D. D. Dialektika literaturnoj preemstvennosti = The dialectics of literary continuity // Voprosy literatury. 1962. № 2. S. 91–112.
4. Blagoj D. D. Istorija russoj literatury XVIII veka. = History of XVIII century Russian literature. Moskva : Uch. Ped. Giz, 1955. 568 s.
5. Blok M. N. Fol'klornaja tradicija v prologe pojemy A.S. Pushkina «Ruslan i Ljudmila» = Folklore tradition in the prologue of Alexander Pushkin's poem “Ruslan and Lyudmila” / M. N. Blok, I. V. Janovskaja // Sb. trudov konferencii «Nauka i molodezh': novye idei i reshenija». Volgograd, 2016. S. 71–72.
6. Voejkov A. F. Razbor pojemy «Ruslan i Ljudmila», sochin. Aleksandra Pushkina. = Analysis of the poem “Ruslan and Lyudmila”, by Alexander Pushkin. Moskva : Direkt-Media, 2012. 63 s.
7. Galieva M. A. «Ruslan i Ljudmila» A. S. Pushkina: fol'kloristicheskij kommentarij. Neob#jasnimoe v russoj literature: pesn' pervaja = “Ruslan and Lyudmila” by Alexander Pushkin: A folkloristic commentary. The inexplicable in Russian literature: Song One // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2015. № 6 (48): v 2-h ch. Ch. 1. S. 46–50.
8. Granceva N. A. Nezabvennyj Heraskov = Unforgettable Kheraskov // Neva. 2013. № 11. S. 224–243.
9. Granceva N. A. Skazan'ja russkogo Gomera = Tales of Russian Homer. Sankt-Peterburg : Zhurnal «Neva», 2012. 223 s.
10. Zapadov A. V. Tvorchestvo Heraskova = Kheraskov's work // Heraskov M. M. Izbrannye proizvedenija / vstup. st., podg. teksta i prim. A. V. Zapadova. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1961. S. 5–56.
11. Ivinskij D. P. M. M. Heraskov i russkaja literatura XVIII – nachala XIX vekov. = M. M. Kheraskov and Russian literature of the XVIII-early XIX centuries. Moskva : R. Valent, 2018. 216 s.

12. Ivinskij D. P. Turgenev, Heraskov, Pushkin (iz kommentarija k povesti Punin i Baburin) = Turgenev, Kheraskov, Pushkin (from a commentary on the story Punin and Baburin) // Literaturovedcheskij zhurnal. 2018. № 44. S. 41–58.
13. Korovin V. L. K voprosu o literaturnyh istochnikah pojemy Pushkina «Mednyj vsadnik» («Potop» S. Gesnera i E. V. Heraskovoj) = On literary sources of Pushkin's poem “The Bronze Horseman” (“Flood” by S. Gesner and E. V. Kheraskova) // Sb. statej konf. Boldinskie chtenija 2016. Nizhnij Novgorod : Nacional'nyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N. I. Lobachevskogo, 2016. S. 117–140.
14. Korovin V. L. Heraskov i Milton: «Vselenaja» i «Poterjannyj raj» = Kheraskov and Milton: “The Universe” and “Paradise Lost” // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. 2016. T. 75. №6. S. 48–54.
15. Lotman Ju. M. Pushkin: ocherk tvorchestva = Pushkin: an essay on his work // Lotman Ju. M. Pushkin: Biografija pisatelja; stat'i i zametki, 1960–1990 ; «Evgenij Onegin»: kommentarij. Sankt-Peterburg : Iskustvo SPb., 1995. S. 187–211.
16. <Mankiev A. I.> Jadro rossijskoj istorii, sochinennoe = The core of Russian history, composed <...> A. Ja. Hilkovym. Moskva : Tip. M. un-ta, 1770. 392 s.
17. Mejlah B. S. Pushkin i russkaja poezija = Pushkin and Russian poetry // B. Mejlah. Voprosy literatury i jestetiki. Sbornik statej. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1958. S. 225–251.
18. Nazarova L. N. K istorii sozdanija pojemy A. S. Pushkina «Ruslan i Ljudmila» = To the history of creating the poem “Ruslan and Lyudmila” by Alexander Pushkin // Pushkin: Issledovanija i materialy / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. dom). Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1956. T. 1. S. 216–221.
19. Petrunina N. N. Iz istorii pervogo sobranija stihotvorenij Pushkina = From the history of Pushkin's first collection of poems // RL. 1990. № 3. S. 137–146.
20. Pushkin A. S. Ruslan i Ljudmila = Ruslan and Lyudmila // Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij: V 10 t. T. 4 / sost. I primech. B. V. Tomashevskij, L. B. Modzalevskij. Moskva ; Leningrad : Izd-vo An SSSR, 1950. S. 6–102.
21. Rajhlina E. L. Motivy narodnyh skazok v pojeme A. S. Pushkina «Ruslan i Ljudmila» = Folktale motifs in Alexander Pushkin's poem “Ruslan and Lyudmila” / E. L. Rajhlina, E. V. Lobanova // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. 2019. № 2 (63). S. 136–145.
22. Saharov V. I. Vstrecha v nachale puti: molodoj Pushkin i M. M. Heraskov = Meeting at the beginning of the way: young Pushkin and M. M. Kheraskov // Mir romantizma. № 8(32). 2003. S. 63–69.
23. Slonimskij A. L. Pervaja poemka Pushkina = Pushkin's first poem // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii. Moskva-Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1937. Vyp. 3. S. 183–202.
24. Stennik Ju. V. Pushkin i russkaja literatura XVIII veka. = Pushkin and Russian literature of the XVIII century. Sankt-Peterbrug : Nauka, 1995. 350 s.
25. Tomashevskij B. V. Pushkin = Pushkin / otv. red. V. G. Bazanov. Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1956. Kn. 1. (1813–1824). 743 s.

26. Тынjanов Ју. N. Pushkin = Pushkin // Тынjanов Ју. N. Pushkin i ego sovremenniki. Moskva : Nauka, 1969. S. 122–165.

27. Heraskov M. M. Vladimir, pojema jepicheskaја = Vladimir, epic poem // Heraskov M. M. Tvorenija, vnov' [V 12 ch.]. Ch. 2. Moskva : Univ. tip. u Hr. Ridigera i Hr. Klaudija, 1797. 361 s.

УДК 82-311.1: 821.581

Л. В. Дубаков

<https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Чжэн Цяньцянь

<https://orcid.org/0000-0001-9057-6916>

**Мотив преодоления истории и судьбы и буддийское мировидение
в романах А. Л. Иванченко «Монограмма»
и Мо Яня «Устал рождаться и умирать»**

Для цитирования: Дубаков Л. В., Чжэн Цяньцянь Мотив преодоления истории и судьбы и буддийское мировидение в романах А. Л. Иванченко «Монограмма» и Мо Яня «Устал рождаться и умирать» // Мир русскоговорящих стран. 2021. №2 (8). С. 75–86. DOI 10.20323/2658-7866-2021-2-8-75-86

В статье анализируются мотивы преодоления истории и судьбы в романах А. Л. Иванченко «Монограмма» и Мо Яня «Устал рождаться и умирать» в контексте буддийского мировидения обоих авторов. Образы главных героев, хронотоп, тематика и проблематика произведений рассматриваются сквозь призму буддийских установок, присутствующих в книгах, также производится сравнение жизненных стратегий и стратегий ухода персонажей российского и китайского писателей. Герои Иванченко и Мо Яня, перерождаясь, избавляют свою карму и карму своей семьи, побеждая аффективные состояния и приходя к завершению жизненного цикла. Они познают условность отдельного человеческого существования посредством связи с мотивом зеркальности (у российского автора) и близости к животному и растительному миру (у автора китайского). Образы главных героев в русском и китайском романах отличаются сложной структурой сознания, тяготеющей к мультиплицированию и выявлению своей иллюзорной природы. Время в обоих романах имеет циклический характер и фактически лишено движения, несмотря на присутствие героев в актуальной политической истории. Пространство обоих книг стремится к превращению в миф, просвечивая образами вечности сквозь земную конкретику места: героиня «Монограммы» пребывает в буддийском «зазеркалье», герой «Устал рождаться и умирать» – в усадьбе, являющейся моделью мифологического космоса. Неоднозначная история Китая и России прошлого века, политические экстремумы у А. Л. Иванченко и Мо Яня становятся точкой отсчета для развертывания внутреннего сюжета, сюжета буддийского преображения главных героев, обретения ими буддийского покоя.

Ключевые слова: Мо Янь, А. Л. Иванченко, Китай, Россия, буддизм, зеркало, время, зооморфная метафорика, преодоление, перерождение.

L. V. Dubakov, Zheng Qianqian

**The motive of overcoming history and fate and the Buddhist worldview
in A. L. Ivanchenko's novel "Monogram"
and Mo Yan's "Tired of being Born and Dying"**

The article analyzes the motives of overcoming history and fate in the novels by A. L. Ivanchenko "Monogram" and Mo Yan "Tired of Being Born and Dying" in the context of the Buddhist worldview of both authors. The images of the main characters, the chronotope, the themes and problems of the works are examined through the prism of the Buddhist attitudes presented in the books; and life strategies and escape strategies of the Russian and Chinese characters are compared. The reborn Ivanchenko and Mo Yan's characters overcome their karma and their family's karma by conquering affective conditions and coming to the end of the life cycle. They discover the conventional nature of a human's existence through the motif of mirroring (the Russian author) and proximity to the wildlife (the Chinese author). The protagonists in the Russian and Chinese novels are characterized by a complex structure of consciousness, which tends to multiply and reveal its illusory nature. Time in both novels is cyclical and virtually devoid of movement, despite the presence of the characters in the actual political history. The space of both books tends to turn into a myth, revealing images of eternity through the earthly specifics of the place: the heroine of "Monogram" is in the Buddhist "looking glass", while the hero in "Tired of being born and dying" is in the manor, which is a model of mythological cosmos. The controversial history of China and Russia of the previous century, A. L. Ivanchenko and Mo Yan's political extremes become a starting point for unfolding the internal plot, the plot of the heroes' Buddhist transformation and finding their Buddhist peace.

Key words: Mo Yan, A. L. Ivanchenko, China; Russia, Buddhism, mirror, time, zoomorphic metaphors, overcoming, rebirth.

Роман А. Л. Иванченко «Монограмма» (1988) и роман Мо Яня «Устал рождаться и умирать» (2006), с одной стороны, не похожи друг на друга так же, как российский и китайский XX век. Однако, с другой, оба эти произведения исследуют историю большой семьи и конкретного человека, который смотрит в свое и чужое трагическое прошлое и драматическое настоящее и пытается его преодолеть. Оба романа исходят из буддийского понимания жизни, которая страда-

тельна, и которая так или иначе продолжается после смерти, если не достигнуто окончательное Освобождение. Оба романа перекликаются, прямо или опосредованно сводя русскую и китайскую культуры. Наконец, оба этих романа обладают многоцветной оптикой, которая позволяет им взвешенно оценивать то, что происходило десятилетия назад.

Главную героиню романа «Монограмма» зовут Лидия Черновол, у нее «атласистое, с корридой, имя»

[Иванченко, 2005, с. 3]. Имя скрывает ее в том смысле, что в конце «Монограммы» обозначается ее метафизическое совпадение с Шестым патриархом чань-буддизма Хуэйцзэном, Ли Ду. Ближе к финалу романа впервые они совпадают именами (омоформы – в конце и в начале двух соседних абзацев): *«Ли Ду затянул потуже пояс и отправился в путь»* – *«Что привлекает Лиду в индийской мысли <...> так это мощный дух самоотрицания»* [Иванченко, 2005, с. 311]. Имя открывает ее подлинную природу через образ корриды и вола, быка – символ сознания, которое позже будет умирять Ли Ду.

Лида живет в городке У., *«на этой самой запредельной букве русского алфавита (звук «у», уводящий в бесконечность, в тоску), вечно незавершенной, несмотря на свое вопиющее излишество, нахлобучены шапки снега»* [Иванченко, 2005, с. 3–4]. И далее образ места будет поддержан рядом ассонансов, акцентированных ударной позицией или позицией в начале или конце слова. Запредельность и незавершенность звука и буквы «у» размыкают ограниченное пространство маленького городка.

Ключевые образы «Монограммы» – образы зеркала и времени. Обращаясь к образу зеркала кармы, роман А. Л. Иванченко отражает деяния персонажей, приведших страну к катастрофе. Коллективизация, изображенная в романе, заводская и лагерная реальность 30-х

годов и последующих лет, таким образом, есть следствие выбора страной крайнего материалистического учения. Фотография №1 из фотоальбома матери Лиды соотносится с информацией о дэвах и асурах, обитателях двух секторов буддийского космоса, бхавачакры, колеса бытия. Дэвы и асуры тесно связаны между собой, однако асуры сделали выбор в пользу неистинного, высокой жизненной активности, обрели силу и богатство, но быстро их утратили. Иными словами, по мнению А. Л. Иванченко, деятели новой государственности, подобно асурам, проявляя зависть, гнев, гордость, воинственность, добиваются власти и теряют ее вследствие неблагодатной природы ее происхождения, а мир вокруг них приходит в запустение.

Сама Лида обладает признаками зеркальности: она скользит *«призрачной рукой по тени»* [Иванченко, 2005, с. 4]. Она *«худенькая, призрачная, прозрачная»* [Иванченко, 2005, с. 26]. У нее *«тоненькие, сквозящие небытием пальцы»* [Иванченко, 2005, с. 26]. Зеркало обнаруживает ее двойника в зазеркалье – как позже в зазеркалье обнаружится двойник Пятого патриарха и как позже она сама то ли станет двойником, то ли обретет двойника в Шестом патриархе, обнаружив у себя на столе доставшиеся Ли Ду *«символы духовной власти»* [Иванченко, 2005, с. 379] Пятого патриарха. Ли Ду в финале плывет по реке, в которой отража-

ется звездное небо («мерцание светляков» – то ли насекомых, то ли метафорически – звезд), «мимо гор, лесов, полей, мимо опущенных в воду ив» [Иванченко, 2005, с. 377–378] и как будто переходит в Россию Лиды.

Зеркало – это также инструмент духовной работы Лиды. Задача Пятого патриарха Хунжэня и ее решение Ли Ду (и Лидой): «Бодхи изначально не имеет опоры, / Зеркало (концептуализирующего разума – прим. Л. Д.) не имеет подставки, / Природа Будды всегда ясна и чиста, / Где же собраться пыли?», – обнаруживает буддийские идеи об окончательном Освобождении из сансары, об алогичной стратегии ухода от сансарической реальности, о необходимости отказа от дискурсивной мудрости. Сразу за «Второй кринкой молока» идет пассаж, посвященный осмыслению Лидой того, как функционирует ум и создаваемая им реальность: «Мир, порожденный разумом, – как отраженная в воде луна» [Иванченко, 2005, с. 230–231]. Эта луна появится позже в истории обуздания ума, которое будет переживать Ли Ду, в описании стадии «Луна, теряющая свое отражение»: луна останется одна, в пустоте, забыв про путь, его прохождение, мир вокруг и цель пути.

Другой ключевой образ «Монограммы» – это образ времени. Время для Лиды – один из инструментов разотождествления себя с сансарическим бытием. Фактически

так объясняется ее интерес к фотоальбому матери, пристрастие к старинному искусству в библиотеке и, вероятно, один из принципов структурирования текста – по номерам фотографий. В. Н. Курицын говорит об этом фотоальбоме как о мертвом музее, однако можно его помыслить и как галерею зеркал, отражающих (в) прошлое (,) в настоящее и в будущее. Мать Лиды ценит эти фотографии «как саму жизнь»; фотография оказывается иллюзией жизни, которая сама, по сути, иллюзорна [Иванченко, 2005, с. 5].

Время – то, что повторяется, имеет циклический характер и, в общем, даже не существует в своем движении. История Шестого патриарха временным пересечением проявляется в Лидиной истории: «В этой вибрации, смятении времени, пространства, в двоении вдруг являлось все разом – не прошлое, настоящее и будущее по отдельности, а все сущее разом, одновременно» [Иванченко, 2005, с. 5]. Это отражается и в предметном мире, где отдельные вещи – до появления Шестого патриарха – анонсируют скорое его появление: на фотографии простой крестьянки Галины Аверьяновны, бабушки Лиды, на столике стоит белая китайская ваза; в начале романа в библиотеке Лида «длинной бамбуковой палкой» открывает форточки, Пятый патриарх в финале книги передает Ли Ду свою бамбуковую трость, которая, ставши золотой, оказывается на

столе у Лиды; глиняная кринка, в которую супруга Юньмэня надаивала молоко для Насти, а сам китаец, согласно метафорическому определению, – молоко буддийского Учения для Лиды, оборачивается в конце глиняной патрой, чашей для подаяния, которой стал владеть Шестой патриарх и параллельно – Лида [Иванченко, 2005, с. 5].

Итак, роман А. Л. Иванченко много раз поднимает вопросы о существовании человека в концептуализированной реальности, о статусе человеческого «я», о правильном отношении к страданию. Каждый из этих вопросов решается автором по-буддийски: необходимо выйти за пределы концептуализированного восприятия; «я» иллюзорно и является корнем страдания; осознанное страдание – способ совладать с сансарическим бытием, с трагическим прошлым.

Буддийское преодоление персональной сансары сопряжено в «Монограмме» с преодолением истории. По словам Т. Е. Сорокиной: *«В романе Александра Иванченко «Монограмма» формой исхода («из социально структурированного, идеологически мотивированного бытия» – прим. Л. Д.) оказывается буддизм, характер которого проявляется в отталкивании от образов истории минувшего столетия»* [Сорокина, 2011, с. 18].

Ключевые темы и идеи романа «Монограмма» А. Л. Иванченко при этом обретают смысл, прежде всего, именно через буддийское

миропонимание. Так, зеркало в буддизме символизирует изначальную чистоту сознания и пустотность реальности. Одновременно зеркало и его отражения фиксируют иллюзорную природу сансарического бытия. Зеркало – граница между сансарой и нирваной. Зеркальность самой героини, зеркальность иных персонажей, зеркальность мира, изображенного в «Монограмме», русская история и ее отражения в образах бхавачакры (сюжеты романа, связанные с иллюстрационными образами двенадцати нидан), зеркальное отражение событий в жизни Лиды и совершаемых ей буддийских медитаций и звучащих буддийских учений, зеркальное отражение истории Лиды и Ли Ду – все это конкретные реализации буддийской символики зеркала у А. Л. Иванченко. Время в буддизме циклично, неравномерно, скорость его течения зависит от характера внешней реальности и внутреннего мира живых существ. Время в буддизме иллюзорно, так как деление на прошлое, настоящее и будущее считается условным, поскольку есть только настоящее время и поскольку подлинная природа реальности имеет вневременный характер. Обращенность героини в прошлое своей семьи и своей собственной жизни с целью разотождествления с настоящим; временные параллели и совпадения, приводящие к мысли об иллюзорности деления времени на три потока; восприятие времени как

того, что аннигилирует реальность, – все это конкретные реализации буддийской символики времени в «Монограмме».

В романе «Устал рождаться и умирать» слышатся разнообразные отзвуки русской литературы. Так, например, эпизод с убийством вола Симэнем Цзиньлуном вызывает в памяти первый сон Раскольникова из «Преступления и наказания». А в другом месте Мо Янь прямо цитирует «Тихий Дон». Но значительно большее количество мотивных и сущностных совпадений обнаруживается между романом Мо Яня и романом А. Л. Иванченко, особенно если учитывать весь его китайский бэкграунд. При том что нет сомнений, что первый не читал второго. Но, вероятно, бывает так, что совпадения оказываются тем более глубоки, чем более они случайны.

Мо Янь в романе «Устал рождаться и умирать» использует оригинальный сюжетный ход: главный герой, расстрелянный в самом начале текста, оказывается в загробном царстве у Яньло-вана, китайской версии буддийского божества ада, и получает от него несколько новых рождений. И таким образом убитый помещик Симэнь Нао, мать которого была буддисткой, оказывается героем с мигрирующим сознанием, он поочередно становится Ослом Симэнем, Волком Симэнем, Хряком Симэнем, Псом Симэнем, Обезьяной Симэнем (Тун Дань Дань высказывает идею о том,

что в романе описывается два круга перерождений: *«Один из них – это малый цикл: а именно перерождение Симэнь Нао в образах животных. Другим кругом является большая реинкарнация, то есть изменение статуса земли – переход от частной собственности к государственной и снова обратно в частную собственность»* [Тун, 2017, с. 234–235]). В конце романа в награду за терпение и сострадание, а также за приращенную мудрость Яньло-ван дарует ему новое человеческое рождение. От рождения к рождению человеческое сознание и память о прошлых воплощениях будут у него утрачиваться, и тем не менее преемственность образов сохранится. В первый раз оказавшись у Яньло-вана, Симэнь Нао говорит о своей невинности, однако автор, характеризуя каждое его воплощение, показывает его неизжитые страсти, проявляющиеся в определенных телесных формах: *«Я смотрел на его большую голову <...> на то проявляющиеся, то исчезающие облики различных животных – осла с его вольностью и разнузданностью, вола с непосредственностью и упрямством, свиньи с алчностью и свирепостью, пса с преданностью и заискиванием, обезьяны с проворностью и озорством»* [Мо, 2014, с. 34]. Симэнь Нао, таким образом, подобно Лидии Черновол, обуздывает вола (и прочих животных) своего сознания.

Картины меняющейся реальности после 1949 года у Мо Яня схо-

жи с тем, как описывает коллективизацию А. Л. Иванченко: налаженная жизнь, социальная и хозяйственная, тонет в натуралистически изображенном, напряженном кровавом противоборстве, и далеко не все победившие заслуживают победы и будущего. Очевидная несправедливость, проявляемая по отношению к бабушке и бабушке Лиды, к ее матери со стороны новой власти, и аффекты, которые эта несправедливость пробуждает, прерываются у А. Л. Иванченко текстовым блоком, который посвящен описанию буддийской медитации майтри-бхавана, медитации безграничной любви. Лида как продолжение своей семьи переживает переданные ей по наследству страсти, семейную карму, на которую намекает автор в одном из пассажей романа – про близость духовных путей палача и жертвы.

Симэнь Нао рождается в звериных телах, но в своей усадьбе, оставаясь внутри большой семьи. Не раз, в связи с этим в «Устал рождаться и умирать» проявляется мотив тонких и таинственных духовных связей, порождаемых в результате вечного вращения колеса перерождений: жестокое обращение с Симэнем Нао в облике вола со стороны его сына вызывает резкое неприятие автора. Сын не узнает отца не потому, что тот воплотился в теле животного, а потому что материалистическое мировоззрение заслонило для него откры-

тую навстречу тайне веру предков, которые ощущали единство мира.

Мир людей и мир животных в романе предельно сближены. Крестьяне живут рядом с животными: «Нам как раз такие женщины и нужны, чтобы растили общих свинок как собственных детей!», – а эти животные антропоморфизированы, наделены человеческой разумностью и человеческим голосом (история вражды, а после – дружбы Хряка Симэня и хряка Дяо Сяосаня) [Мо, 2014, с. 76]. Мо Янь активно использует зооморфные сравнения и метафоры: лицо Ху Биня «поблескивало, как у очковой змеи», кровь у Цзиньлуна «в жилах поядовитее, чем хвост скорпиона», «смотрел издали на неуклюжую по-медвежьи фигуру старины Лань Ляня» [Мо, 2014, с. 66, 67, 164]. Предметы, связанные с людьми, даже растения наделяются признаками животных: «В руках Сунь Бяо <...> горн поначалу ревел по-бычьему», «Имитация армейской шапки выцвела и сморщилась, став похожей на мошонку охлажденного быка», «кукуруза в седьмом месяце вымахает со слоновьи бивни, а пшеница в восьмом свесит крупные колосья собачьими хвостами» [Мо, 2014, с. 57, 66, 144]. Наконец, даже в металитературном плане Мо Янь обращается к зооморфной образности, приделывая «хвост» к истории Лань Цзефана [Мо, 2014, с. 191].

Время в романе «Устал рождаться и умирать», с одной стороны, линейно и устремлено в будущее –

в XXI век, с другой – почти стоит на месте, ведь Лань Цяньсуй рассказывает о своих прошлых рождениях из настоящего времени, а, значит, прошлое и настоящее оказываются соединены, закольцованы, с третьей – время семьи Симэнь Нао, вроде бы устремленное в будущее, на самом деле уходит, все постепенно умирают: *«Цифры разлетелись в стороны, от времени остались лишь осколки»*, с четвертой – в романе есть параллельный поток времени, это царство Яньло-вана, с пятой – весь мир без исключения пребывает в состоянии круговращения, и все снова и снова возвращается [Мо, 2014, с. 168]. Но, как и у А. Л. Иванченко, главный герой не расценивает это вечное возвращение как благо, потому что сансарическая реальность страдательна: *«У всякой живой твари в поднебесной свое знание. Всякое страдание: рождение, старость, болезни, смерть – и превратности судьбы: печали и радости, разлуки и встречи – суть исполнение закона, и обратного хода ему нет»*, а *«мирские дела как дым»* [Мо, 2014, с. 180, 198]. Герой Мо Яня *«устал рождаться и умирать»*, как и Лидия, совпавшая в финале с Шестым патриархом и обретшая покой.

Роман Мо Яня, как и роман А. Л. Иванченко «Монограмма», содержит в себе мотив преодоления истории и судьбы. Симэнь Нао, по воле Яньло-вана, интенсивно воплощается, получая возможность смотреть на себя и на своих близ-

ких раз за разом и с разных сторон, избывая свою ненависть и иные омрачения, помогая членам своей семьи: *«– Симэнь Нао, все про тебя мне известно, осталась ли еще ненависть в сердце твоём?»* [Мо, 2014, с. 190]. Симэнь Нао, расстрелянный в самом начале новой жизни, прощает своих убийц, восприняв мир вокруг себя как большую семью, где все, если не сейчас, то в прошлом, были другу другу родственниками или будут родственниками в будущем, где все одинаково страдают из-за своей нравственной слепоты.

Другим средством преодоления трагической истории и собственной обособленности у Мо Яня является природный, животный и растительный мир, живущий по естественным законам, существующий за пределами актуальной политики. Этот мир в романе «Устал рождаться и умирать» сберегает человеческую реальность, оказывает на нее целительное действие, проникая в нее разными способами.

Лида прячется в библиотечном пространстве «запредельного» города У., в своем зазеркалье, для героев Мо Яня основное спасительное пространство – это мир усадьбы Симэнь, в центре которой, подобно мировому дереву, растет абрикос, возле которой большинство из них окажется похоронено, над которой светит прекрасная луна. Трехчастный мифологический мир романа «Устал рождаться и умирать» (в другом переводе – «Утом-

ленный кармой») не дарит Симэнь Нао освобождения, но дает ему покой переосмысления. (Тун Дань Дань в статье «О смысле названия романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать»» обращает внимание, что *«В китайском тексте романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать» есть эпиграф, в котором объясняется фраза Будды о том, что человек страдает от своих больших желаний, и чем меньше желаний у него будет, тем быстрее душа достигнет просветления и покоя»* [Тун, 2017, с. 233].) Оптические эффекты, порожденные лунной, иллюзорны, но красивы, и эта вечная красота, по мысли Мо Яня, – третье средство для преодоления судьбы и истории.

Романы А. Л. Иванченко «Монограмма» и Мо Яня «Устал рождаться и умирать» отталкиваются от трудной и неоднозначной истории России и Китая, память о которой соединяет в себе уважение к величию государственного и культурно-

го замысла и горечь от отдельных трагических последствий его реализации. Но в центре этих произведений – не 30–40-е годы в России и 50–60-е годы в Китае. Конкретно-историческое время и трагические события – это лишь точка отсчета для развертывания сюжета буддийского преображения главных героев. Лида и Симэнь Нао – герои, уставшие от жизни, слишком истончившиеся для нее: Лида «зеркальна», а жизнь большого гемофилией Лянь Цянсуя буквально держится на волоске. Но их истонченность не физической, а духовной природы: они познали цикличность и иллюзорность времени, и страдательность бытия. Ближе к концу того и другого романов они обращают глаза к небу – к звездам и луне, навсегда или на время обретая покой, и это забывание себя перед небесными телами и есть, вероятно, главный способ преодоления истории и судьбы.

Библиографический список

1. Альшевская А. С. Реинкарнация в романе Мо Яня «Устал рождаться и умирать»: специфика создания образов-персонажей // Китайско-белорусские языковые, литературные и культурные связи: история и современность : материалы междунар. науч. конф., Минск, 17–18 мая 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. Н. Хмельницкий (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред. Н. Н. Хмельницкого. Минск : БГУ, 2019. С. 208–218.
2. Безносков Д. Д. Усталость от истории // Новый мир. 2015. №2. С. 195–198.
3. Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 2: Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме / изд. подгот. Е. П. Островская, В. И. Рудой. Москва : Ладомир, 2001. 755 с.

4. Габдрашитова Р. И. Специфика феномена реинкарнации на примере произведения Мо Яня «Устал родиться и умирать» // Современные востоковедческие исследования. 2020. 2(2). С. 132–137.
5. Гайворонская-Кантомирова А. Н. На перекрестке культур: в точке боли («Прорастание» мотивов русской классики в прозе Мо Яня) / А. Н. Гайворонская-Кантомирова, К. М. Харланова // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения : Материалы Международной научно-практической конференции в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, Москва, 23–25 мая 2018 года. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2018. С. 297–302.
6. Дубакова А. А. Монограмма в «Монограмме» А. Иванченко: о композиционной структуре романного текста // Культура. Литература. Язык: Материалы конференции «Чтения Ушинского», Ярославль, 03 марта 2011 года. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2011. С. 137–140.
7. Иванченко А. Л. Монограмма. Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Астрель-СПб, 2005. 379 с.
8. Курицын В. Н. Иванченко: мир страждущих духов // Русский литературный постмодернизм. URL: <http://old.guelman.ru/slava/postmod/5.html>. (Дата обращения: 05.05.2021).
9. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики) : монография ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997. 317 с.
10. Мо Янь Устал родиться и умирать // Электронная библиотека ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=222081&p=1>. (Дата обращения: 05.05.2021).
11. Неаполитанский С. М. Энциклопедия буддизма / С. М. Неаполитанский, С. А. Матвеев. Санкт-Петербург : Институт метафизики, 2007. 928 с.
12. Сидоров С. А. Буддизм: история, каноны, культура / С. Сидоров, С. Рябов. Москва : Дизайн. Информация. Картография: Астрель: АСТ, 2005. 487 с.
13. Сорокина Т. Е. Художественная историософия современного русского романа : автореферат дисс. ... док. филол. н. : 10.01.01 / Сорокина Татьяна Евгеньевна. Краснодар, 2011. 475 с.
14. Тун Дань Дань О смысле названия романа Мо Яня «Устал родиться и умирать» // Актуальные проблемы филологии. 2017. № 15. С. 233–237.
15. Хуан Жун Образ жизненного круга в романе Мо Яня «Устал родиться и умирать» // Litteraterra : материалы V Международной конференции молодых ученых: электронный ресурс, Екатеринбург, 02–03 декабря 2016 года / гл. ред. И. А. Семухина. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2016. С. 231–233.

Reference list

1. Al'shevskaja A. S. Reinkarnacija v romane Mo Janja «Ustal rozhdat'sja i umirat'»: specifika sozdanija obrazov-personazhej = Reincarnation in Mo Yan's novel Tired of Being Born and Dying: specifics of character creation// Kitajsko-belorusskie jazykovye, literaturnye i kul'turnye svjazi: istorija i sovremennost' : materialy mezhdunar. nauch. konf., Minsk, 17–18 maja 2019 g. / Belorus. gos. un-t ; redkol.:

N. N. Hmel'nickij (otv. red.) [i dr.] ; pod obshh. red. N. N. Hmel'nickogo. Minsk : BGU, 2019. S. 208–218.

2. Beznosov D. D. Uсталost' ot istorii = Tired of history // Novyj mir. 2015. №2. S. 195–198.

3. Vasubandhu. Jenciklopedija Abhidharmy (Abhidharmakosha). = Vasubandhu. Encyclopedia of Abhidharma (Abhidharmakosha). T. 2: Razdel III: Uchenie o mire; Razdel IV: Uchenie o karme / izd. podgot. E. P. Ostrovskaja, V. I. Rudoj. Moskva : Ladomir, 2001. 755 s.

4. Gabdrashitova R. I. Specifika fenomena reinkarnacii na primere proizvedenija Mo Janja «Ustal rozhdatsja i umirat'» = Specifics of reincarnation phenomenon on the example of Mo Yan's novel Tired of Being Born and Dying // Sovremennye vos-tokovedcheskie issledovanija. 2020. 2(2). S. 132–137.

5. Gajvoronskaja-Kantomirova A. N. Na perekrestke kul'tur: v tochke boli («Prorastanie» motivov russkoj klassiki v proze Mo Janja) = At the crossroads of cul-tures: at the point of pain («Sprouting» motifs of Russian classics in Mo Yan's prose) / A. N. Gajvoronskaja-Kantomirova, K. M. Harlanova // Slavjanskaja kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie. XIX Kirillo-Mefodievskie chtenija : Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii v ramkah Mezhdunarodnogo Kirillo-Mefodievskogo festivalja slavjanskih jazykov i kul'tur, Moskva, 23–25 maja 2018 goda. Moskva : Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2018. S. 297–302.

6. Dubakova A. A. Monogramma v «Monogramme» A. Ivanchenko: o kompozicijnoj strukture romannogo teksta = Monogram in «Monogram» by A. Ivanchenko: on the compositional structure of the novel // Kul'tura. Literatura. Jazyk: Materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo», Jaroslavl', 03 marta 2011 goda. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2011. S. 137–140.

7. Ivanchenko A. L. Monogramma. = Monogram. Moskva : AST ; Sankt-Peterburg : Astrel'-SPb, 2005. 379 s.

8. Kuricyn V. N. Ivanchenko: mir strazhdushhih duhov = Ivanchenko: the world of suffering spirits // Russkij literaturnyj postmodernizm. URL: <http://old.guelman.ru/slava/postmod/5.html>. (Data obrashhenija: 05.05.2021).

9. Lipoveckij M. N. Russkij postmodernizm. (Očerki istoričeskoj pojetiki) = Russian Postmodernism. (Essays on historical poetics) : monografija ; Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 1997. 317 s.

10. Mo Jan' Ustal rozhdatsja i umirat' = Tired of Being Born and Dying // Jelektron-naja biblioteka LitMir. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=222081&p=1>. (Data obrashhenija: 05.05.2021).

11. Neapolitanskij S. M. Jenciklopedija buddizma = Encyclopedia of Buddhism / S. M. Neapolitanskij, S. A. Matveev. Sankt-Peterburg : Institut metafiziki, 2007. 928 s.

12. Sidorov S. A. Buddizm: istorija, kanony, kul'tura = Buddhism: history, canons, culture / S. Sidorov, S. Rjabov. Moskva : Dizajn. Informacija. Kartografija: Astrel': AST, 2005. 487 s.

13. Sorokina T. E. Hudozhestvennaja istoriosofija sovremennogo russkogo romana = Artistic historiosophy of the modern Russian novel : avtoref. dis. ... dok. filol. n. : 10.01.01 / Sorokina Tat'jana Evgen'evna. Krasnodar, 2011. 475 s.

14. Tun Dan' Dan' O smysle nazvanija romana Mo Janja «Ustal rozhdat'sja i umirat'» = On the meaning of Mo Yan's novel title Tired of Being Born and Dying // Aktual'nye problemy filologii. 2017. № 15. S. 233–237.

15. Huan Zhun Obraz zhiznennogo kruga v romane Mo Janja «Ustal rozhdat'sja i umirat'» = The image of the life circle in Mo Yan's novel Tired of Being Born and Dying // Litteraterra : materialy V Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh: jelektronnyj resurs, Ekaterinburg, 02–03 dekabnja 2016 goda / gl. red. I. A. Semuhina. Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, 2016. S. 231–233.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 93/703

Ли Сяотао

<https://orcid.org/0000-0002-8533-3431>

Янь Цин

<https://orcid.org/0000-0003-4249-0194>

**Российско-китайский культурный диалог:
русское передвижничество и китайская живопись XX века**

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) Юго-Западного университета КНР при Министерстве образования Китайской Народной Республики

Для цитирования: Ли Сяотао, Янь Цин Российско-китайский культурный диалог: русское передвижничество и китайская живопись XX века // Мир русскоговорящих стран. 2021. №2 (8). С. 87–104. DOI 10.20323/2658-7866-2021-2-8-87-104

Статья посвящена анализу влияния творческих идей передвижников на китайскую реалистическую живопись, развитие которой нельзя отделить от изучения передвижничества; рассматривается, как живописная техника и идеология Товарищества передвижных художественных выставок являются актуальными для многих китайских художников XX века. Авторы выявляют идейные принципы передвижничества, оказавшие влияние на разные поколения китайских художников (отрицание принципа «искусство ради искусства», подчеркивание национальных особенностей творчества, ответственность за отражение жизни людей в стране, отстаивание духа критического реализма как единственно верного способа отражения жизни в художественном творчестве) и доказывают, что без русского передвижничества не было бы китайского реализма в живописи и современной китайской реалистической живописи. В статье выделяются и характеризуются три этапа восприятия творческих идей передвижничества в Китае: период Китайской Республики (знакомство китайской публики с картинами передвижников и рецепция идеологии передвижничества в эпоху «Движения за новую культуру»), начальный период основания КНР (период всестороннего изучения реалистической живописи, обучение талантливых китайских художников в художественных учебных заведениях СССР в рамках культурного обмена и освоение принципов советского реалистического искусства) и первое десятилетие после «культурной революции» (критическая «живопись шрамов», отражающая переживания и судьбы людей во время Культурной революции). Авторы приходят к выводу, что изучение творческой мысли передвижничества с точки зрения культурологии в контексте развития китайской

© Ли Сяотао, Янь Цин, 2021

реалистической школы искусства имеет важное значение для осмысления российско-китайского культурного диалога.

Ключевые слова: культурный диалог, творческая идея, передвижничество, критический реализм, китайская реалистическая живопись, «Движение за новую культуру», «живопись шрамов».

CULTURAL SCIENCE

Li Xiaotao, Yan Qing

**Russian-chinese cultural dialogue:
russian itinerant movement and chinese painting of the XX century**

The article analyzes the influence of the Itinerants' creative ideas on Chinese realistic painting, the development of which is inseparable from the study of the Itinerants. The article examines how the painting technique and ideology of the Association of Itinerant Art Exhibitions founded in the late 19th century are relevant to many 20th-century Chinese artists. The authors identify the ideological principles of the Itinerant movement that have influenced different generations of Chinese artists (rejection of the “art for art's sake” principle, emphasis on national characteristics of painting, responsibility for reflecting the life of people in the country, advocating the spirit of critical realism as the only true way to reflect life in art) and prove that without Russian Itinerants there would be no Chinese realism in painting and modern Chinese realistic painting. The article identifies and characterizes three stages of adopting the Itinerant creative ideas in China: the period of the Republic of China (acquaintance of the Chinese public with the Itinerants' paintings and understanding the Itinerant ideology at the time of the “Movement for New Culture”), the beginning of the PRC foundation (the period of comprehensive study of realist painting, training of talented Chinese artists in art educational institutions of the USSR as part of the cultural exchange and mastering the principles of Soviet realist art) and the first decade after the Cultural Revolution (a critical “painting of scars” reflecting the experiences and fates of people during the Cultural Revolution). The authors conclude that the study of the Itinerants' creative ideas from the point of view of cultural studies in the context of the Chinese realist art school development is important for understanding the Russian-Chinese cultural dialogue.

Key words: cultural dialogue, creative idea, itinerant art, critical realism, Chinese realist painting, “Movement for New Culture”, “painting of scars”.

Развитие реалистической живописи в Китае началось в начале XX века. До этого китайская живопись известна как традиционная китайская живопись, которая также называется Гохуа, (буквально, «живопись страны», или «Китайская живопись») и имеет 5 000-летнюю историю. Картины пишутся тушью, минеральными и растительными

красками типа акварели на шелке (иногда на хлопчатобумажной или пеньковой ткани) или на особой бумаге из мягкого тонкого волокна и имеют форму свитков – горизонтальных для рассматривания на столе и вертикальных для украшения стен, отражая восприятие древними людьми природы, общества и политики, философии, религии, морали, литературы и искусства.

Традиционная китайская живопись глубоко укоренилась на богатой почве традиционной китайской культуры, отражая культурную психологию и эстетическое сознание китайской нации. Как на традиционную китайскую культуру, так и на традиционное китайское творчество оказывает влияние идея «единства Неба и человека», которая определяет, что основным духом древней китайской живописи является стремление к гармонии и единству между человеком и человеком, человеком и природой.

Гохуа фокусируется на выражении эмоций, художник использует объективные детали для выражения своих субъективных чувств, выходящих за рамки образности, и выражает свой личный дух с помощью кисти и чернил. С одной стороны, благодаря присущему культуре Китая консерватизму, обусловленному почитанием традиций и прошлого, художники последующих эпох учились у своих предшественников, тщательно копируя созданные ими когда-то произведения, и старательно сохраняя все

лучшее, что досталось им от предков. С другой стороны, поскольку художники склонны к выражению своей внутренней воли, эстетика часто оторвана от реальности и массы. Картины предъявляют высокие требования к культурному уровню и художественному стандарту зрителя.

В начале XX века Китай оказался в эпицентре внутренних и внешних проблем, традиционная художественная система разрушилась, и традиционная китайская живопись потеряла свой успех у читателя, а элитарная культура оказалась отрезанной от народной культуры. В поисках решения этой проблемы интеллигенция обратилась к Западу в поисках такой формы живописи, которая могла бы соединить искусство с народными массами и с реальностью. И в этой ситуации особенно востребованными в Китае оказались эстетические идеи критического реализма, за которые выступало товарищество передвижных художественных выставок.

Исходя из общего развития китайского реализма изобразительного искусства XX века влияние на него передвижничества можно разделить на три этапа: период Китайской Республики (1912–1949 гг.), начальный период основания КНР и первое десятилетие после «культурной революции».

Первый этап – период Китайской Республики (1912–1949 гг.), является введением в критический реализм передвижничества, цель

которого состояла в том, чтобы познакомить китайскую публику с передвижниками и их картинами, а также использовать эти картины для критического осмысления полуколониального полуфеодального общества того времени.

Знакомство Китая с Товариществом передвижных художественных выставок в Китай началось с картин И. Репина. Уже в 1897 году Репин и его работы были представлены в Китае. В номере 31 газеты «Таймс» опубликован перевод японского синолога Kozyo Satakichi «Аргумент по умению русских в живописи». В статье были представлены четыре русских художника, среди которых был представитель передвижничества Репин. «Он хорошо рисует портрет» [古城贞吉, 1897, с. 23]. Это был первый текст о передвижничестве, переведенный в Китае. Однако в то время этот текст не вызвал большой реакции. Лишь позднее «Движение за новую культуру» действительно начало понимать эту художественную группу и смогло оценить идейные направления объединения, выступавшего за критический реализм.

В 1915 г. Чэнь Дусю опубликовал статью в журнале «Новая молодежь», в которой он пропагандировал демократию и науку, выступая против феодальной культуры. Это стало началом «Движения за новую культуру» 20-30-х гг. XX в. «Движение за новую культуру» открыло новую эру китайской литературы, в стране появилось более 40 литера-

турных обществ, которые оказали глубокое влияние на развитие китайской литературы. Именно в этот период переводы выдающихся зарубежных литературных произведений стали популярны в Китае, а творческие направления Товарищества передвижных художественных выставок начали популяризоваться в Китае. Китайские авторы, практикующиеся в индустрии изобразительного искусства того времени, высоко ценили русскую реалистическую живопись, а многие преподаватели изобразительного искусства продвигали реалистическую живопись передвижников и обучали своих студентов технике реалистической живописи.

Когда в 1920-е г. в Китай впервые вошло творчество передвижников, китайцы были поражены этим новым для них направлением живописи. В сентябре 1921 года картина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» И. Е. Репина, была опубликована в специальном выпуске «Исследования российской литературы», который является томом 12 журнала «Художественный ежемесячник» под редакцией Мао Дуня [平路青, 2014]. Патриотические чувства в картине с ее грустным подтекстом перекликаются с настроениями китайского народа. В 1921 г. Китай оказался в тяжелом положении, фактически в оккупации иностранных держав, а внутри подрываемый сепаратистами. Мао Дунь хотел бы использовать эту картину, чтобы насмехать-

ся над изменниками родины, которые в то время нанесли ущерб национальным интересам. Главный редактор журнала «Художественный ежемесячник» опубликовав эту репродукцию, заявил миру, что китайская нация не будет уничтожена, а китайский народ всегда будет стоять единым фронтом за свободу и независимость Родины. Из этого видно, что китайская интеллигенция сознательно и выборочно вводила работы передвижников, чтобы через картины, вскрывать недостатки, присущие данной эпохе китайской истории.

Вторая картина, представленная в нашей стране, была опубликована в 1922 году в № 4 «Художественного ежемесячника» под названием «Бурлаки на Волге». При ознакомлении читателей с творчеством Репина отечественное академическое сообщество заинтересовалось произведениями передвижников и их художественными характеристиками. В 1921 году известный художник Ху Гэньтянь написал статью «Русское искусство – как развивать живопись» на основе информации из японской газеты, и опубликовал в рубрике «Изучение русской литературы» в «Художественном ежемесячнике» [胡根天, 1931]. В статье приводится краткая история развития русского искусства с древнейших времен до начала XX века, перечисляются важные русские школы живописи и их художники.

Впервые китайский народ узнал, что живопись может не только быть

похожей на реальные изображения, но и выражать критические мысли об обществе, власти, истории. По сравнению с предыдущими скрытыми и тонкими выражениями своего отношения к действительности, художники могли более открыто выражать свое недовольство реальностью через свои работы. Можно сказать, что критический реализм идеально сочетает в себе две техники традиционной китайской живописи: се-и и гунби.

1930–1940-е годы были периодом, когда передвижничество оказало большое влияние на китайское искусство. Работы передвижников высоко ценились, вдохновляя художников. Одним из последователей русской реалистической живописи был выдающийся китайский художник Сюй Бэйхун.

Сюй Бэйхун – один из первых китайских художников XX века, который объединил национальные художественные традиции с достижениями европейской живописи.

В 1934 году Сюй Бэйхун посетил Россию. Его очень заинтересовал российский критический реализм. В 1934 году Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами пригласил Сюй Бэйхуна и других китайских художников на Выставку китайского искусства в Москву и Ленинград. Выставка длилась более месяца. В этот период Сюй Бэйхун посетил русский музей Русский музей в Ленинграде. После посещения музея он написал: «В России

в изобразительном искусстве были такие гении-реалисты, как Перов, Репин, Суриков, и выдающиеся мировые мастера пейзажной живописи, такие как Левитан и Шишкин» [徐悲鸿, 1936, с. 1]. Увидев работы художников-передвижников, Сюй Бэйхун был поражен их искусством. Он сказал: «Содержание социализма плюс форма национализма, произведения реализма имеют славное выражение, что заставляет меня испытывать огромное волнение! Я ощутил глубокий резонанс между социалистическими странами в моем взгляде на искусство» [徐悲鸿, 1949].

31 июля того же года Сюй Бэйхун покинул Советский Союз и вернулся в Китай, привез с собой 13 копии шедевров, подаренных Китаю Советским Союзом, среди которых четыре картины И. Е. Репина: «Бурлаки на Волге», «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» и «Не ждали».

После возвращения в Китай Сюй Бэйхун опубликовал статьи в таких журналах как «Китайско-советская культура» и «Космический ветер», знакомящих с творчеством передвижников и современным положением советского искусства. Художник создал «систему Сюй Бэйхун» на основе критического реализма передвижничества, в основу которой было положено его творческое кредо о том, что искусство должно быть близко к жизни.

Он распространил западную систему академического реализма на художественный факультет Центрального университета и использовал это учебное заведение как платформу для создания идеологии реалистического художественного образования и обучения группы студентов, которые разделяли его видение.

Еще одним представителем, сыгравшим активную роль в распространении передвижничества в Китае, был Лу Синь. Однако в отличие от Сюй Бэйхуна, который уделял равное внимание реалистической технике и критическому духу, Лу Синь придавал большее значение художественным идеям, передаваемым передвижниками в своих полотнах.

Лу Синь, значимая фигура «Движения за новую культуру», изо всех сил старался продвигать «Движение за новую гравюру». Он считал, что трансформация китайского общества требует вливания революционных сил в народ, а это требует реалистического и народного искусства. Неоднократно Лу Синь предупреждал молодежь о важности реализма и призывал своих учеников «создавать искусство во имя общества». «Искусство, которое ценится неработающими классами, является проявлением больного менталитета» [吕澎, 2019, с. 208]. Сюй Синчжи вспомнил Лу Синя: «Господин (имея в виду Лу Синя) отметил, что молодые художники должны заботиться и об-

ращать внимание на текущее состояние общества, а также использовать кисти, чтобы рассказать массам о том, что происходит в обществе, чего они не видят или не замечают» [李桦, 李树声, 1981, с. 125].

«Движение за новую гравюру», продвигаемое Лу Синем, было самой важной частью истории китайского искусства в 1920-х годах. Лу Синь сочетал в себе спасительную и просветительскую роль искусства с китайскими гравюрами, которые, как и его проза, просты для понимания и в то же время глубоки по смыслу. Выразительные гравюры как по своей духовности, так и по способам выражения, напоминают «заботу об обществе» передвижничества.

В конце существования Китайской Республики развитие китайской живописи было сфокусировано на разоблачении социальных кризисов и пробуждении людей к сознанию. Никогда еще искусство не было так близко к реальному обществу и никогда раньше не было столько заботы о простом народе. Таким образом, были объединены идеализм, революция и реализм, и родилась новая концепция – революционное искусство.

Революционное искусство тесно связано с войной против Японии (1937–1945 гг.) и освободительной войной (1945–1949 гг.). Художественные принципы русских художников-передвижников рассматриваются несколькими поколениями китайских художников как заложившие

основы революционно-демократического искусства в Китае.

В 1942 г. «Выступление на совещании по литературе и искусству в Яньань» Мао Цзэдун прямо призвал художников глубже погрузиться в жизнь, в практику и еще глубже погрузиться во все уровни общества, чтобы пережить и подвести итоги. Мао Цзэдун воспринял реализм как революционный взгляд на искусство и обобщил достижения прогрессивного и нового литературного творчества того времени в Китае. Он установил направление реалистического китайского литературного творчества как выражение жизни народа, служение рабочим, крестьянам и солдатам, революционное содержание антияпонских, национальных и народных форм, а также социальную функцию и политическую роль литературы и искусства. Публикация «Выступления на совещании по литературе и искусству в Яньань» ознаменовала окончательное становление революционной китайской художественной мысли.

В ней отражены три отличительные черты: во-первых, человек превыше всего. Во-вторых, практический характер искусства. В-третьих, национальные особенности. Видно, что и сторонники идей передвижников, и сторонники китайского революционного искусства единодушны в своих высказываниях: все они выступают за то, чтобы произведения искусства и теория искусства служили народу и

нации, стремились к отражению в своих произведениях истины, добра и красоты.

Революционное искусство вывело концепцию передвижничества «искусство для народа» в политическую сферу, что в определенной степени способствовало развитию китайской реалистической живописи, но, с другой стороны, это угрожало сделать художественное творчество страны однородным, что могло привести в тупик китайскую реалистическую живопись 1950-х и 1960-х гг.

Второй этап – начальный период основания КНР, является периодом всестороннего изучения реалистической живописи и отступления от реалистического мышления искусства в Китае.

В начале 1950-х годов Китай, проанализировав международную политическую ситуацию того времени и объединив свой собственный опыт революционной борьбы, решил проводить художественную политику «тотальная ориентация на СССР» и «тотальное обучение у Советского Союза» в двух формах: «отправить» (государственная отправка на учебу) и «приглашать» (приглашение иностранных специалистов).

Что касается стратегии «отправить», то в феврале 1950 г. Художественное объединение Китая выпустило циркуляр, призывающий работников искусства по всей стране широко пропагандировать значение советско-китайской дружбы, и с тех

пор проводились различные художественные обмены между Китаем и Советским Союзом. 15 декабря 1952 г. в газете «Жэньминь жибао» вышла в свет статья «Обучение у советских художников». В 1953 году Китай предложил «формализацию», и искусство начало учиться у Советского Союза всесторонне. «С 1953 по 1961 год Китай отправил семь партий из 33 студентов, имеющих выдающуюся академическую квалификацию, для изучения искусства в Советском Союзе. В основном они изучали масляную живопись, скульптуру, сценическое искусство, а также историю и теорию искусства в знаменитом Санкт-Петербургском государственном академическом институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина» [何非, 2013, с. 34].

После подписания с Советским Союзом «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР» начинаются активные обмены и обучение в области культуры и искусства. Выбор формы живописи в Китае был обусловлен политическим контекстом, но можно было также увидеть и более глубокие причины этого выбора. Приверженность традиционной китайской культуре затрудняла полный отход от традиционной живописи, а бескомпромиссный восходящий дух европейской живописи был морально и эмоционально неприемлем для более глубокой культурной психики китайского народа.

В 1950-х годах талантливые китайские художники в рамках культурного обмена получали образование в художественных учебных заведениях СССР и осваивали принципы советского реалистического искусства. В числе таких выпускников можно назвать эти имена: Ли Тяньсян, Ло Гунлю, Цюань Шанши, Дун Сивэнь и др. Вернувшись в Китай, они внесли большой вклад в становление и развитие китайской живописи.

Подробнее остановимся на деятельности Ло Гунлю – это известный гравер, художник-маслянист и педагог-искусствовед, занимавший пост вице-президента Центральной академии изящных искусств. В 1955 году профессор Ло Гунлю отправился на факультет живописи Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина для дальнейшего обучения. Во время учебы Ло Гунлю срисовывал критическую реалистическую картину Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», подробно ознакомился с художественными идеями и творческими методами передвижников. По окончании учебы профессор Ло Гунлю вернулся в Пекин и организовал «Сводную выставку произведений после визита в СССР», а также устраивал передвижные выставки в Шанхае, Гуанчжоу и других местах, чтобы продемонстрировать технику живописи и особенности препода-

вание изобразительного искусства в Советском Союзе художественным кругам Нового Китая. Одним из ведущих направлений, пропагандируемым профессором Ло Гунлю, был, в том числе, реализм, продвигаемый передвижниками.

В рамках же стратегии «приглашать» в 1955 году отдел культуры Центрального комитета поручило Центральной академии изящных искусств, организовать «курсы Максимова по оптимизации преподавания живописи». В 1955 году Министерство культуры СССР назначило Константина Мефодьевича Максимова, профессора Московского государственного академического художественного института имени В. И. Сурикова, советником Центральной академии изящных искусств Китая для проведения курсов художественной подготовки.

К. М. Максимов, под влиянием товарищества передвижных художественных выставок, высоко ценил реалистическую тематику живописи, на занятиях часто выводил студентов на улицу, чтобы наблюдать за жизнью, за природой и рассказывать им о творческом мастерстве и художественных идеях реалистической живописи. Он был художником, который был хорош в создании картин, обучении и любил Китай, и он внес положительный вклад в формирование нового китайского художественного творчества и системы художественного образования. Его художественные

идеи во многом соответствовали художественному мировоззрению китайских лидеров «литературы и искусства для масс» и потребностям общественного устройства Китая того времени, а также социально-культурному состоянию того времени.

В 1955 году Максимов провел двухгодичный курс обучения живописи маслом в Центральной академии изящных искусств. «Студентов «курсов Максимова по оптимизации преподавания живописи» (Цзинь Шань, Ван Чэнь, Хоу Иминь, Чжань Цзяньцзюнь и другие) насчитывалось 18 человек, все они впоследствии стали ведущими фигурами в китайской масляной живописи и добились несомненных успехов в творчестве китайской живописи, преподавании искусств, организации и управлении художественной деятельностью» [何非, 2004, с. 614].

После того, как учебный курс был расформирован, участники завершили большое количество реалистических работ. В своей картине «Подниматься на пик Музтагата» Цзинь Шань находится под сильным влиянием цветовой гаммы и композиции передвижничества. На картине изображены китайские и советские альпинисты, работающие вместе, чтобы спасти спортсмена, который вот-вот сползет со снежной скалы. Заснеженный горный хребет показывает мгновенную сцену с мутными красками. Композиция напоминает произведение

Сурикова «Переход Суворова через Альпы в 1799 году», но с иероглифом собственной китайской масляной живописи. На этой картине изображено первое в Китае восхождение в горы с сильным чувством реализма и гуманизма.

В течение двух лет преподавания Максимов воспитывал участников в духе реалистического искусства и реалистических техник творчества от мировоззрения и художественного взгляда до конкретных художественных практик. Обучение китайских живописцев в Советском Союзе и на курсах Максимова являются важными способами прямого влияния передвижничества на развитие масляной живописи в Китае. Благодаря этой группе художественных предшественников, непосредственно воспитанных русской критической реалистической масляной живописью, косвенное влияние передвижничества на китайское изобразительное искусство было более широким и глубоким.

На семинарах, проведенных художественными кругами в 50-х годах, почти каждый раз упоминалось Товарищество передвижных художественных выставок. У всех на слуху были имена Репина, Сурикова и других представителей передвижничества. На конференциях педагоги изобразительного искусства неоднократно выступали за то, чтобы учиться у передвижников, перемещать реалистическую живопись в Китай, вооружать себя произведениями искусства, направлять умы лю-

дей, менять положение общества. В эпоху отсутствия справочников по изобразительному искусству работы передвижников были напечатаны в больших количествах в качестве учебных материалов для любителей масляной живописи.

Второе поколение художников, учившихся в России под влиянием современной атмосферы, отправлялось в Россию не только с целью получения образования, но и ради обмена культурным опытом. Критически осмысливая и постигая европейское, российское классическое и современное изобразительное искусство, они в то же время придавали своим произведениям национальные черты. Таким образом, произведения китайских художников нового поколения представляют собой смешение художественных стилей разных культур, многообразие художественных форм и композиций. Они, твердо придерживаясь ведущей реалистической идеологии, стремятся к индивидуальности, чувствуют и открывают красоту реальной жизни, одновременно создавая высокую эстетику быта. Они создали не только произведения, уделяющие большое внимание реальной жизни, но и 156 исторических полотен. В их произведениях присутствует не только жанровая живопись, но и пейзажи. Они активно ведут поиск многообразных форм художественного отображения и языка, в их произведениях можно увидеть тщательно сохраняемые традиции ре-

листической живописи и одновременно почувствовать выражение совершенно нового художественного языка.

В середине – конце 1960-х годов, обучение в Советском Союзе и приглашение советских профессоров заставили китайских художников принять реалистическое, историческое и конкретное «создание типичного иероглифа в типичной среде». Они глубоко выразили «реальность» и другие концепции, научились наблюдать за жизнью, подбирать материалы, однако внедрение реализма привело китайскую живопись к жесткой и односторонней ситуации, в результате чего реализм стал единственным оценочным стандартом для создания живописи.

В 1966 году началась Культурная революция. Цзян Цин при поддержке Линь Бяо завершил работу «Протокол симпозиума по литературно-художественной работе войск для войск», которая была издана в качестве документа ЦК Компартии Китая. Протокол отвергает все достижения литературы и искусства за 17 лет, прошедших между образованием Китайской Народной Республики в 1949 году и Культурной революцией, и устанавливает «новый стиль пролетарской литературы и искусства». «Изображение героических персонажей рабочих, крестьян и солдат, что является основной задачей социалистической литературы и искусства» [韩靖, 2018, с. 234].

Историю современной китайской живописи обычно датируют началом «культурной революции» (1966–1976), когда практически все связи между КНР и СССР были практически прерваны. Государственные органы стали требовать от художников механического копирования или приукрашивания действительности, игнорирования художественного истолкования реальности. Реализм – единственный признанный метод китайского искусства в этот период, но он становится идеологически ангажированным и утрачивает своеобразие и художественную ценность. Автор становится «фотографом» и «плакатистом», ретуширующим действительность, воспринимаемую пафосно и псевдопатриотично.

Искусство периода Культурной революции можно разделить на искусство хунвэйбинов и искусство рабочих, крестьян и солдат. Искусство хунвэйбинов возникло в начале Культурной революции. Живопись этого периода представлена иллюстрациями и пропагандистской живописью на многочисленных крупноформатных плакатах и маленьких листовках, нарисованных и вывешенных революционерами-хунвэйбинами. Главной темой этих картин было осуждение классовых врагов. Другой формой искусства хунвэйбинов является изображение образов лидеров. Образ лидеров в основном выражался в нескольких формах таких как статуи, скульптуры и картины.

В конце 1970 года Цзян Цин приступил к созданию «новой литературы и искусства пролетариата», главной задачей которого было выразить «героические фигуры рабочих, крестьян и солдат». С тех пор искусство Культурной революции перешло от «искусства хунвэйбинов» к «искусству рабочих, крестьян и солдат». «Выделить положительные персонажи среди всех персонажей, выделить главные героические персонажи среди положительных персонажей, и выделить самого главного героя среди главных героических персонажей» [韩靖, 2018, с. 236].

Мы можем обнаружить, что искусство Культурной революции сделало пропаганду символом основной идеологии искусства, своего рода политическим лозунгом, руководством и политикой. В отличие от революционного искусства 1930–1940-х гг., искусство Культурной революции было своего рода искусством, которое служило определенной политической ситуации и противоречило первоначальному понятию революционного искусства. Отсутствие воображения, копирование творческих стандартов передвижничества, пренебрежение художественным разнообразием и традиционным культурным наследием народа – вот главные аспекты, характерные для искусства периода Культурной революции.

Третий этап – 10 с лишним лет после «культурной революции», является периодом впитывания

творческих идей передвижничества и инновации с национальной спецификой.

Десятилетняя Культурная революция разрушила образование, науку и культуру Китая. Мы «импортировали» реалистические техники из передвижничества, а в последующем обучении живописи мы обучили многих художников с сильными реалистическими способностями и солидными базовыми навыками. После Культурной революции 1980-х годов в сфере искусства стала обсуждаться «истинность» в искусстве. Пройдя через множество испытаний, китайская живопись постепенно выработала реалистический стиль живописи со своими национальными и этническими особенностями, перенеяв дух идеологии передвижничества.

В октябре 1976 года закончилась Культурная революция. Центральный Комитет Коммунистической партии Китая сместил фокус государственной политики на экономическое строительство, изменил практику политического вмешательства в литературу и искусство во время Культурной революции, четко выдвинул лозунг «не продолжать выступать за подчинение литературы и искусства политике». В 1978 г. состоялся Третий пленум ЦК КПК 11-го созыва, ознаменовавший окончание эпохи «боготворения», которая стала поворотным пунктом в развитии китайской реалистической живописи.

Идеология «максимализма» подверглась резкой критике. Дискуссия о том, что «Практика – критерий истины» еще больше раскрепостила умы художников. На этом фоне художественный мир полностью отошел от господствующей художественной идеологии «литература и искусство служат рабочим, крестьянам и солдатам» и обратил свою творческую практику к поиску и исследованию сущности искусства.

В 1979 году в Пекине состоялось заседание Постоянного комитета объединения художников, на котором было принято решение о восстановлении объединения. В том же году многие художественные академии возобновили набор, а журналы по искусству возобновили публикации. Китайское искусство восстановилось после почти 10-летнего «застоя».

В результате переосмысления творческих принципов реалистической живописи, в китайском художественном мире появился плюрализм творческих методов. Например, некоторые выступали за возвращение к истинному реализму, некоторые двигались в сторону критического реализма, некоторые отдавали предпочтение изучению западного модернизма и других западных течений. Художники больше не придерживались только реалистических техник, а обращались к выражению реалистических идей. В результате, китайский художественный мир также стал свидетелем серьезных измене-

ний и формирования многопланового творчества.

В 1980-х г. после Культурной революции так же, как в политической и экономической сферах требовалось обсуждение критериев истины, в области искусства начались «дискуссии о правде». На этом фоне в Китае появилась критическая «живопись шрамов», идеи которой согласуются с критическим духом передвижников. Как новое направление в искусстве, искусство «Шанхэнь» распространялось до середины 1980-х годов, создавая новый мир китайского реалистического искусства.

Живопись шрамов (*Шанхэнь мэйшуй*) – художественное течение, возникшее в конце 1970-х годов как реакция на последствия Культурной революции. Понятие «Шанхэнь» (буквально, «шрам», или «рана») впервые появилось не в мире искусства, а в литературе. В 1978 году газета «Вэньхуэй бао» опубликовал роман Лу Синьхуа «Шанхэнь», указывая на то, что Китай начал критиковать и размышлять о культурной революции в области литературы.

Во всех произведениях литературы «Шанхэнь» демонстрируется боль, причиняемая людям культурной революцией, поэтому феномен «Шанхэнь» соответствовал социальному фону и потребностям людей в том, чтобы поразмышлять о Культурной революции в то время. Неизбежно революция в литературном творчестве вскоре распространилась и на область живописи. С

публикацией комиксов «Клен» Чэнь Имина, Лю Юя и Ли Бина, «живопись шрамов» открыла новую страницу искусства. «Клен» изменил привычный образ мышления о живописи в Китае более чем на десятилетие, подтолкнув людей к анализу отношений между историей и реальностью с новой точки зрения и вызвав изменения в способах создания искусства. Впоследствии Ло Чжунли, Хэ Долии, Чэн Цунлинь и Гао Сяохуа, выпускники Сычуаньского института изобразительных искусств, создали серию работ, отражающих переживания и судьбы людей во время Культурной революции, выражающих мысли художника о жизни и будущем. Эта группа художников как унаследовала реалистический подход, так и идеологически приняла критическую идею передвижничества, что знаменовало полный отказ от Культурной революции и искусства Культурной революции.

По содержанию «живопись шрамов» можно условно разделить на три категории. Во-первых, это рассказ об истории борьбы героя с «Бандой четырех» с непосредственным воспроизведением на экране тени Культурной революции, как это представлено в фильме Чэн Цунлинь «Снег в один из дней 1968 г.». Во-вторых, это отражение того факта, что интеллектуальная молодежь отправилась в сельскую местность. Молодые художники запечатлели разочарования и эмоциональные переживания своей

жизни после поездки в сельскую местность в острых картинах, раскрывая меланхоличную красоту, представленную в картине Хэ Долиа «Проснулся весенний ветерок». В-третьих, это отражение трудностей жизни крестьян после Культурной революции. Хотя духовные оковы были сброшены, материальная жизнь не сразу улучшилась, к подобного рода репрезентативным работам относится картина «Отец» Ло Чжунли.

Передвижники считали, что художник должен обладать социальной ответственностью, использовать творчество для повествования об истории и отражения реальности. В создании исторических и жанровых картин художники хорошо умели размещать исторические фигуры в сложной и меняющейся обстановке, делая картину значимой для зрителя не только с точки зрения ее эстетического значения, но и с точки зрения культурно-исторического. Например, такие известные произведения как «Утро стрелецкой казни», «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», также предполагали эмоциональный отклик зрителя, визуальное включенное в драматические события русской истории.

«Живопись шрамов» – это переживание в художественной форме горечи утрат, понесенных народом в период Культурной революции. В действительности Культурная революция разрушила высокие идеалы культуры и искусства, на протяже-

нии многих веков отличавшие творчество китайских художников. И мастера, работавшие в стиле «живописи шрамов», воспроизводят реалистическими средствами недавнюю эпоху, стремясь осмыслить ее и освободиться от ее печального наследия. Ярким примером данного стиля является работа Чэна Цунлина «Снег в один из дней 1968 года».

Эта картина и идейно, и композиционно соотносится с историческим полотном В. И. Сурикова «Утро стрелецкой казни». Китайский художник проводит историческую параллель, показав эпизод культурной революции, когда Красная гвардия на главной площади страны сражалась с простыми гражданами. После боя белый снег был залит кровью, а «проигравший» был выведен из «крепости». Персонажи в картине имеют фарсовый характер, не понимая нелепости своей борьбы. Глубокая экспрессия художника делает картину более трагичной, и поэтому интенсивность критики в адрес культурной революции превосходит другие известные работы «Шанхэнь» того же периода.

«Живопись шрамов» ознаменовала появление искусства вне формы политической службы. Появление «живописи шрамов» сломило дегуманизирующую ситуацию искусства Культурной революции, и гуманистический дух искусства начал восстанавливаться. «Живопись шрамов» была продуктом при-

знания критического реализма передвижничества, стремления художников к правде, добру и красоте. Новая волна в искусстве, возникшая в 1985 году, не имела внешней формы Шанхэньского искусства, но унаследовала дух Шанхэньского искусства во всей его полноте.

В 1985 году западные модернистские художественные теории и практики устремились в страну в широких масштабах, вызвав значительный шок в сознании художников. В Китае возникла мощная волна современного художественного мышления. Это современное арт-движение известное как «Новая волна искусства 1985 года» стало мощной и влиятельной эстетической тенденцией. Новое движение в искусстве не было нацелено на достижение эстетического идеала, это было концентрированное высвобождение художественной свободы, которая была подавлена в течение долгого времени. Иными словами, под знаменем изучения западного модернизма она критиковала, отвергала и размышляла о традиционном китайском искусстве, особенно о реалистической живописи, официально пропагандируемой с момента основания Нового Китая. Его ключевое значение и ценность заключались не в художественных достижениях живописи, не в технологическом прогрессе, а в концептуальной революции и восстании против традиций. Она освободила искусство от творческого мышле-

ния, отражающего волю государства и дух времени, и художники с тех пор начали исследовать чувство свободы творческого субъекта, пытаясь отойти от представления, что искусство определяется политикой. К числу знаковых работ относятся «Весна наступает» (Юань Цинь), «Замороженный северный полюс» (Ван Гуаньин) и «Человек. Трубопровод №1» (Сун Лин).

Здесь мы должны сначала разграничить реалистическую технику передвижничества и эстетику критического реализма. Реалистическая техника – это только один из языков живописи, и с этой техникой можно создавать нереалистические работы, такие как картины Врубеля «Демон сидящий» и «Принцесса Лебедь». Во время Культурной революции вымышленные образы улыбающихся, здоровых рабочих и крестьян, сцены трудового строительства социализма с большим энтузиазмом создавались при помощи реалистических техник, но они отклонялись от духа реалистического созидания, и метод созидания был запрограммирован, а дух критического реализма, по сути, отсутствовал.

Реализм Товарищества передвижных художественных выставок породил несколько поколений художников с сильными реалистическими способностями, но они бессознательно отвергали другие стили, им не хватало новаторства в использовании живописного языка и вариативности в использовании

материалов и средств. Напротив, третье поколение художников новой волны искусства в 1985 году развивалось в эпоху открытости и разнообразия, появились различные школы художественного творчества, позволяющие живописцам более свободно выражать свои мысли и экспериментировать, что дало китайскому реализму новое направление развития.

Со временем стало ясно, что неразумно полностью заменять реалистическую живопись на модернистскую. Каждое из этих направлений имеет свою социальную базу, эстетические ориентиры и аудиторию. Различные группы населения имеют разные потребности. В то время, когда модернизм расширяет свои границы, многие художники начинают сосредотачиваться на критическом реализме, призывая к возвращению критической реалистической живописи. Художники соединили воедино свое личное восприятие общества и сложность бытия в коммерческую эпоху, пытаясь пробудить в молодых художниках чувство ответственности за время. В этот период было много прекрасных работ, которые были

сосредоточены на поисках способов преобразования страны и отражали социальную реальность такие как «Чайная часуймы» Сюй Вэйсиня, «Янгуань Саньде» Ван Хунцзяня и др. В 2005 году художник Ян Фэйюнь и его последователи основали «Школу реалистической живописи», которая породила новую моду реалистической живописи в Китае.

Успех передвижничества связан с тем, что картины сочетаются с жизнью народа, имеют эпические сцены, изображают страну и народ на фоне национальной истории. С начала развития реалистической живописи в Китае, в каком бы художественном стиле ни появлялись работы, возвращение в настоящее, внимание к обществу и реальности, сосредоточение внимания на выражении индивидуальных переживаний всегда было внутренним ядром реалистических работ, и в этом смысле влияние техники живописи передвижников и их творческих идей на китайскую живопись сложно переоценить.

Библиографический список

1. [日]古城贞吉. 论俄人善画. 时务报, 1897 (31) : 23.
2. 平路青. 论 20 世纪上半叶列宾对中国美术的影响. 美与时代(下), 2014(12):96.
3. 胡根天. 俄罗斯的美术——绘画怎样发达. 小说月报, 1921(12): 223-224.
4. 徐悲鸿. 苏联美术史前序. 中苏文化, 1936 (01) :1.
5. 徐悲鸿. 在苏联捷克参观美术的简略报告. 进步日报, 1949-06-13.

6. 吕澎.中国现代艺术史.上海书画出版社, 2019.
7. 李桦, 李树声, 马克编. 中国新兴版画运动五十年.辽宁美术出版社, 1981.
8. 何非.20 世纪中国美术之旅——留学到苏联美术作品展在京开幕.美术观察, 2013(05):34.
9. 于安东.俄罗斯美术与中国油画创作及教学.安徽师范大学学报(人文社会科学版), 2004(05):611-616,614.
10. 韩靖. 中国美术文化百年史.南京: 南京师范大学出版社. 2018.

УДК 82.0

Ма Вэйхун

<https://orcid.org/0000-0003-1302-5509>

**Культурные атрибуты русского рока:
элитарная или массовая культура?**

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) Юго-Западного университета КНР при Министерстве образования Китайской Народной Республики

Для цитирования: Ма Вэйхун Культурные атрибуты русского рока: элитарная или массовая культура? // Мир русскоговорящих стран. 2021. №2 (8). С. 105 –117. DOI 10.20323/2658-7866-2021-2-8-105-117

Статья посвящена проблеме идентификации русской рок-культуры как элитарной или массовой культуры. Автор характеризует концепции элитарной и массовой культуры, объяснения различия между ними и на основании этого анализа рассматривает характеристики русской рок-культуры. Автор приходит к выводу, что русская рок-культура – это своеобразное примирение элитарной и массовой культуры: во второй половине XX века сложность советской политической системы и идеологии определила особую судьбу и культурные атрибуты российского рока, сделав его сложным, многогранным и эклектичным образованием. Вынужденные выжить, рок-группы должны были включать элементы популярной музыки в свои творения и использовать каналы и средства массовой культуры для привлечения аудитории. Пополнив ряды коммерческих выступлений, рок-н-ролл приобрел более популярную культурную атрибутику, и постепенно появились признаки упадка рок-культуры. Однако, в конце концов, рок-культура не трансформировалась в массовую культуру, а в поисках новой культурной ниши для себя российские рок-музыканты и рок-поэты по-прежнему продолжали использовать свои творения, чтобы выразить свое критическое отношение к реальности, свое отрицание и противодействие процессам индустриализации и урбанизации, возвращаясь к истории и культуре нации, проявляя внимание к философским и религиозным вопросам и к глубине и полноте поэтического содержания, реконструируя русскую культурную память, размышляя об экологической ситуации в современном мире. Рок-культура по-прежнему остается культурой сопротивления, однако по мере того, как общество продолжает меняться, форма и состав сопротивления также постоянно меняются, именно из-за этого рок-культура приобрела своего рода гуманистическую основу, гораздо более глубокую, чем у массовой культуры, поэтому игнорирование различия рок-культуры и массовой культуры уничтожает врожденный дух и сущность самой рок-культуры.

© Ма Вэйхун, 2021

Ключевые слова: Россия, рок, культурные атрибуты, культурный феномен, элитарная культура, массовая культура, андеграунд.

Ma Weihong

Cultural attributes of Russian rock: elitist or mass culture?

The article deals with identifying Russian rock culture as elitist or mass culture. The author characterizes the concepts of elitist and mass culture, explaining the difference between them, and examines the characteristics of Russian rock culture on the basis of this analysis. The author concludes that Russian rock culture is a kind of reconciliation of elite and mass culture: in the second half of the XX century the complexity of the Soviet political system and ideology determined the destiny and cultural attributes of Russian rock, making it a complex, multifaceted and eclectic phenomenon. Forced to survive, rock bands had to incorporate elements of popular music into their works and use mass media to attract the public. Having joined the ranks of commercial performances, rock 'n' roll gained more popularity, and gradually there appeared some signs of the rock culture decline. In the end, however, rock culture did not transform into mass culture, and Russian rock musicians and rock poets continued to play their music in search of a new cultural niche for themselves to express their critical attitude to reality, their denial and opposition to the processes of industrialization and urbanization, returning to the history and culture of the nation, paying attention to philosophical and religious issues and to the depth and completeness of poetic content, reconstructing Russian cultural memory, reflecting on the environmental situation in the modern world. Rock culture is still a culture of resistance, but as society continues to change, the form and content of resistance is also constantly changing, and it is because of this that rock culture has acquired a kind of humanistic foundation that is much deeper than that of popular culture, so ignoring the difference between rock culture and popular culture destroys the innate spirit and the essence of rock culture itself.

Key words: Russia, rock, cultural attributes, cultural phenomenon, elitist culture, mass culture, underground.

До появления русского рока не существовало такого культурного явления, которое оказало бы столь сильное влияние на российских подростков. Даже сегодня рок по-прежнему остается одним из популярных музыкальных жанров и оказывает существенное влияние на современную культуру в целом. Хотя российские ученые ранее проводили специализированные исследо-

вания русской рок-культуры с различных точек зрения и получили большое количество ценных результатов, по-прежнему отсутствуют ответы на важные вопросы, касающиеся культурных атрибутов русского рока.

В российских академических кругах давно спорят о культурных атрибутах русского рока. Есть три основных точки зрения. Одна точка

зрения состоит в том, что русский рок принадлежит к массовой культуре: «рок» как социокультурный феномен непосредственно появляется (и существует до сих пор) в системе более широких социальных и культурных феноменов так называемой «массовой культуры» [Достай, 1996]. Рок как популярный культурный феномен всегда существует в разрыве между своим поверхностным и постоянно меняющимся внешним обликом и серьезным отношением и духовными потребностями [Доманский, 2000]. Другая точка зрения состоит в том, что пионеры русского рока принадлежат к интеллектуальной элите, поэтому русский рок должен принадлежать к элитарной культуре [Добротворский, 1990]. Также существует мнение, что российская рок-культура – это «примирение массовой культуры и элитарной культуры. Даже сам рок-музыкант непоследователен в ответе на этот вопрос» [Никитина]. Михаил Науменко в интервью газете «Юный ленинец» 8 сентября 1990 года заявил, что «рок в принципе относится к массовой культуре», но три месяца спустя в интервью Челябинской газете «Молодой учитель» он согласился с журналистами, что «рок принадлежит к определенной элитарной культуре» [Майк: право на рок, 1997, с. 209, 213]. Культурные атрибуты русского рока связаны со статусом русского рока и самоидентификацией рок-музыкантов. Из приве-

денных выше объяснений нетрудно увидеть, что вопрос о том, является ли русский рок принадлежностью к массовой или элитарной культуре – это нерешенный вопрос как для российских рок-музыкантов, так и для экспертов и ученых, изучающих их творчество. Чтобы решить эту проблему, необходимо определить, что такое элитарная культура и массовая культура.

Элитарная культура и массовая культура – два противоположных понятия. Лю Цзысюн и Янь Юган разделили культурные типы на пять основных типов в «Общей теории народной культуры»: традиционная культура, доминирующая культура, элитарная культура, массовая культура и народная культура. Они считали, что элитарная культура «обычно относится к культуре высокоинтеллектуальных людей. Сочетая в себе знания и понимание современной политики, экономического и социального развития, а также прав личности на свободу интеллектуальной элиты Китая и Запада, они имеют определенную степень гуманной заботы о стране и людях, и они имеют абсолютное право об этом говорить. Они обладают профессиональной оценкой и способностью к использованию высоких культурных традиций и высокого искусства, и они рассматривают культуру и искусство как критику и преображение реальности» [刘自雄、闫玉刚, с. 12]. Таким образом, элитарная культура

относится к «культуре, специализирующейся на производстве, создании, интерпретации и распространении текстов в высокоинтеллектуальном обществе. Она играет важную роль в развитии социальной культуры» [吴晓斐 · 叶启绩, с. 66].

По сравнению с элитарной культурой, массовая культура представляет собой более сложное понятие, которое часто путают с такими понятиями, как «популярная культура», «народная культура» и «массовая литература». «Его смысловая история охватывает сложную родословную от элитарности до крайнего популизма» [刘自雄、闫玉刚, с. 14]. Определение и понимание массовой культуры часто зависит от познавательной точки зрения и ценностной точки зрения исследователя. Наиболее распространенными шестью определениями являются следующие. Во-первых, считается, что массовая культура – это культура, которая широко распространена среди людей и приветствуется ими. Во-вторых, считается, что массовая культура – это «субкультура», отличная от элитарной культуры, и она является разновидностью маргинальной культуры или вульгарной культуры. В-третьих, считается, что массовая культура – это «культура массового производства для удовлетворения массового потребления». В-четвертых, массовая культура – это «народная культура, которая служит людям», созданная людьми;

пятая – это то, что массовая культура рассматривается как взаимосвязь между сопротивлением подчиненных групп в обществе и интеграцией правящих групп, место взаимной борьбы; в-шестых, возможно понимание массовой культуры с точки зрения постмодернизма и сознательное стирание различий и границ между элитарной культурой и культурой вульгарной [高宣扬; 和磊]. Вышеупомянутые определения понятий показывают разнообразие и богатство смысла массовой культуры. Ханг Чжи дает более полное и точное определение массовой культуры. Он считает, что массовая культура – это «особый продукт городского индустриального общества или общества массового потребления, который переносится и передается средствами массовой информации, такими как печатные СМИ и электронные СМИ. Это культурный продукт, который в основном производится для массового потребления, поэтому он имеет характеристики стандартизации и квазииндивидуализации» [杭之, с. 141]. Таким образом, массовая культура – «это такая культура, которая принимает массы в качестве основного объекта потребления, развлечения и дополняется современными методами коммуникации, методами управления и производства» [陈刚, с. 48–50].

Можно видеть, что элитарная культура находится в центре социального дискурса, а гуманистиче-

ские интеллектуалы, берущие на себя ответственность за защиту морали, являются создателями и распространителями этой культуры. Массовая же культура – это особый продукт общества массового потребления. Средства массовой информации предоставляют ей канал для коммуникации с публикой, позволяя легко быть принятой массами и сделать ее популярной и модной. Ее главными характеристиками являются коммерческий, светский и развлекательный характер. Здесь необходимо подчеркнуть, что элитарная культура и массовая культура – это не стабильные константы, а «переменные» в культурной системе, поэтому их нельзя отнести к «каким-то стабильным и неизменным единицам» [Мельников, 1999, с. 179]. Любой вид культурного феномена при зарождении рекламирует себя как элитарную культуру, а когда он известен широкому кругу социальных слоев, он трансформируется в массовую культуру [Массовая культура ... , 1989]. Другими словами, элитарная культура и массовая культура не являются постоянными, особенно под влиянием рыночной экономики и массовой культуры в 1990-е годы, когда элитарная культура не имела активного характера, и ее центральное положение было под угрозой, в то время как массовая культура воспользовалась этой пустотой и успешно заняла место «мейнстрима культуры» [高丙中, с. 111].

Некоторые исследователи классифицируют русский рок как элитарную культуру, неосознанно повышая его культурный статус, потому что русский рок действительно обладает определенными характеристиками элитарной культуры. Как только рок появился в Советском Союзе, он сразу стал востребован советской молодежью, причем изначально не из-за его идеологического содержания, а из-за этого новаторства и антитрадиционного музыкального стиля и сценического исполнения. Однако, когда российские рок-музыканты избавились от слепого подражания и начали самостоятельное творчество, они постепенно проявили тенденцию делать упор на тексты и легкую музыку, и на исполнение текста. Поэтому А. К. Троицкий считает, что люди в Советском Союзе любят рок не столько из-за музыки, сколько из-за желания самовыражаться и желания реализовать себя, и такого рода самореализацию не нужно реализовывать через композиторский талант [Троицкий, 1991, с. 57]. Если рок-лирика 1970-х в основном выражает стремление советской молодежи к идеалам и стремление к свободе существования и в той или иной степени воплощает романтизм эскапизма, то с середины 1980-х рок-музыканты демонстрируют «железные плечи». Чувство социальной ответственности «быть моральным и праведным» также претерпело важные изменения в стратегии творчества – от поиска внутренней свободы в «тихом» ро-

мантизме, от пассивного сопротивления к бегству от реальности, к конфронтации с господствующей культурой, а также к социальным и политическим проблемам и сатирическому обличению недостатков и пороков современного общества. Говоря об идеологической коннотации рок-текстов, А. К. Троицкий сказал: очень легко петь песни, не имеющие смысла, но чрезвычайно трудно найти слова, которые заставят людей поверить вам; у рок-поэтов много проблем, но их темы будут всегда касаться таких патетических и тревожных вопросов как безразличие и инерция, независимость и слепое следование моде, ложные претензии и двуличие, бескомпромиссный и личный выбор и т. д. [Троицкий, 1991, с. 57]. основополагающими характеристиками русского рока являются правдивость и искренность. Многие тексты рок-лирики имеют характеристики хроник, которые отражают особенности психологического роста молодого поколения и детали повседневной деятельности, социальную реальность и социальную психологию советского периода в 1970-е и 1990-е годы.

Русский рок не считает развлечение основой и смыслом своего существования. Хотя рок-произведения различаются от хороших до плохих, большая часть текста песен содержит определенные положительные факторы, которые в той или иной степени способствуют духовному развитию человека. Рок по своей сути иррационален, он

нацелен на получение духовной, а не материальной ценности. Напротив, массовая культура (например, «поп-музыка») основана на стремлении к утилитаризму, массовости, общению, популярности и моде, чтобы развеять святость творчества. Несмотря на то, что он отчужден от поп-культуры, он также является важной чертой русского рока, которая противопоставляется поп-культуре. Изучая природу этой оппозиционной позиции, Г. В. Шостакович выделяет некоторые из основных качеств рок-поэзии, которые определяют ее оппозицию массовой культуре, такие как слова, предшествующие музыке, глубокое содержание и искренность, забота о людях, социальная ориентация, честность, постановка вопросов, множественность и генеративность смысла, опора на русскую литературную традицию и др. [Шостакович, 2000]. Отталкиваясь от массовой культуры, русский рок демонстрирует близость к различным школам элитарной культуры таким как наследие и развитие русской классической литературной традиции; мифология рок-поэзии; романтизм рок-поэзии, отношения между рок-поэзией и авангардной литературой, характеристики постмодернизма в рок-поэзии и т. д. [Пилоте, 2007; Скорлупкина, 2013; Ивлева, 1998; Милюгина, 1999; Матвеева, 2010; Авилова, 2007]. Из этого видно, что в основе русской рок-культуры лежит традиция определенных гуманистических знаний и вечных ценностей,

проверенная временем, стремление к абсолютным и вечным ценностям и сопротивление ценностям временным. Выражение русской рок-культуры может быть различным в разные периоды и этапы, но фундамент, на котором она основана, остается прежним.

Тем не менее имеет смысл рассматривать русский рок как массовую культуру по двум причинам. Во-первых, русский рок органично интегрировал в процесс своего развития некоторые элементы массовой культуры, особенно элементы народной культуры (народная литература и народная музыка и т. д.), которые являются источником массовой культуры: рок-музыканты инкорпорировали в создание текстов песен и музыки народную поэзию, фольклорное устное творчество, прекрасные традиции народной музыки, этнические религиозные и культурные элементы. Такой плюрализм в высшей степени импонирует лидеру группы «Алиса» К. Кинчеву, который считает, что необходимо интегрировать все эти модели, включая народную музыку, хард-рок, фолк-рок и другие разновидности рока [Троегубов, 1999]. Слияние различных традиционных жанров рока и массовой культуры – залог коммерческого успеха рока. На этом пути далеко могут пойти те рок-группы (рок-звезды), которые могут не только выразить дух рока в своем творчестве, но и удовлетворить потребности публики. Не случайно люди оценивают группу «ДДТ» Шевчука как «духовную

русскую группу», потому что она «балансирует между рок-музыкой» и «стилем поп-музыки»; в сценических выступлениях важно использовать этнические музыкальные инструменты, костюмы и аксессуары [Троегубов, 1999, с. 267]. Во-вторых, между российскими рок-группами и советскими чиновниками существуют сложные отношения. Из-за подавления советской властью рока его статус стал «нелегальным» и заставил его прятаться в «андерграунде», подальше от властей и официальных культурных учреждений. Однако, чтобы записывать песни, необходимо было участвовать в рок-фестивалях и проводить концерты, поэтому надо было сделать все возможное, чтобы получить поддержку официальных (или даже полуофициальных) культурных учреждений, получить одобрение на официальном и общественном уровнях. Чтобы расширить популярность группы и себя, некоторые рок-звезды также использовали различные возможности для участия в съемках. Это сложное положение рок-музыкантов того времени отражено, например, в песне Б. Гребенщикова:

*Это я снова пою для тех, кто
пришел нам помочь
и вывести нас из этих зыбучих
песков.*

*И я пел десять лет
и наконец стал известным пев-
цом в кругу друзей,*

*Но видит бог, я устал быть
подпольным певцом...*

Вступив в 90-е, русский рок упал с «главного алтаря» и неминуемо рассыпался в прах массовой культуры. Когда они мятежно пытались открыть новую реальность, люди утратили способность реагировать. Вынужденные выжить, рок-группы должны были включать элементы популярной музыки в свои творения и использовать каналы и средства массовой культуры для привлечения аудитории. Пополнив ряды коммерческих выступлений, рок-н-ролл приобрел более популярную культурную атрибутику, и постепенно появились признаки упадка рок-культуры. Однако, в конце концов, рок-культура не испортилась и не трансформировалась в массовую культуру – в массовой культуре собраны все сенсационные, «последовательные» и неличностные вещи, и в ней отсутствует абсолютная и вечная ориентация на ценности, в то время как рок-культуре это несвойственно. В поисках новой культурной ниши для себя российские рок-музыканты (рок-поэты) по-прежнему используют свои творения, чтобы выразить свое критическое отношение к реальности, свое отрицание и противодействие процессам индустриализации и урбанизации, разрушающим экологию. Отражение материалистического современного общества и размышления о современной индустриальной цивилизации и безумном обществе товарно-денежных отношений заставляют их вернуться к истории и

культуре нации, демонстрируя сильные «коренные и исторические чувства»: В. Бутусов и И. Кормильцев проявляют больше внимания к философским и религиозным вопросам и приверженность к глубине и полноте поэтического содержания; постмодернистская ирония Б. Гребенщикова реконструирует русскую культурную память; И. Лагутенко размышляет об экологической ситуации в современном мире. Сильный реалистический критический дух, отклонение или конфликт с доминирующими ценностями – это самые фундаментальные духовные характеристики рок-музыки, а также основа для отличия рок-музыки от коммерческой поп-музыки на ценностном уровне. Хотя способы распространения рок-культуры изменились, ее внутренний дух и идеализм не уменьшились. Рок-культура по-прежнему остается культурой сопротивления, но это уже не политическое сопротивление, а социальное сопротивление. Просто по мере того, как общество продолжает меняться, форма и состав сопротивления также постоянно меняются. Именно из-за этого рок-культура приобрела своего рода гуманистическую основу, гораздо более глубокую, чем у массовой культуры. Если же игнорировать различие рок-культуры и массовой культуры, это уничтожит врожденный дух и сущность самой рок-культуры.

Подводя итог, можно сделать вывод, что русская рок-культура – это

своеобразное примирение элитарной и массовой культуры. Во второй половине XX века сложность советской политической системы и идеологии определила особую судьбу и культурные атрибуты российского рока, сделав его сложным, многогранным и эклектичным образованием. О. Сурова так прокомментировала творчество Дмитрия Ревякина, основателя и лидера группы «Калинов мост»: «Парадокс Ревякина – в его принадлежности одновременно и к массовой культуре в ипостаси поющего рок-поэта с гитарой, и к культуре «высоколобой» в качестве «трудного» поэта, экспериментатора, наследующего традиции русского авангарда. Несмотря на это последнее обстоятельство, он почти неизвестен в среде поэтов и литературных критиков. Его тексты в большинстве своем не рассчитаны на массового слушателя – и, тем не менее, КАЛИНОВ МОСТ – одна из самых ярких звезд отечественной рок-сцены. При этом ни группу, ни лично Ревякина масс-медиа не балуют вниманием. Его положение в рок-музыке и в поэтических кругах – это положение маргинала, идущего своим путем, находящегося вне школ, кружков или сообществ» [Сурова, 1997, с. 304]. Очевидно, «двойственность» этой культуры определяет культурные атрибуты русского рока [Козицкая, 2001, с. 189]. Некоторые ученые отмечали, что рок поддерживает баланс между различными элементами культуры, который определяет атрибуты рок-культуры. В частности, в

роке можно найти несколько противоположных аспектов: массово-элитарное, элегантно-вульгарное, морально-аморальное, жизнь-смерть, здоровье-болезнь, добро-зло, гуманизм-жестокость. С одной стороны, рок всегда выступал против массовой культуры, и его бунтарский дух в достаточной степени иллюстрирует это положение. С другой стороны, рок был молодежной субкультурой с момента ее зарождения [Тугушева, 2006, с. 15]. Русский рок полностью вобрал в себя элементы элитарной культуры и массовой культуры. Способствуя формированию и совершенствованию индивидуального духа реципиента, он также максимально использует коммуникационные каналы и средства массовой культуры для удовлетворения эстетических потребностей различных аудиторий. Его цель не столько развлечение, сколько познание. Современная рок-культура утратила свои контркультурные элементы, но по-прежнему сохраняет свою уникальность и целостность, а воплощенный в ней рок-дух остается неизменным. С философской точки зрения дух рока – это дух человеческого стремления к свободе существования; с точки зрения непрофессионала, это означает сопротивление популяризации через музыку, нежелание подчиняться вкусам масс, тем самым теряя индивидуальность, критическое осмысление действительности и превращаясь в китч. Кроме того, ему удалось сделать общество более толерантным, способным мириться с существова-

нием другой «чужой» культурной формы и заставить общество обратить внимание на другую систему ценностей.

Библиографический список

1. Авилова Е. Р. К вопросу о трансформации авангардной парадигмы в русской рок-поэзии // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. Вып. 9. Екатеринбург : УрГПУ, 2007. 276 с.
2. Добротворский С. Н. Рок-поэзия: текст и контекст // Молодежь и проблемы со временной художественной культуры : сб. науч. тр. / редкол.: С. Н. Добротворский [и др.]. Ленинград : ЛГИТМИК, 1990. С. 82–88.
3. Доманский Ю. В. Вместо заключения. О культурном статусе русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. 2000. Вып. 3. С. 215–225.
4. Достай С. А. Рок-текст как средство перевыражения национального менталитета // Понимание как усмотрение и построение смыслов. Ч. 1. Тверь : ТвГУ, 1996. С. 71–77.
5. Ивлева Т. Г. Пушкин и Достоевский в творческом сознании Бориса Гребенщикова // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. Вып. 1. Тверь : Изд-во Тверского ун-та, 1998. С. 87–94.
7. Козицкая Е. А. Субязыки и субкультуры русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. Вып. 5. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. С. 169–189.
8. Майк: право на рок : [О лидере ленингр. рок-группы «Зоопарк» М. Науменко : сборник / авт.-сост. А. Рыбин и др.]. Тверь : ЛЕАН, 1997. 287 с.
9. Массовая культура. Элитарное искусство / под общ. ред. А. А. Беляева [и др.]. Москва : Политиздат, 1989. 447 с.
10. Матвеева Н. М. Поэзия В. Маяковского в современной рок-культуре: группы «Сансара» и «Сплин» // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. Вып. 11. Екатеринбург, 2010. С. 183–198.
10. Мельников Н. Г. Массовая литература // Чернец Л. В. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. Москва : Высшая школа ; Академия, 1999. С. 120–128.
11. Милюгина Е. Г. Феномен рок-поэзия и романтический тип мышления // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. Вып. 2. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1999. С. 53–60.
12. Никитина О. Э. Русский рок: К проблеме научной дефиниции // Парадигмы: Сборник работ молодых ученых. Вып. 2. URL: <http://www.fedy-diary.ru/Gold/books-r/poeza2.htm>. (Дата обращения: 25.05. 2021).
13. Пилоте Ю. Э. Постмодернизм в творчестве Александра Васильева (группа «Сплин») // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. Вып. 9. Екатеринбург, 2007. С. 194–201.
14. Скорлупкина Д. Г. «Театр абсурда» группы «Пикник»: специфика рецепции сильных позиций // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. Вып. 14. Екатеринбург, 2013. С. 208–218.
15. Сурова О. «Самовитое слово» Дмитрия Ревякина // Новое литературное обозрение. 1997. № 7. С. 304–321.

16. Толоконникова С. Ю. Русская рок-поэзия в зеркале неомифологизма // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. Вып. 2. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1999. С. 47–53.
17. Троегубов В. Легенды русского рока. Серия: История отечественной рок-музыки / В. Троегубов, М. Пушкина [и др.]. Москва : Леан, 1999. 278 с.
18. Троицкий А. К. Рок в СССР. Неприукрашенная история. Москва : РИО Мособлунпрполиграфиздат, 1991. 126 с.
19. Тугушева А. Р. Философско-культурологический аспект анализа молодежной рок-культуры : автореф. дис... канд. филос. наук. Саратов, 2006. 26 с.
20. Шостаков Г. В. Рок-поэзия как предмет изучения на уроках русской литературы. Брест : Брест. гос. ун-т, 2000. URL: <http://shostak.iatp.by/doc/article/POESIA.htm>. (Дата обращения: 21.05.2021).
21. 陈刚 : 《精英文化的衰落与大众文化的兴起》·载《南京师大学报(社会科学版)》2001年第4期.
22. 高丙中 : 《精英文化、大众文化、民间文化 : 中国文化的群体差异及其变迁》·载《社会科学战线》1996年第2期.
23. 高宣扬. 流行文化社会学 (第2版) . 北京 : 中国人民大学出版社, 2006.
24. 杭之. 一苇集. 北京 : 生活·读书·新知三联书店·1991.
25. 和磊. 文化研究论. 济南 : 山东人民出版社·2016.
26. 刘自雄、闫玉刚. 大众文化通论 (第二版) . 北京 : 中国广播电视出版社·2013.
27. 吴晓斐·叶启绩:《精英文化的主体变迁及其教化路径》·载《理论与改革》2016年第2期.

Reference list

1. Avilova E. R. K voprosu o transformacii avangardnoj paradigmy v russkoj rok-poezii = On transformation of the avant-garde paradigm in Russian rock poetry // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst : sb. nauch. tr. Vyp. 9. Ekaterinburg : UrGPU, 2007. 276 с.
2. Dobrotvorskij S. N. Rok-poezija: tekst i kontekst = Rock poetry: text and context // Molodjzh' i problemy so vremennoj hudozhestvennoj kul'tury : sb. nauch. tr. / redkol.: S. N. Dobrotvorskij [i dr.]. Leningrad : LGITMIK, 1990. S. 82–88.
3. Domanskij Ju. V. Vmesto zakljuchenija. O kul'turnom statuse russkogo roka = Instead of conclusion. On Russian rock's cultural status // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst : sb. nauch. tr. 2000. Vyp. 3. S. 215–225.
4. Dostaj S. A. Rok-tekst kak sredstvo perevyrazhenija nacional'nogo mentaliteta = Rock text as a means of re-expressing national mentality // Ponimanie kak usmotrenie i postroenie smyslov. Ch. 1. Tver' : TvGU, 1996. S. 71–77.
5. Ivleva T. G. Pushkin i Dostoevskij v tvorchestvom soznanii Borisa Grebenshnikova = Pushkin and Dostoevsky in Boris Grebenshnikov's creative mind // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst : sb. nauch. tr. Vyp. 1. Tver' : Izd-vo Tverskogo un-ta, 1998. S. 87–94.

6. Kozickaja E. A. Sub#jazyki i subkul'tury russkogo roka = Sublanguages and subcultures of Russian rock // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst : sb. nauch. tr. Vyp.5. Tver' : Tver. gos. un-t, 2001. S. 169–189.
7. Majk: pravo na rok : [O lidere leningr. rok-gruppy «Zoopark» M. Naumenko = Mike: the right to rock: [About the leader of the Leningrad rock band Zoo M. Naumenko]; sbornik / avt.-sost. A. Rybin i dr.]. Tver' : LEAN, 1997. 287 s.
8. Massovaja kul'tura. Jelitarnoe iskusstvo = Mass culture. Elitist art / pod obshh. red. A. A. Beljaeva [i dr.]. Moskva : Politizdat, 1989. 447 s.
9. Matveeva N. M. Pojezija V. Majakovskogo v sovremennoj rok-kul'ture: gruppy «Sansara» i «Spln» = V. Mayakovsky's poetry in modern rock culture: “Sansara” and “Spln” bands // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst : sb. nauch. tr. Vyp. 11. Ekaterinburg, 2010. S. 183–198.
10. Mel'nikov N. G. Massovaja literatura = Mass literature // Chernec L. V. Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponjatija i terminy. Moskva : Vysshaja shkola ; Akademija, 1999. S. 120–128.
11. Miljugina E. G. Fenomen rok-poezija i romanticheskij tip myshlenija = The rock-poetry phenomenon and romantic way of thinking // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst : sb. nauch. tr. Vyp. 2. Tver' : Tver. gos. un-t, 1999. S. 53–60.
12. Nikitina O. Je. Russkij rok: k probleme nauchnoj definicii = Russian rock: to the problem of scientific definition // Paradigmy: Sbornik rabot molodyh uchenyh. Vyp. 2. URL: <http://www.fedy-diary.ru/Gold/books-r/poeza2.htm>. (Data obrashhenija: 25.05.2021).
13. Piljute Ju. Je. Postmodernizm v tvorchestve Aleksandra Vasil'eva (gruppy «Spln») = Postmodernism in the work of Alexander Vasilyev (Spln band) // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst : sb. nauch. tr. Vyp. 9. Ekaterinburg, 2007. S. 194–201.
14. Skorlupkina D. G. «Teatr absurda» gruppy «Piknik»: specifika recepcii sil'nyh pozicij = “Picnic's” Theater of the Absurd: specific reception of strong positions // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst : sb. nauch. tr. Vyp. 14. Ekaterinburg, 2013. S. 208–218.
15. Surova O. «Samovitoe slovo» Dmitrija Revjakina = Dmitriy Revyakin's “self-made word” // Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. № 7. S. 304–321.
16. Tolokonnikova S. Ju. Russkaja rok-poezija v zerkale neomifologizma = Russian rock poetry in the mirror of neo-mythologism // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst : sb. nauch. tr. Vyp. 2. Tver' : Tver. gos. un-t, 1999. S. 47–53.
17. Troegubov V. Legendy russkogo roka. Serija: Istorija otechestvennoj rok-muzyki = Russian rock legends. Series: History of Russian rock music / V. Troegubov, M. Pushkina [i dr.]. Moskva : Lean, 1999. 278 s.
18. Troickij A. K. Rok v SSSR. Nepriukrashennaja istorija.= Rock in the USSR. An unembellished history. Moskva : RIO Mosobluprpoligrafizdat, 1991. 126 s.
19. Tugusheva A. R. Filosofsko-kul'turologicheskij aspekt analiza molodezhnoj rok-kul'tury = Philosophical and cultural aspect of the youth rock analysis : avtoref. dis... kand. filos. nauk. Saratov, 2006. 26 s.
20. Shostak G. V. Rok-poezija kak predmet izuchenija na urokah russkoj literatury = Rock poetry as a subject of study in Russian literature classes. Brest : Brest. gos. un-t, 2000. URL: <http://shostak.iatp.by/doc/article/POESIA.htm>. (Data obrashhenija: 21.05.2021).

21. 陈刚：《精英文化的衰落与大众文化的兴起》，载《南京师大学报（社会科学版）》2001年第4期。
22. 高丙中：《精英文化、大众文化、民间文化：中国文化的群体差异及其变迁》，载《社会科学战线》1996年第2期。
23. 高宣扬.流行文化社会学（第2版）.北京：中国人民大学出版社，2006.
24. 杭之.一苇集.北京：生活·读书·新知三联书店，1991.
25. 和磊.文化研究论.济南：山东人民出版社，2016.
26. 刘自雄、闫玉刚.大众文化通论（第二版）.北京：中国广播电视出版社，2013.
27. 吴晓斐，叶启绩：《精英文化的主体变迁及其教化路径》，载《理论与改革》2016年第2期。

УДК 821.161

Нин Шилэй

<https://orcid.org/0000-0003-1015-3943>

Ли Сяньшу

<https://orcid.org/0000-0001-9033-4909>

**Медицинский и колониальный дискурсы
в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин»**

Для цитирования: Нин Шилэй, Ли Сяньшу Медицинский и колониальный дискурсы в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин // Мир русскоговорящих стран. 2021. №2 (8). С. 118–132. DOI 10.20323/2658-7866-2021-2-8-118-132

В статье представлены анализ идейно-медицинского контекста книги «Остров Сахалин», рассмотрение чеховского отношения к медицине и литературе, анализ различных (в том числе зарубежных) подходов к изучению медицины и проблем колонизации в художественных текстах. Тема является актуальной в том числе и, потому что, как известно, в XIX веке публицистика была весьма ограничена правительством как в самом выборе тем, так и в ракурсах их освещения. Во многом роль защитника простых людей, в том числе и ссыльнокаторжных, взяла на себя литература. Авторы рассматривают, как, помимо отсутствия зачастую элементарной медицинской помощи, антисанитарии, специфики местных условий, вызывавших различные заболевания, у людей, не привыкших к такому климату людей на острове Сахалин, появились такие чувства как одиночество, тоска, уныние, нежелание жить, – словом, все те симптомы, которые сейчас принято называть депрессией и психопатологией. А. П. Чехов за счет ряда художественных приемов создает сатирический эффект и дезавуирует утверждения начальства. Авторы демонстрируют, что основное внимание в книге А. Чехова уделяется условиям жизни людей и серьезным ошибкам, допущенным государством в ходе освоения Сахалина. Сопоставляя чеховские наблюдения со статистикой и фактографическим материалом, почерпнутым в иных источниках, авторы обращают внимание на непонимание государственными чиновниками значения Сахалина для России, необходимость освоения природных богатств, недопустимость игнорирования местных этнических и культурных условий, пренебрежения к людям и т. д. В статье делается вывод о том, насколько тесно чеховские наблюдения соотносятся с выводами из юридических, экономических и исторических источников того времени.

Ключевые слова: медицина, колонизация, междисциплинарный подход, душевное здоровье личности, социальный аспект медицины, концепция личности и общества.

Ning Shilei, Li Xianshu

Medical and colonial discourses in A. P. Chekhov's book "Sakhalin Island"

The article presents an analysis of the conceptual and medical context of the book "Sakhalin Island", examines Chekhov's attitude to medicine and literature, and analyzes various (including foreign) approaches to studying medicine and problems of colonization in literary texts. The topic is also relevant because, as we know, in the XIX century publicism was rather restricted by the government, both in the choice of topics and in the ways of their coverage. In many ways, literature took on the role of defender of ordinary people, including exiled convicts. The authors examine how, in addition to the lack of basic medical care, poor sanitation, and the specific local conditions causing various illnesses in people unaccustomed to Sakhalin climate, these people had feelings such as loneliness, melancholy, despondency, and unwillingness to live - in short, all the symptoms that are now commonly referred to as depression and psychopathology. Through a number of literary devices, A. P. Chekhov creates a satirical effect and disavows the authorities' allegations. The authors show that the focus of Chekhov's book is on the living conditions of the people and the serious mistakes made by the state during the exploration of Sakhalin. Comparing Chekhov's observations with statistics and factual data from other sources, the authors emphasize that government officials do not understand the importance of Sakhalin for Russia, the need to develop its natural resources, the inadmissibility of ignoring local ethnic and cultural conditions, the neglect of people, etc. The article concludes that Chekhov's observations are closely related to legal, economic, and historical records of the time.

Key words: medicine, colonization, interdisciplinary approach, mental health of personality, social aspect of medicine, concept of personality and society.

Хорошо известно, что публицистика конца XIX века по своему языку и содержанию представляла собой очень пестрое явление. Один из полюсов ее был детерминирован естественными представлениями и непрерывно совершающимися изысканиями ученых, второй – был порожден задачами формирующейся гигиенистики и ее общественным пафосом, который складывался на фоне удивительных научных открытий того времени.

А. П. Чехов провел на Сахалине почти три месяца. В поездках по острову он побывал во всех тюрем-

ных замках, осматривал место работы каторжных, «инспектировал» лазареты и больницы, где познакомился со всеми врачами, фельдшерами и другими служителями, администраторами каторги, изучал быт ссыльнопоселенцев.

Для своей работы Чехов наметил две ключевые задачи. Во-первых, он находился под влиянием актуальных тенденций российской юриспруденции, и его интересовало соотношение правовой сферы, регламентируемой законами, и аспектов реального положения сахалинского населения. Чехова интересо-

вала проблема эффективности и соразмерности (справедливости) наказания в пенитенциарной системе того времени. Во-вторых, как врач, он интересовался социальными нормами существования каторжных, ссыльнопоселенцев в условиях жизни, которые иначе как дикими назвать трудно. Он неизбежно становился свидетелем и отразил, насколько это было возможно в книге, своих письмах и рассказах, острые правовые конфликты, возникающие постоянно между чиновниками каторги всех «отраслей» (солдатами, офицерами, фельдшерами, докторами и т. п.) и островным и губернским начальством [Чехов, 1983].

Некоторые из докторов и фельдшеров становятся персонажами книги «Остров Сахалин». Отношение Чехова к ним достаточно сложное: изображение их поведения остается нерегламентированным и по большому счету безоценочным. Это врач Тымовской лечебницы В. А. Сасапарель и Б. А. Перлин, младший врач лазарета в Александровском посту, дуйский доктор В. А. Зихер, фельдшер С. И. Иванов, военный врач Корсаковской военной команды Зборомирский. По цензурным условиям писатель был лишен возможности прямо говорить о беспорядках и их непосредственных виновниках, среди которых, к сожалению, он встречал и докторов, вроде Б. Перлина и А. Давыдова. Чехов возмущенно констатировал бесконечную ди-

кость и косность сахалинского управления, соответствовавшие махровому средневековью. Он видел, что многие должностные преступления, всевозможные проявления халатности, прямой и косвенной жестокости характеризуют деятельность вполне интеллигентных и образованных служащих [Чехов, 1983, с. 114–370].

Помимо описания встреч и общения с докторами, косвенных рассказов о тех, кто служил на каторге до прибытия туда Чехова, книга наполнена статистикой, органично вписанной в сложную повествовательную структуру обозрения. В III главе автор вводит этот мотив, сопровождающий и самые эмоциональные, тонкие в художественном отношении эпизоды. Статистика «начинается» в книге со слова «перепись». Чехов осуществил полную перепись населения острова почти в одиночку, лишь в некоторых случаях прибегая к услугам добровольных помощников. На статистике строится беллетристическое по своему характеру изображение, но и наоборот – статистическая картина поражает читателя своим эмоциональным напряжением. Поэтому до сих пор не утихают споры о природе книги Чехова – документальная она или художественная.

В III главе Чехов говорит об общих принципах своей переписи, а также разъясняет структуру своей карточки-анкеты, как она отражает его интерес к сахалинскому быту [Чехов, 1983]. XXIII глава книги

насыщена медицинским содержанием в чистом виде. Общие сведения о болезненности и смертности, основах организации медицинского дела на каторге получают свое завершение в описании Александровского лазарета. Используемые Чеховым сведения носят широчайший характер. Он использовал официальные документы каторжной медицины и администрации, это были и «Ежемесячные отчеты о количестве больных в поликлиниках», и «Ведомости о приходе и расходе медикаментов в лечебных заведениях гражданского ведомства на о. Сахалине», и метрические книги местной церкви, и «Устав о ссыльных» и мн. др. [Чехов, 1983].

Исследуя каторжных самостоятельно и изучая отчеты других медиков, Чехов ставил вопросы об этиологии многих болезней, причиной которых становился островной климат, воспетый М. С. Мицулем, одним из пропагандистов колониальной модели освоения Сахалина, автором книги «Остров Сахалин в сельскохозяйственном отношении», дурные условия работы каторжных и поселенцев, а также многочисленные промахи в работе администрации, безрезультатно фиксируемые в официальных отчетах: «доставка за восемь верст бревен от 6 до 8 вершков в диаметре четырехсаженной длины производится тремя рабочими <...> тяжесть бревна в 25–35 пуд<ов>» (из отчета д-ра Б. А. Перлина) [Чехов, 1983, с. 361–362]. В другом эпизо-

де: «... ссуда, как и многое другое, долго заставляет себя ждать, парализуя охоту к домообзаводству... В прошедшему году осенью <...> мне приходилось видеть дома, ожидающие стекол, гвоздей и железа к задвижкам в печах, ныне я тоже застал эти дома в подобном ожидании» – из приказа начальника острова [Чехов, 1983, с. 234].

Чаше всего Чехов осознал, что статистика вопиюще неполна. Многие болезни, зафиксированные менее 10 раз за год (такие как дизентерия или кровавый понос), в действительности имели эпидемический характер. Книга «Остров Сахалин» демонстрирует немало ситуаций смягчения или искажения статуса тех или иных негативных явлений. Так, например, статистика смертности от чахотки учитывает только православных, но, если прибавить магометан, «умирающих обыкновенно от чахотки», процент «выйдет внушительный» [Чехов, 1983, с. 362]. Для Чехова важно было опровергнуть сложившуюся в официальной сахалинской публицистике картину климатического благополучия и показать, что страдают и умирают от болезней не только старики, но и вполне молодые, 20–30-летние, люди, страдающие не только от заразных болезней, но и от нестерпимой тоски по родине, приводящей к прямому сумасшествию [Чехов, 1983]. Поэтому писатель восставал против хора голосов «старых корреспондентов», выступавших за организацию коло-

нии на Сахалине и, следовательно, отрицавших повальный характер цинги и других бедствий, состаривающих каторжного в два раза быстрее. Чехов показывает, как катастрофически быстро «молодеют» все болезни, поражающие материкового человека гораздо позже. Его недоумение связано с тем, что медицинское обслуживание на острове, при относительной малочисленности каторжного населения и поселенцев, могло бы быть почти идеальным, однако существующая картина, скорее, свидетельствует о его отсутствии.

Рассматривая статистику жалоб на плохое здоровье и болезни, Чехов нередко говорит о том, что каторжные не приучены к мягкотелости и сами редко обращаются за помощью, особенно если речь идет о случаях неврологического, психического расстройства или маразма. И, конечно, писатель при этом пытается установить общие причины заболеваний, описать сезонную и иную этиологию заболеваемости. Холод, чрезвычайная влажность, отсутствие солнца дополняет отвратительное питание, зараженная вода, повсеместный алкоголизм.

Материалы, собранные Чеховым за три месяца, были использованы для написания книги «Остров Сахалин», которая могла бы рассматриваться как существенное подспорье в работе Чехова в университете. Но идея приват-доцентуры была отвергнута, как следует из рассказа Г. И. Россолимо, тогдашним дека-

ном медицинского факультета И. Ф. Клейном [Гитович, 1986]. Но книга «Остров Сахалин» возымела действие. В 1896 году на остров была направлена комиссия правительственного комитета для нового изучения, а еще через 10 лет, по окончании войны, колонизационный проект был свернут.

Литература XIX века накопила весьма глубокий опыт объективизации социального материала в условиях цензурного прессинга. Хорошо известна опровергающая, высмеивающая сила хроникального, летописного (например, дневникового), как бы объективного свидетельства, когда, устранившись от стилистики обличения, автор достигает чрезвычайного накала эмоций и опровергает систему, построенную на унижении и воровстве. В языке прозы Чехова мы находим интересные формы критики и разоблачения. Их природа носит сложный характер, питаясь объективностью нехудожественного (естественно-научного) дискурса и лиризмом (и даже более прямолинейно – эмоциональностью) описаний общего характера. Общие конструкции статистики и просветительской гигиены, перерабатывая оба потока, порождают сложный образ сахалинской публицистики Чехова.

Следовательно, мы можем задать вопрос: какова типология форм критики и форм разоблачения? Они сильно отличаются друг от друга. Разоблачение – это доказательство неправоты, а критика –

это анализ правоты. Однако их взаимосвязь представляется малоисследованным полем для филолога. Интересно, как Чехов использовал формы критики и разоблачения в книге «Остров Сахалин». Писатель неоднократно обращает внимание на условия жизни людей. При описании изб ссыльнопоселенцев, тюремных бараков, лазаретов он обязательно приводит сведения о гигиеническом состоянии этих помещений. Мотив гигиены проникает в заголовочный комплекс «Острова Сахалина». Например, раздел 19-й главы называется «Что и как едят арестанты», разделы 9-й главы – «Жилища. Гигиеническая обстановка», а разделы 5-й главы – «Общие камеры» и «Отхожие места» и т. д.

Внимание к гигиене составляет своего рода первичный слой в попытке Чехова решить задачу, связанную с декларацией гуманистического идеала, пониманием той меры человечности, ниже которой личность разрушается, а общество раздробляется до такого состояния, когда понимание ценности отдельной жизни как бы атрофируется. Чехов стоял перед очень трудным испытанием – выработать инструментарий, который позволил бы ему уйти от привычных литературных форм воплощения эмоциональной оценки и пафоса. Ему приходилось осваивать язык цифр и логической аргументации, ускользающей от цензурного внимания, чтобы показать губительность законов.

Таким образом, процесс разоблачения начинается как бы исподволь, вытекает из элементарных подсчетов и сопоставлений, с которыми невозможно спорить. Книга крайне осторожно выражает идеи Чехова. По различным мемуарам, и в частности того же Г. И. Россолимо, из разрозненных фактов и мелочей мы знаем, что Чехов не сближался со студентами, сочувствующими народническому движению, несмотря на то что таковых было очень много на всех курсах и факультетах и несмотря на то, что середина 1880-х стала очень драматичным периодом в истории партии «Народная воля» [Гитович, 1986]. Впоследствии позиция Чехова оставалась дистанцированной от мнений радикальных слоев русского общества. Однако Чехов неизменно придерживался гражданской позиции в своей прозе и драматургии («Припадок», «Спать хочется», «Скучная история», «Иванов»). И в «Острове Сахалине» он свидетельствует обо всех бедах, которые суждено пережить несчастным представителям русского народа. Заведомо отказавшись от художественных приемов, словно вспоминая навыки научного работника, освоенные в годы студенчества, он формирует свою позицию в книге постепенно, непредвзято и, в каком-то смысле, внепартийно. Но смысл картин, показанных им, от этого не становится более мягким и завуалированным. Прямота Чехова сви-

детельствует о его гражданском мужестве.

Рисуя страдания простого человека, русского или, как в то время принято было выражаться, инородца, Чехов акцентирует внимание читателей на страданиях каторжников, на беспомощности властей и тем самым, возможно, вызывает негативную реакцию народнической критики, еще сохранившей в литературе и публицистике довольно сильную позицию. Это объясняется тем, что Чехов не формулирует призыв к борьбе против самодержавия, против негуманного закона, а стремится показать, что существующая правовая и экономическая система могла бы обеспечить сносное существование каторжных. Это не единственный смысловой аспект книги. И Чехов, конечно, был занят решением и другой задачи, которая как бы конкурировала с первой: это опосредованное цифрами изображение атрофии власти, пренебрежение к низшему сословию и к человеку, лишенному всех прав состояния независимо от его прошлого.

Не столько подробное описание тяжести каторги, человеческих страданий, бессмысленности многих установлений, а отсутствие программы, ответов на «проклятые» вопросы спровоцировало отрицательную оценку книги «Остров Сахалин» или молчание критики. Чехов шел вразрез с установившимися еще в середине XIX века канонами публицистики, от которой

читатели ждали не только ответа на поставленный вопрос, но и программы действия. Вместо этого Чехов рассказывал, как он вмешивался в процесс лечения какого-нибудь вполне случайного больного и сколько скальпелей оказалось тупых, как долго «ассистенты» искали средства дезинфекции при том, что расходы на медицину, зафиксированные в официальных документах, превышали показатели стандартно образцовых лечебниц в Московской губернии. Для властителя дум это было мелковато: «Не боги горшки обжигают», как сказал Базаров Аркадию Кирсанову.

Можно сказать, что Чехов в книге не только отказался от своих привычных приемов изобразительности, но и уклонился от публицистичности современной повременной печати. Такая независимость и могла быть воспринята негативно, однако это требует особых историко-литературных разысканий в рамках другой работы.

И все же книга «Остров Сахалин» не только вызвала резонанс в обществе, но и проложила иные пути для развития прозаического дарования самого Чехова. После Сахалина он почти не обращается к своему юмористическому методу. Комизм чеховской прозы, продолжая набирать высоту, резко уходит в тень новых социальных интересов. Наполненный впечатлениями о поездке, пропитанный сахалинским кошмаром, он создал очень разные произведения, но среди них не

только проза «Убийства», «Моей жизни», «Мужиков», «На подводе», «Архиерея», но и замечательные пьесы, отношение которых к сахалинскому «дискурсу» выявлено не до конца: «Чайка», «Три сестры» и «Вишневый сад».

При этом методы писателя открыты. Он позволяет читателю следить за своими рассуждениями, раскрывает источники, на которые опирается в работе, хотя это и необязательно. Ситуации понятности способствует и включенность сахалинского сюжета в широкий политический, общественный тематический план. Автор рассказывает об истории исследования острова, описывает отношения России и Японии, отчасти наблюдает и за гилеяками и айнами, хотя этнические вопросы его интересуют не в первую очередь, особенно на фоне злейших, воистину трагических, перипетий «женского вопроса» в островной ситуации. И начатая им перепись каторжного и ссыльного населения создает условия для максимально широкого и открытого рассуждения о злобе дня, рассуждения, не замкнутого узкопрофессиональными или партийными интересами. Такой подход позволил ему не только познакомиться с условиями жизни во всех тюрьмах и поселениях острова, проникнуться настроением каторги. Он смог изучить моральный облик администрации каторги. Таким образом он получил возможность ставить вопросы различного характера.

Критика могла бы упрекнуть Чехова в искажении материалов и излагаемых фактов. Претензии эти, как известно, возникли в ходе журнальной публикации книги и некоторое время тянулись, досаждая Чехову. Однако носили они, в основном, непринципиальный характер [Теплинский, 1957].

Мы не можем сомневаться в правдивости Чехова, несмотря на общий для всех текстов и повествовательных форм тезис о неизбежной субъективности изображения и оценки. Вряд ли что-то в книге можно оспорить, по существу, потому что Чехов воздействует на читателя и, таким образом, на политическое status quo тюремной России всей массой статистического материала, не избирая для атаки отдельные узлы пенитенциарной системы. Чехов привлек внимание широкой общественности к бедственному положению русского преступника. Он не был первым на этом пути и подхватил традицию, намеченную великими писателями – А. И. Герценом, Ф. М. Достоевским. В 1890-м году в России (в Санкт-Петербурге) прошел международный тюремный Конгресс – это было уникальное для Европы и США (до 1910 года) и единственное событие такого размаха в русской истории в то время. Чехов в это время находился уже в Восточной Сибири, миновал Иркутск. Делегаты конгресса заслушали множество сообщений о преобразовании исправительной системы в Ев-

ропе и России. В частности, на заседаниях выступал И. Я. Фойницкий, известный русский правовед, профессор Петербургского императорского университета, давно уже начавший читать лекции по тюремоведению, который говорил, что тюремных чиновников нужно учить их будущему служению и подвергать строгому кадровому отбору. Книгу Фойницкого «Учение о наказании в связи с тюремоведением» Чехов использовал в работе на «Острове Сахалине» [Фойницкий, 1889].

На конгрессе предполагалось рассмотреть вопросы улучшения условий содержания в тюрьмах, методов наказания и предупреждения преступлений и др. Чехов писал в своей книге: «Главное тюремное управление, давая в своем десятилетнем отчете критический обзор каторги, замечает, что в описываемое время каторга перестала быть высшею карательною мерой. Да, то была высочайшая мера беспорядка, какой когда-либо создавали невежеством, равнодушием и жестокостью» [Чехов, 1983].

«Почти 10 000 карточек, составленных Чеховым практически единолично (изредка он использовал помощь сахалинских знакомых), хранится сейчас в фондах Российской государственной библиотеки. Карточка состоит из 13 пунктов: название поста или селения; звание записываемого; имя, отчество, фамилия и т. д. Отсутствовала графа о совершенном преступлении. Это не

было случайным и свидетельствовало лишь об одном: в данном случае писателя интересовало только наказание, т. е. вся исправительная система, которая бытовала на Сахалине. Эти карточки создали образ невероятной силы» [А. П. Чехов, 2005, с. 600].

Чехов пошел по пути Герцена и Салтыкова, Лескова и Л. Н. Толстого, ориентируясь на их лучшие публицистические выступления. Он создал невымышленную прозу необыкновенного накала, хотя мог пользоваться весьма ограниченным в этом отношении арсеналом изобразительных средств. Документальность книги «Остров Сахалин» ни у кого не вызывает сомнений, хотя ее эмоциональность делает ее конкурентоспособной с лучшими образцами такой прозы.

Вслед за Фойницким, опираясь на собственные наблюдения, Чехов говорит, что ужас каторжной тюрьмы берет начало в административной модели, которая, в свою очередь, проистекает из общих российских, глубоко укоренившихся, проблем. И поэтому писатель никогда не уклонялся от возможности показать, как легко в России неграмотный и простодушный человек становится жертвой судебной ошибки, как процветает на Сахалине воровство, какой вопиющий беспредел допускает высшее начальство острова и всей губернии, глядя сквозь пальцы на должностные преступления и халатность чиновников.

Были и другие «итоги». Как наиболее яркие и типичные отметим две ветви. Одна из них может быть представлена брошюрой Н. С. Лобаса «Каторга и поселение на Сахалине» (1903), легендарного сахалинского доктора. Вторая – книгой «Сахалин» Власа Дорошевича, одного из самых ярких журналистов рубежа XIX-XX веков. Несмотря на то, что Николай Степанович Лобас Дорошевича и Чехова отмечает, как наиболее ярких и капитальных своих предшественников, – авторов о сахалинской каторге, книга Дорошевича своей беллетризованностью сближается со знаменитыми очерками П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина) «В мире отверженных» и отходит от традиции, намеченной записками Ф. М. Достоевского.

Названные авторы не предпринимали особых статистических поисков, правда, Н. С. Лобас говорит о массе несправедливостей, им обнаруженных, все же его книжка такой глубины, как чеховская, не достигает. Чехов мыслит данными универсально. Его интересует образование в системе тюрем всех сахалинских округов, состояние детских учреждений, библиотек, а не одной медицины. Так он может показать, что отсутствует помощь как таковая, а не только медицинская или социальная. Об этом он рассказывает со всей беспристрастностью, создавая уникальный образ на грани художественного повест-

ования и журналистского расследования.

«Остров Сахалин» произвел большое впечатление на русское общество, заставив царское правительство, после его появления, выделить специальную комиссию для расследования положения на острове. Чехов уделяет истории изучения Сахалина значительное внимание. В основном историко-географическим аспектам он посвящает первую и вторую главы книги «Остров Сахалин». Однако в дальнейшем почти любой вопрос сахалинской организации он стремится установить на историческую почву. Используя значительный объем газетных и журнальных публикаций, данные книг, академических трудов и записок, травелогов разного времени, Чехов воссоздает объективный образ восточной окраины Российской империи. Любопытно, что в тексте «Острова Сахалина» и предшествующих ему очерков «Из Сибири» возникает и некий параллельный мир – мифический [Чехов, 1983; Шишпаренок, 2010]. Это своего рода реконструкция образа Сибири и русской колонии в сознании местного населения.

В целом масштаб видения Чеховым сибирских и дальневосточных просторов при том, что писатель, конечно, не мог собрать исчерпывающую библиографию, оказывается неохватным благодаря способности извлечь из источника максимум деловой и эмоциональной информации. Ему удается быть одно-

временно и точным в реконструкции истории географического описания острова, и лирически внятн для читателя вследствие, может быть, необыкновенной художественной пытливости. В результате становление карты острова, его береговой линии не отрывается от истории деятельности тех храбрых и подвижников науки, которые для рядового читателя давно превратились в застывшие смыслы, некие иконы в смысле абстрагированности и дистанцированности от живой жизни. Чеховский подход возвращает в ставшую хрестоматийной историю освоения Сахалина элемент человечности и естественным образом делает ее современной, актуальной. В этом заключается синтез художественного и документального начала в поэтике книги.

Готовясь к поездке, Чехов изучил записки множества экспедиций – И. Крузенштерна, Ю. Лисянского, Г. Невельского и др. Но его интересовали и формы беллетристические и полубеллетристические – «Фрегат “Паллада”» И. Гончарова, рассказы В. Г. Короленко и т. д. Антон Павлович изучил множество этнографических исследований не только о Сибири и Сахалине, но и, например, о Японии. Так, например, поиски о координатах западного побережья острова (или полуострова, как считали все предшественники Г. Невельского) и глубине Татарского пролива, удельном весе воды в нем получают

развитие в размышлениях о характере исследователей. Отсюда примечательные дополнения, вроде тех, что Крузенштерн «обрадовался немало» запискам В. Браутона, поскольку его «точил червь сомнения» [Чехов, 1983, с. 47]. Или о русском государе, который нашел поступок Невельского «молодецким, благородным и патриотическим» [Чехов, 1983, с. 48].

Рассуждение о картах острова и пролива имеет полукомическое продолжение (и это при том, что Чехов чрезвычайно высоко ценил научную традицию, когда не нужно до всего доходить своим умом): «Командир “Байкала” не доверяет официальной карте и смотрит в свою собственную, которую сам чертит и исправляет во время плавания» [Чехов, 1983, с. 50]. Деление острова также претерпело со временем метаморфозу, о чем Чехов сообщает в привычной ему манере: «Прежнее деление его на северный, средний и южный неудобно в практическом отношении, и теперь делят только на северный и южный» [Чехов, 1983, с. 53]. Такое же впечатление производит портрет генерала В. Кононовича, начальника острова, который «до своего назначения на Сахалин в продолжение 18 лет заведовал каторгой на Каре; он красиво говорит и красиво пишет и производит впечатление человека искреннего, проникнутого гуманными стремлениями» [Чехов, 1983, с. 60].

Разумеется, возникают и обратные «проекции». Знакомство с бароном А. Н. Корфом началось вполне «душевно»: «Корф принял меня очень ласково и беседовал со мной около получаса», – но затем во время торжественного обеда генерал-губернатор произносит речь, которая производит весьма сложный эффект: «”Я убедился, что на Сахалине „несчастливым“ живется легче, чем где-либо в России и даже Европе. В этом отношении вам предстоит сделать еще многое, так как путь добра бесконечен”. Он пять лет назад был на Сахалине и теперь находил прогресс значительным, превосходившим всякие ожидания. Его похвальное слово не мирилось в сознании с такими явлениями, как голод, повальная проституция ссыльных женщин, жестокие телесные наказания, но слушатели должны были верить ему: настоящее в сравнении с тем, что происходило пять лет назад, представлялось чуть ли не началом золотого века» [Чехов, 1983, с. 64]. Чехов широко привлекает данные из работ современных исследователей каторги и колонии, также опиравшихся на исторические разыскания, например, колонии в Новом Южном Уэльсе в Австралии [Фойницкий, 1889].

Сахалинская каторга – один из наиболее ярких колонизационных проектов в новой истории России. Вопрос о колонии в политическом целом империи – это весьма сложная и динамичная проблема, мар-

кирующая семантическое поле границы. С одной стороны, это реальная граница империи, с другой – предел правового поля. Во всех ситуациях, отмеченных на этой шкале ценностей, складывается проза, говорящая об отношении к человеку и пространству. В первую очередь, это публицистика, стремящаяся определить градус каждой атаки на личность и местность, говорящая о разрушительности и созидательности – в зависимости от того, какой партии она служит.

Любой аспект колонизации весьма чувствителен. XIX век – изобретатель синтетических форм колонизации в широком смысле. Это время интересно тем, что тогда соединились две формы колонизации – насильственная и относительно мирная. По отношению к последней, изучив различный опыт официальной, земской и беллетристической публицистики, можно сказать, что переселение в России, в условиях плохо информированной народной массы, приобретало самые прихотливые формы. Но необходимо учитывать, что в России процветала и колонизация идейно-философского характера – в рамках неэкономического, этического и жизнестроительного содержания (социалистические, народнические, толстовские коммуны, не говоря о сектантах, ведущих свою историю как минимум с момента раскола).

Приступая к пониманию проблемы «Сахалин как колония»,

нельзя обойти стороной вопрос о правомерности формулировки вопроса о колониальном положении острова, рассматриваемого как часть России. Какие территории в России считались колониями? Единственным русским владением, которое имело официальный статус колонии, была Русская Америка. Что касается других территорий, то конфликты еще не закончились. Например, в течение почти двух столетий шел спор о статусе Сибири в составе Российской Империи. Ведущим, однако, следует считать мнение В. О. Ключевского, рассматривавшего историю России как непрерывный процесс колонизации. Вслед за ним эту концепцию разрабатывал его ученик С. Соловьев. Эрозия своей культуры под влиянием негативных тенденций современного мира, сокращение площади традиционного обитания, разрушение традиционного жизненного уклада, интеграция коренных народов в непривычный образ жизни, массовая миграция наемных рабочих, каковыми формально считались каторжные Сахалина, под влиянием корысти купцов и акцио-

нерных (например, угледобывающих) компаний, вытеснение родного языка, религиозных обычаев и быта вели к утрате нивхами и уйльта их этнической самобытности.

Таким образом, рассмотрев специфику медицинского и колониального дискурсов в книге Чехова, можно сделать вывод, что для такого писателя, как А. П. Чехов, считавшего, как известно, что человек создан для счастья, увиденные картины человеческих страданий стали огромным потрясением, и как человек действия, он не просто констатировал бесчеловечность условий существования людей, но предпринял все возможные усилия, чтобы изменить условия жизни на острове по всем направлениям – гражданско-правовому, медицинскому и культурному. Также писатель сформулировал мысли о цели и формах развития Сахалина, что далеко выводит книгу писателя за рамки жанра путевых заметок, да и за рамки художественной литературы вообще.

Библиографический список

1. А. П. Чехов в воспоминаниях современников / вступ. ст. А. Туркова ; сост., подгот. текста и коммент. Н. И. Гитович. Москва : Художественная литература, 1986. 735 с.
2. Арсеньев К. И. Статистические очерки России. Санкт-Петербург : В типографии Императорской Академии наук, 1848. 503 с.
3. Архангельский П. А. Из воспоминаний об Антоне Павловиче Чехове // Отчет Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1910 г. Москва, 1911. С. 28–32.

4. Архангельский П. А. Отчет по осмотру русских психиатрических заведений, произведенному по поручению Московского губернского земского санитарного совета врачом Воскресенской земской лечебницы П. А. Архангельским. Москва : Типография В. В. Исленьева, 1887. 325 с.
5. «Быть может, пригодятся и мои цифры» : материалы Сахалинской переписи А.П. Чехова. 1890 год. Южно-Сахалинск, 2005. 600 с.
6. Высоков М. С. Комментарий к книге А.П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток ; Южно-Сахалинск : Рубеж, 2010. 848 с.
7. Куркин П. И. Антон Павлович Чехов как земский врач. Материалы для биографии (1892-1894 гг.) // Общественный врач. 1911. № 4. С. 66–69.
8. Малиновский И. А. Университет в сочинениях А. П. Чехова. Томск : Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1904. 25 с.
9. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Москва : Наука, 1974–1988. 584 с.
10. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Москва : Наука, 1974–1988. 544 с.
11. Шишпаренок Е. В. Понимание сибирского мифа в творчестве А. П. Чехова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 207 с.
12. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

Reference list

1. A. P. Chehov v vospominaniyah sovremennikov = A. Chekhov in memoirs of contemporaries / vstup. st. A. Turkova ; sost., podgot. teksta i komment. N. I. Gitovich. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986. 735 s.
2. Arsen'ev K. I. Statisticheskie ocherki Rossii. = Statistics outlines of Russia. Sankt-Peterburg : V tipografii Imperatorskoj Akademii nauk, 1848. 503 s.
3. Arhangel'skij P. A. Iz vospominanij ob Antone Pavloviche Chehove = From memoirs of Anton Pavlovich Chekhov // Otchet Blagotvoritel'nogo obshhestva pri Voskresenskoj zemskoj lechebnice Zvenigorodskogo uezda za 1910 g. Moskva, 1911. S. 28–32.
4. Arhangel'skij P. A. Otchet po osmotru russkih psihiatricheskikh zavedenij, proizvedennomu po porucheniju Moskovskogo gubernskogo zemskogo sanitarnogo soveta vrachom Voskresenskoj zemskoj lechebnicy P. A. Arhangel'skim = Report on the inspection of Russian psychiatric institutions, carried out on behalf of the Moscow provincial sanitary council by P. A. Arkhangelsky, a doctor of the Voskresensk district hospital. Moskva : Tipografija V. V. Islen'eva, 1887. 325 s.
5. «Byt' mozhet, prigodjatsja i moi cifry» : materialy Sahalinskoj perepisi A. P. Chehova. 1890 god. = “Maybe my numbers will be useful, too” : materials of the Sakhalin census by A. P. Chekhov. 1890. Juzhno-Sahalinsk, 2005. 600 s.
6. Vysokov M. S. Kommentarij k knige A. P. Chehova «Ostrov Sahalin». = Commentary on A. P. Chekhov's book Sakhalin Island. Vladivostok ; Juzhno-Sahalinsk : Rubezh, 2010. 848 s.

7. Kurkin P. I. Anton Pavlovich Chehov kak zemskij vrach. Materialy dlja biografii (1892-1894 gg.) = Anton Pavlovich Chekhov as a provincial doctor. Materials for biography (1892-1894) // Obshhestvennyj vrach. 1911. № 4. S. 66–69.
8. Malinovskij I. A. Universitet v sochinenijah A. P. Chehova. = University in the works of A.P. Chekhov. Tomsk : Tovarišhestvo skoropechatni A. A. Levenson, 1904. 25 s.
9. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. = Complete collection of works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols. Moskva : Nauka, 1974–1988. 584 s.
10. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Sochinenija: v 18 t. = Complete collection of works and letters: in 30 vols. Works: in 18 vols. Moskva : Nauka, 1974–1988. 544 s.
11. Shishparjonok E. V. Ponimanie sibirskogo mifa v tvorchestve A. P. Chehova. = Understanding of Siberian myth in the works of A. P. Chekhov. Irkutsk : Izd-vo IGU, 2017. 207 s.
12. Jadrincev N. M. Sibir' kak kolonija: k jubileju trehsotletija = Siberia as a colony: the 300th anniversary. Sankt-Peterburg : Tip. M. M. Stasjulevicha, 1882. 471 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дубаков Леонид Викторович – кандидат филологических наук, преподаватель ГПОУ ЯО «Ярославское музыкальное училище (колледж) им. Л. В. Собинова». 150000, г. Ярославль, ул. Собинова, д. 5.

E-mail: plutton7@mail.ru

Колода Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков, научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2.

E-mail: sveta_koloda@mail.ru

Ли Сяньшунь – магистр научно-исследовательского факультета медицинского менеджмента, Университет Цинхуа, 518055, КНР, г. Шэньчжэнь, район Наньшань, ул. Лишуй, д. 2279.

E-mail: hitsomlxs@163.com

Ли Сяотао – доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета. г. Чунцин, КНР. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2.

E-mail: lxt928lxt@163.com.

Ма Вэйхун – доктор филологических наук, профессор Чжэцзянского института иностранных языков, научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР. 310058, КНР, г. Ханчжоу, провинции Чжэцзян, район Сианьху, ул. Юйхантан, 388.

E-mail: 921124053@qq.com

Млечко Татьяна Петровна – доктор филологических наук, иностранный член РАО, ректор Славянского университета в Республике Молдова, профессор филологического факультета МГУ-ППИ в г. Шэньчжэнь КН, Член Президиума МАПРЯЛ. 518172, Китай, пров. Гуандун, г. Шэньчжэнь.

E-mail: mle4ko-t@mail.ru

Нин Шилэй – магистр филологического факультета МГУ, преподаватель Хэйлунцзянского института иностранных языков. 150028, провинция Хэйлунцзян, город Харбин, район Сунбэй, ул. Шидананьлу, д. 1.

E-mail: ningshilei91@mail.ru

Пефтиев Владимир Ильич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: keu08@yandex.ru

Семенова Анастасия Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии, Казахстанский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова». 010010, Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Кажимукана, д. 11.

E-mail: anastasia_semenova@list.ru

Чжэн Цяньцян – инспектор Управления кадров Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне. 5181000, КНР, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюань. д. 1.

E-mail: zhengqq@smbu.edu.cn

Янь Цин – магистрант Юго-Западного университета КНР. КНР, 400715, г. Чунцин р. Бэйбэй у. Тяньшэн д. 2.

E-mail: 1141070560@qq.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dubakov Leonid Viktorovich – candidate of philological sciences, lecturer of the Yaroslavl music school (college) named after L. V. Sobinov. 150000, Yaroslavl, Sobinov st., 5.

E-mail: plutton7@mail.ru

Koloda Svetlana Aleksandrovna – candidate of philological sciences, associate professor of the Institute of foreign languages, leading researcher at the Center for studying Russian-speaking countries, Southwest University at the PRC Ministry of Education. 400715, China, Chongqing, Beibei District, Tiansheng Street, 2.

E-mail: sveta_koloda@mail.ru

Li Xianshu – master at scientific research Faculty of medical management, Tsinghua University. 518055, PRC, Shenzhen, Nanshan District, Lishui st., 2279.

Email: hitsomlxs@163.com

Li Xiaotao – doctor of philological sciences, professor at the faculty of the Russian language, Institute of foreign languages, Southwest University. Chongqing, the PRC. Tiansheng road, 2, Beibei district Chongqing Municipality, China, 400715.

E-mail: lxt928lxt@163.com

Ma Weihong – doctor of philological sciences, professor of the Zhejiang Institute of foreign languages, leading researcher at the Center for studying Russian-speaking countries, Southwest University at the Ministry of Education, the PRC. 310058, China, Hangzhou, Zhejiang province, Sianhu district, Yuhantan st., 388.

E-mail: 921124053@qq.com

Mlechko Tatiana Petrovna – doctor of philology, foreign member of RAE, rector of Slavic University in the Republic of Moldova, professor of the Faculty of philology of MSU-BIT in Shenzhen, member of the Presidium of IATRLL. 518172, China, Province of Guangdong, Shenzhen.

E-mail: mle4ko-t@mail.ru

Ning Shilei – master of philology at Lomonosov Moscow State university, lecturer at Heilongjiang International University. 150028, PRC, Heilongjiang province, Harbin, Songbei district, Shidanan st., 1.

E-mail: ningshilei91@mail.ru

Peftiev Vladimir Iliich – doctor of economic sciences, professor at the department of economic theory and management, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: keu08@yandex.ru

Semenova Anastasia Vladimirovna – candidate of philological sciences, senior lecturer at the department of philology, Kazakhstan branch of Lomonosov Moscow state university. 010010, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazhimukan st., 11.

E-mail: anastasia_semenova@list.ru

Yan Qing – master's degree, Southwest University, the PRC. China, 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng st., 2.

E-mail: 1141070560@qq.com

Zheng Qianqian – inspector of Human resources department of MSU-BIT university in Shenzhen. 5181000, PRC, Guangdong province, Shenzhen, Lungang district, Dayunxincheng, Guojidasuang st., 1.

E-mail: zhengqq@smbu.edu.cn

**УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«МИР РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН»
И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

Компьютерный набор рукописи статьи на русском или английском языках, предназначенной для публикации в научном журнале, должен строго соответствовать следующим требованиям.

1. Одна страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

2. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0; гарнитура Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

4. Рукопись должна быть выполнена в соответствии со следующими критериями:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья (23.00.02 – «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития», 23.00.04 – «Политическая регионалистика. Этнополитика», 10.01.01 – «Русская литература», 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья», 10.02.01 – «Русский язык»; 24.00.01 – «Теория и история культуры»).

4.3. Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.

4.4. Название статьи на русском и английском языках.

4.5. Аннотация

– должна быть написана на русском и английском языках;

– должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;

– содержать описание наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность;

– в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур; не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

– в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

– текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

– объем каждой аннотации должен составлять от 210 до 250 слов.

4.6. Ключевые слова – не менее 7 и не более 12 (на русском и английском языках).

4.7. Идентификационный номер автора в ORCID.

4.8. Текст статьи.

4.9. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке)

5. Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки (например, [Карасик, 2002, с. 231] (страницы указываются при цитировании!); [Интерпретационные характеристики ... , 1999, с. 56]; [Шаховский, 2008; Шейгал, 2007]). Библиографический список должен быть оформлен по ГОСТу Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие тре-

бования и правила составления» сплошной нумерацией, 14 кеглем, через 1,5 интервала и размещен после текста статьи. Каждый источник, указанный в списке литературы, должен иметь ссылку в тексте. Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим следующим условиям: количество ссылок должно содержать не менее 25 наименований, не менее 20 источников за последние 3 года. Ссылки на свои работы – 10 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 50 % – приветствуются. Во всех источниках должны быть указаны год выпуска, город и издательство, кол-во страниц.

6. Примечания и постраничные сноски в статье не допускаются!

7. Таблицы, схемы, диаграммы, гистограммы должны быть оформлены в контрастной шкале серого цвета. Для рисунков используется gif-формат. Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение. Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (например: автор, книга, журнал и т. д.).

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Если статья написана на основе эксперимента, то ее необходимо оформить следующим образом:

- введение;
- обзор литературы;
- методы исследования;
- результаты и дискуссия;
- заключение;
- благодарности;

Рукопись, предназначенная для публикации, будет принята к рассмотрению редакцией только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах (форма размещена на сайте).

Объем статьи должен быть не менее 10 страниц и не превышать 20 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из выше перечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

Статья в журнал проходит рецензирование и получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

При наличии серьезных замечаний по статье в рецензии, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензента.

Авторский экземпляр журнала автор получает по почте согласно оформленной подписке. Оформить подписку можно от одного номера журнала в год.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентом журнала, может быть опубликована в течение года.

Аспиранту для публикации статьи без подписки на журнал необходимо предоставить редактору журнала:

- справку из отдела аспирантуры;
- выписку из решения кафедры или иного структурного подразделения о необходимости публикации статьи, заверенную организацией;
- отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

**CONDITIONS OF PUBLICATION OF THE ARTICLE
IN THE SCIENTIFIC JOURNAL
«WORLD OF RUSSIAN-SPEAKING COUNTRIES»
AND REQUIREMENTS FOR MANUSCRIPTS**

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

- 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;
- margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5 cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;
- font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The field of science and the specialty code of the article.

4.3. Information about the author:

- surname, first name, patronymic name (if applicable);
- address with postcode;
- contact phone number;
- e-mail;
- scientific degree and status;
- job title;
- place of work (with legal address and postcode).

4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.

4.5. Summary of the article – minimum 210 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. Bibliography (in alphabetical order).

5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27], the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1-2003. «Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules» (example can be found at <http://vv.yspu.org/>).

6. Tables, schemes, diagrams must be black and white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

- each picture must be numbered and have a caption. Captions must not be part of the picture;
- pictures must be grouped (i. e. they must not «fall apart» when moved or formatted);
- pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;
- captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;
- the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.

7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:

- 2 copies of completed and signed author's contract.

- An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.

8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.

9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.

10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of «Social and political researches» and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2021 – № 2 (8)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 17,5 п. л., 8,5 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.
Заказ № 120. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.06.2021

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44